

ISSN 2587-9510

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 4(27) 2017

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 4(27) 2017

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ранее журнал издавался под названием «Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Л.М. Кольцова – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **С. Менгель** – доктор филологических наук – Халле Виттенберг, Германия; **Раджешвар Раджу А.** – доктор PhD по русскому языку – Рева, Индия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия.

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2017

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal is published four times a year.

The journal was published as “Scientific newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and cross-cultural communication”.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors’ point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

L.M. Koltsova – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **S. Mengel** – doctor of philology – Halle Witternberg, Germany; **Rajeshvar Paju A.** – PhD in Russian language – Rewa, India; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **N.V. Tsybalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia.

Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора.....	8
---	---

Лингвистика

Воронова Т.А. Автобиографизм ономастического пространства лирики Арсения Тарковского	10
Зубкова Е.Н. Особенности функционирования номинаций европейских фантастических птиц в русском языке.....	15

Методика преподавания языков

Шавва Т.Ю. Целевая ориентация в преподавании иностранного языка в современном вузе	23
--	----

Аспекты изучения художественного текста

Елисеев С.Л., Мацько Д.С. Окопная поэзия как отражение художественной реальности начала XX века	28
Папшева Г.О., Струкова Т.А. Экологическое сознание в творчестве М.А. Осоргина 20-х годов XX века	34
Плахтиенко О.П., Коровкина Ю.А. Феномен нелинейного текста в художественной литературе: история развития и современные формы. Роман М. Павича «Семь смертных грехов».....	39
Безатосная О.М. Образ России в воспоминаниях К.А. Коровина «То было давно... там... в России...».....	48
Белова А.В. Эпистолярный, документальный и литературный жанры и их взаимопроникновение.....	53

Лингвокультурология

Буркова С.С. Речевое поведение и принципы организации текста в гендерном аспекте	60
Румянцева Е.В. Лингвокультурологический аспект обучения американских учащихся русскому коммуникативному поведению в ситуации просьбы	65

Межкультурная коммуникация

Токмачева М.А., Кормильченко Ю.Э. Особенности ольфакторной лексики для выражения аромата во французском языке	71
---	----

Концептология

Токмачева М.А., Медяник Е.А. «Savoir-vivre» как один из основных концептов вежливости во французском языке.....	76
---	----

Журналистика в историко-теоретическом аспекте

Дистерло Г.В. Соответствие современного журналистского образования запросам потенциальных работодателей.....	82
--	----

Скуридина С.А., Масленникова И.А. Рекламные тексты в художественной литературе	88
--	----

Язык СМИ

Стасевич Ю.Ю., Шульженко А.С. К вопросу об употреблении неологизмов в СМИ (на материале немецкой прессы).....	97
---	----

Правила оформления статей.....	104
--------------------------------	-----

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor	8
---	---

Linguistics

Voronova T.A. Autobiographism of onomastic area of Arseny Tarkovsky's verse	10
Zubkova E.N. Specialty of the functioning of the European fantastic birds' nomination in Russian language.....	15

Methods of teaching languages

Shavva T.Yu. The target orientation of the teaching of a foreign language at the university	23
---	----

Literary text: aspects of study

Yeliseyev S.L., Matsko D.S. The poetry of trenches against the early 20th century artistic background	28
Papsheva G.O., Strukova T.A. Ecological consciousness in M.A. Osorgin's works of 20s of the XX century	34
Plakhtienko O.P., Korovkina Yu.A. Non-linear text phenomenon in the fiction literature: history of development and modern forms. M. Pavich's novel «The seven deadly sins».....	39
Bezatosnaya O.M. The image of Russia in the memories of K.A. Korovin «That was later... there... in Russia...».....	48
Belova A.V. Epistolar, documentary and literary genre and their interdependence.....	53

Language and culture studies

Burkova S.S. Speech behavior and principles of organizing text in the gender aspect.....	60
Rumyantseva E.V. Teaching Russian request strategies to American students: cultural aspect.....	65

Intercultural communication

Tokmacheva M.A., Kormilchenko Ju.E. Special aspects of olfactory dictionary of expression of smell in French..... 71

Concept studies

Tokmacheva M.A., Medianik E.A. «Savoir-vivre» as one of the main concepts of courtesy in French language..... 76

Journalism in historical and theoretical aspect

Disterlo G.V. Accordance of contemporary journalistic education with demands of potential employers..... 82

Skuridina S.A., Maslennikova I.A. Advertisements in artistic literature 88

Language of mass media

Stasevich Yu. Yu., Shulzhenko A.S. To the question of the use of neologisms in the mass media (on the material of German media)..... 97

Layout of the articles..... 104

Вступительное слово главного редактора журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики»

Вашему вниманию предлагается двадцать седьмой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики», который представлен к изданию международной редакционной коллегией и является преемником серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Выпуск включает исследования, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из восьми разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ».

Авторами научных статей данного выпуска являются доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 15 научных работ.

Раздел «Лингвистика» включает исследование автобиографизма ономастического пространства лирики Арсения Тарковского (Т.А. Воронова), а также особенностей функционирования номинаций европейских фантастических птиц в русском языке (Е.Н. Зубкова).

Второй раздел – «Методика преподавания языков» – содержит рекомендации по организации целевой ориентации в преподавании иностранного языка в современном вузе (Т.Ю. Шавва).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» представлены статьи, посвященные окопной поэзии как отражению художественной реальности начала XX века (С.Л. Елисеев, Д.С. Мацько), экологическому сознанию в творчестве М.А. Осоргина 20-х годов XX века (Г.О. Папшева, Т.А. Струкова), феномену нелинейного текста в художественной литературе (О.П. Плахтиенко, Ю.А. Коровкина), образу России в воспоминаниях К.А. Коровина (О.М. Безатосная), а также эпистолярному, документальному и литературному жанрам и их взаимопроникновению (А.В. Белова).

Четвертый раздел – «Лингвокультурология» – включает исследование речевого поведения и принципов организации текста в гендерном аспекте (С.С. Буркова) и

лингвокультурологического аспекта обучения американских учащихся русскому коммуникативному поведению в ситуации просьбы (Е.В. Румянцева).

Работа пятого раздела – «*Межкультурная коммуникация*» – раскрывает особенности ольфакторной лексики для выражения аромата во французском языке (М.А. Токмачева, Ю.Э. Кормильченко).

В статье шестого раздела – «*Концептология*» – исследуется концепт «savoir-vivre» как один из основных концептов вежливости во французском языке (М.А. Токмачева, Е.А. Медяник).

Седьмой раздел – «*Журналистика в историко-теоретическом аспекте*» – предлагают вниманию читателей статьи, посвященные актуальным вопросам современного журналистского образования (Г.В. Дистерло) и функционированию рекламных текстов в художественной литературе (С.А. Скуридина, И.А. Масленникова).

Заключительный раздел «*Язык СМИ*» содержит исследование особенностей употребления неологизмов в СМИ (Ю.Ю. Стасевич, А.С. Шульженко).

Содержащиеся в выпуске 4 (27) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Полагаем, что данное издание будет интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81'42

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русско-
го языка и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж, +7(473)271-50-48
e-mail: tati82@inbox.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and intercultural communication
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh, +7(473)271-50-48
e-mail: tati82@inbox.ru*

Т.А. Воронова

АВТОБИОГРАФИЗМ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИРИКИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Автор данной статьи поднимает один из важных в писательской лексикографии вопросов, касающийся включения имен собственных в корпус авторского словаря и их лексикографического описания. В статье представлен конкретный лексикографический опыт «Словаря лирики Арсения Тарковского». Из числа ономастических единиц в лирике Арсения Тарковского значительную долю составляют имена собственные, напрямую связанные с биографией самого поэта. Это могут быть имена конкретных личностей, с которыми поэт общался или соприкасался при жизни, или географические названия, обозначающие местопребывание автора в различные периоды его биографии. В статье подчеркивается важность привлечения экстралингвистической информации для правильного понимания и толкования ономастических единиц автобиографического характера в авторском словаре. К числу таких «внешних» источников относятся прежде всего произведения мемуарного характера, эпистолярное наследие самого поэта, прижизненные интервью с ним, воспоминания его близких и современников. В статье высказывается мысль о необходимости включения в авторский словарь исчерпывающего объяснения ономастических единиц автобиографического плана, что позволит избежать определенных ошибок при интерпретации поэтического текста. В особенности это относится к именам собственным, которые имеют значение для автора, но не несут информации для рядового читателя.

Ключевые слова: ономастика, биография, автобиографизм, авторская лексикография, толкование, имя собственное, поэтический текст.

T.A. Voronova

AUTOBIOGRAPHYSM OF ONOMASTIC AREA OF ARSENY TARKOVSKY'S VERSE

The author of the given article rises one of important questions of the authorial lexicography considering inclusion of the proper names in the authorial vocabulary and their description. The article is based on the real lexicographical experience of "Vocabulary of Arseny Tarkovsky's verse". A great number of onomastic units in

Tarkovsky's verse is made up by the proper names connected with the poet's biography. This list includes the names of the people who communicated or were in touch with the poet and geographical names that mark the places where the poet appeared in different periods of his life. The article emphasizes the importance of using of extralinguistic information for correct comprehension and interpretation of "authobiographical" onomastic units in the authorial vocabulary. Such 'outward' sources include reminiscences of the poet's relatives and contemporaries, his letters, interviews with him etc. The article concerns the necessity of complete explanation of "authobiographical" onomastic units in the authorial vocabulary, which can help to reduce some mistakes in the interpretation of poetic text. It is especially important for the proper names which are significant for the author but do not carry any information to the contemporary reader.

Key words: onomatology, biography, autobiographism, authorial lexicography, interpretation, the proper name, poetic text.

Активное обращение к биографии того или иного автора является одним из научных принципов, на которых базируется воронежская ономастическая школа. Г.Ф. Ковалев, один из ведущих ее представителей, пишет: «...Биография, понимаемая как собственный жизненный опыт писателя, с необходимостью накладывает отпечаток на все его творчество... Именно это и составляет суть автобиографизма писательской ономастики» [1; с. 16]. Этот же принцип учитывается при внесении ономастических единиц и их толковании в «Словаре лирики Арсения Тарковского», первые три тома которого вышли под научной редакцией Г.Ф. Ковалева в 2004, 2007 и 2014 годах [2, 3, 4]. Ономастические единицы вносятся в корпус словаря наравне с прочими лексическими единицами и сопровождаются соответствующим толкованием или комментарием. Однако особенность толкования такого рода единиц заключается прежде всего в том, что их смыслы, актуальные для поэта, принципиально невыводимы из контекста и требуют привлечения «внешних», сторонних источников.

Бесспорно, что за любыми смысловыми наслоениями, за особенностями стиля всегда стоит личность самого автора. Индивидуальные ассоциации, положенные автором в основу образного контекста и далеко не всегда легко поддающиеся интерпретации, нередко связаны не только с мировоззрением автора, но и с его жизненным опытом, деталями биографии и т. д. – включая самые первые детские впечатления. Все это особенно характерно для поэзии Арсения Тарковского: его лирика концентрирует немало реальных деталей жизни поэта и отчасти пересекается с его автобиографической прозой. Необходимость особого контекстного комментария для собственных имен, из которых далеко не все знакомы современному читателю, при составлении авторского словаря очевидна. Тем более это справедливо в отношении тех имен собственных, которые напрямую соотносятся с биографией поэта. Значительное число ономастических единиц такого плана является одной из специфических черт лирики Арсения Тарковского.

В свете вышесказанного особую актуальность приобретает исследование эпистолярного наследия поэта, использование при работе над писательским словарем прижизненных интервью с ним, воспоминаний самого Тарковского, его близких и современников (С.И. Липкина, И.Л. Лиснянской, Л.Е. Миллер, А.Н. Кривомазова, М.А. Ревича, Г.А. Корина, Е.В. Трениной и др.), литературы мемуарно-биографического характера – первыми в этом списке стоят воспоминания дочери поэта М.А. Тарковской [5]. Полнота лексикографического описания ономастических единиц подчас невозможна без определенной экстралингвистической информации, без привлечения знаний о биографии поэта и тех людей, с которыми его жизнь и творчество были связаны. В особен-

ности это приложимо к такому художнику, как Арсений Тарковский, у которого порой не существует дистанции между лирикой и биографией, между лирическим героем и самим автором (так, ономастическое пространство его поэзии включает даже его собственную фамилию).

Из корпуса ономастических единиц, встречающихся в поэтических текстах Тарковского и напрямую соотносящихся с его биографией, можно выделить несколько групп. Во-первых, это имена конкретных личностей, с которыми поэт общался или соприкасался в жизни, был связан родственными узами, чье творческое влияние он испытал на себе и т.д. (*А.А. Ахматова, Марина Цветаева, Симон Чиковани, Григорий Сковорода, Валя, Медем, Заманский, Тарковские, Кетевана* и др.). Именно благодаря связи с реальными жизненными событиями, с реальными личностями определенная лексика несет для автора особый смысл, который должен привлечь внимание как исследователя, так и лексикографа. К примеру, в ряде поэтических текстов Тарковского лексема «брат» обозначает определенного человека – Валерия Александровича Тарковского, старшего брата поэта, погибшего во время гражданской войны («*Брата старшего убили, / И отец уже ослеп*»; «*Улыбнется мне отец, / Брат нальет вина*») – и соотносится с уменьшительным именем «Валя», которое появляется в одном из поздних стихотворений Тарковского («*Я и Валя / Сидим верхом на пушках у ворот / В Казенный сад*»). В процитированном отрывке мы сталкиваемся с высокой степенью не просто конкретности, но и интимности: «Валя» – имя подчеркнуто «домашнее», детское, неофициальное. (Примечательно, что, упоминая о судьбе брата в интервью, воспоминаниях и анкетах, а также в своих детских стихах Арсений Тарковский никогда не называл его полным именем, предпочитая именно уменьшительную форму.)

Имена собственные такого рода требуют, на наш взгляд, более кропотливого пояснения, чем имена тех личностей, которые представляют собой своего рода «культурный контекст» современной Тарковскому эпохи. Фамилии «Заманский» и «Медем», вынесенные в заглавие, т.е. в «сильную позицию» текста, имеют значение для автора, но не несут никакой информации для рядового читателя, не знакомого с биографией поэта. Между тем оба этих имени (гимназического товарища и частного учителя музыки) связаны у Тарковского с темой детства и родного города, одной из центральных в его творчестве.

Вторую группу составляют географические названия, маркирующие местопребывание поэта в тот или иной период его жизни (*Ингул, Сугакля, Казенный сад, Азов, Чистополь, Юрьевец, Брянск, Великие Луки, Дагестан, Ереван, Грузия, Тбилиси, Серпуховская* и т. д.). Данный ономастический ряд представляется более многочисленным и значимым в лирике Арсения Тарковского. Можно даже сказать, что реальная биография поэта «вычерчивается» в его поэтическом творчестве именно через географические маркеры. Так, приметам детских воспоминаний у Тарковского становятся гидронимы «Ингул» и «Сугакля» (реки в окрестностях города Елисаветграда, где поэт родился и провел свое детство), а также название «Казенный сад» (городской сад в центре самого Елисаветграда). Упоминание «Азова» и «Приазовья» (т.е. Азовского моря и прилегающих к нему степей) – это уже география скитаний поэта в ранней юности. Названия приволжских городов (например, Юрьевец) встречаются в текстах Тарковского середины 1930-х годов, когда поэт с семьей жил в этих местах. Названия городов «Чистополь», «Брянск», «Великие Луки» «кодируют»

военное время, очерчивая географию фронтов, указывая на места боев или эвакуации. «Дагестан», «Садон», «Тбилиси», «Даргавское ущелье», «Цейский ледник» и другие топонимы, связанные с Кавказом, отражают маршруты многочисленных творческих командировок Тарковского как поэта-переводчика. «Серпуховская» – косвенное указание на один из московских адресов поэта. Правда, мемуарно-биографические источники не дают точного ответа, имеется ли в виду Серпуховская площадь или Большая Серпуховская улица. Впрочем, сам поэтический текст (*Не то чтоб на Серпуховской / Открылось море с парусами*) склоняет нас к мысли о том, что речь все-таки идет о площади.

На наш взгляд, в словарных статьях, посвященных ономастическим единицам такого рода, следует давать по возможности исчерпывающее объяснение. Привлечение биографических данных, «внешних» источников при толковании имен собственных может способствовать тому, что сократится количество неверных трактовок и гипотез, которые, к сожалению, имеют место в исследованиях, посвященных поэтическому наследию Арсения Тарковского. К примеру, подобная ошибка допущена Е.Н. Верещагиной в отношении онима «Мария» в стихотворении «Мне в черный день приснится...» (*Стучат. Кто там? – Мария. / Отворишь дверь. – Кто там? / Ответа нет. Живые / Не так приходят к нам...*). Исследовательница пишет: «С именем «героини» произведения связан определенный ряд устойчивых ассоциаций. <...> Это имя – символ святости, непорочности, духовности; оно употреблено здесь, чтобы подчеркнуть чистоту, возвышенность и даже некую божественность возлюбленной лирического героя» [6; с. 121]. Нисколько не оспаривая символизм имени «Мария», мы утверждаем, что в данном тексте оно отнюдь не несет условно-символического смысла. Напротив, это имя реального прототипа – той женщины, памяти которой посвящено стихотворение. Причем данное имя встречается у Тарковского не единожды (*Невысокие, сырые / Были комнаты в дому. / Называть ее Марией / Горько сердцу моему*), и, что немаловажно, процитированные тексты относятся к одному и тому же стихотворному циклу, насчитывающему около двадцати стихотворений [5; с. 268 – 269]. Следовательно, речь идет не просто о реальном, а об одном и том же лице.

«Загадка» данного имени способна ввести в заблуждение биографа или исследователя еще и по той причине, что это имя носили и мать, и первая жена Арсения Тарковского. По такому ошибочному пути первоначально пошла и Марина Арсеньевна Тарковская – самый скрупулезный биограф поэта. В мемуарах «Осколки зеркала» ею подробно описаны поиски и догадки: «Может быть, Она – это мама? <...> Кажется, все совпадает – и «невысокие, сырые» комнаты, и имя Мария, и дата...» [5; с. 268 – 269]. Однако гипотеза о том, что речь идет о первой жене поэта, Марии Ивановне Вишняковой-Тарковской, оказалась опровергнутой «изнутри» – самим текстом: «...из стихов видно, что та Мария умерла намного раньше мамы» [5; с. 268 – 269]. Подобным образом отвергается и версия о том, что Тарковский «пишет о своей матери, о Марии Даниловне. <...> Нет, это стихи не о матери, это стихи о возлюбленной, <...> которую папа потерял» [5; с. 268 – 269]. М.А. Тарковская называет ее имя: Мария Густавовна Фальц, опять же уроженка Елисаветграда, в которую в молодости был влюблен А.Тарковский и память о которой он хранил на протяжении всей жизни. М.Г. Фальц скончалась в 1932 году от туберкулеза; именно она является адресатом целого ряда поэтических шедевров Тарковского («Эвридика», «Первые свидания», «Песня», «Хвала измерившим высоты...», «Невысокие, сырые...», «Мне в черный день приснится...», «Как сорок лет тому назад я вы-

мок под дождем...» и др.), хотя само это имя в текстах Тарковского встречается лишь дважды. В словарной статье на имя «Мария» мы приводим его полностью: «Мария Густавовна Фальц, жительница Елисаветграда, первая любовь А.Тарковского» [3; с. 118].

Таким образом, биография поэта неизбежно находит отражение в ономастическом пространстве его поэтических произведений, что в свою очередь должно учитываться при работе над авторским словарем.

Библиографический список

1. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 3 (26). С. 10–22.
2. Воронова Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Часть I (А-Йота). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. 296 с.
3. Воронова Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Часть II (К – Ощущенье). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. 292 с.
4. Воронова Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Часть III (Пава – Ряска). Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. 254 с.
5. Тарковская М.А. Осколки зеркала. М.: Вагриус, 2006. 416 с.
6. Верещагина Е.Н. Мифопоэтический подход к литературному произведению (на примере стихотворения А.Тарковского «Мне в черный день приснится...») // Русская литература XX в. в аспекте традиций мировой культуры. Вологда: Русь, 2002. С. 113–125.

References

1. Kovalev G.F. The chronotope and autobiographysm as they are understood in literary onomatology // Actual issues of modern philology and journalism. 2017. Iss. 3 (26). P. 10–22.
2. Voronova T.A. Vocabulary of Arseny Tarkovsky's verse. Part I. Voronezh, 2004. 296 p.
3. Voronova T.A. Vocabulary of Arseny Tarkovsky's verse. Part II. Voronezh, 2007. 292 p.
4. Voronova T.A. Vocabulary of Arseny Tarkovsky's verse. Part III. Voronezh, 2014. 254 p.
5. Tarkovskaya M.A. The splinters of the mirrow. Moscow, 2006. 416 p.
6. Vereshchagina E.N. Mythological and poetical approach to a literary work // Russian literature of the 20th cent. in the aspect of the world cultural traditions. Vologda, 2002. P. 113–125.

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь
магистрант кафедры русского языка
Зубкова Е.Н.
Россия, г. Ставрополь, +79682665031
e-mail: helen_zubkova@mail.ru*

*Institute of Humanities of North-Caucasian Federal University, Stavropol
The department of Russian language
graduate student
Zubkova E.N.
Russia, Stavropol, +79682665031
e-mail: helen_zubkova@mail.ru*

Е.Н. Зубкова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОМИНАЦИЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПТИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается такой фрагмент русской языковой картины мира, как греческие по происхождению номинации фантастических птиц, заимствованные из европейских культур через посредство французского, латинского или немецкого языков и, в основном, имеющие аналоги в других славянских языках (лексемы *гарпия, гриф, грифон, сирена, феникс*). Исторические, этимологические, толковые и этнолингвистические словари позволили установить основные варианты толкования наименований исследуемой группы фантастических животных. Целью исследования было выявление особенностей функционирования данных номинаций в русском языке на основе материала Основного и Поэтического подкорпусов Национального корпуса русского языка (прозаические и поэтические тексты XVIII-XXI вв.). В работе использовались описательный метод и компонентный анализ смыслов лексем. Такой подход позволил выявить новые значения и оттенки значений в структуре исследуемых номинаций и сделать вывод о специфике семантико-когнитивного освоения названных заимствованных лексем. В результате было установлено, что практически все исследуемые номинации, кроме лексем *грифон* и *феникс*, могут использоваться, помимо основного значения 'фантастическая птица или ее изображение', в метафорическом значении 'человек, обладающий определенными качествами или внешностью'. В итоге можно сделать вывод, что метафорическое использование названий фантастических птиц в качестве характеристики человека зависит от исходного значения данных образов. Статья вносит определенный вклад в русистику, поскольку мифологические элементы русской языковой картины мира, представленные этими лексемами, еще не достаточно изучены в лингвистике. Данные выводы интересны для лингвокультурологии и лингвистической семантики.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, мифопоэтическое сознание, фантастические птицы, гарпия, гриф, грифон, сирена, феникс, метафора.

E.N. Zubkova

SPECIALTY OF THE FUNCTIONING OF THE EUROPEAN FANTASTIC BIRDS' NOMINATION IN RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with such fragment of the Russian linguistic picture of the world as the Greek nominations of the fantastic birds borrowed from European cultures through French, Latin or German languages and, basically, having the analogues in other Slavic languages (lexemes *harpy, grif, griffon, firebird, syren, phoenix*). The historical, etymological, ethnolinguistic dictionaries helped to determine the basic meanings of the nominations of this fantastic animals' group. The purpose of the study was to identify the specialty of the functioning of these nominations in Russian language on the material of the Main and Poetry corpus of the RNC (prose and poetry of the XVIII-XXth centuries). A descriptive method and a component analysis of the lexemes meanings were used. It made possible to reveal new meanings and connotative meanings in the structure of the nominations and to draw a conclusion about the specialty of the semantic-cognitive development of the named borrowed

lexemes. As a result, it was established that almost all explored nominations, unless griffon and phoenix, can be used, in addition to the main meaning 'fantastic bird or its image', in the metaphoric meaning 'a person with certain qualities or appearance'. Thus we can conclude that the metaphorical meaning of the fantastic birds' names as a person's characteristics depends on the original meaning of these images. The article is important for Russian philology, since the mythological elements of the Russian linguistic picture of the world represented by these lexemes have not been sufficiently studied in linguistics. Linguoculturology and semantics will be interesting in these conclusions.

Key words: the Russian linguistic picture of the world, fantastic birds, harpy, grif, griffon, firebird, syren, phoenix, metaphor.

Окружающий мир человек видит, прежде всего, через слово. При этом в языке могут фиксироваться не только реальные объекты, но и вымышленные. Ю.Н.Караулов подчеркивал, что «человек живет, существует повседневно в двух мирах – возможном и действительном, граница между которыми размыта и может быть реконструирована аналитически с известной долей условности» [1; с. 313]. В данной статье мы обратимся к особенностям функционирования номинаций европейских фантастических птиц в русском языке.

Ранний этап развития человеческого общества характеризовался мифопоэтическим сознанием. «Мир, видимый первобытным человеком, заново создается его субъективным сознанием как второе самостоятельное объективное бытие, которое отныне начинает противоречиво жить рядом с реальной, не замечаемой сознанием действительностью» [2; с. 18]. Этот построенный сознанием мир могли населять и существа, принадлежащие фантазии человека. «Фантастические образы создаются путем переработки, комбинирования и переосмысления компонентов элементов существующих образов либо мыслительных образов, включающих чувственно-наглядные и рационально-логические компоненты» [4; с. 18]. Поэтому фантастические существа обычно состоят из частей реальных объектов, объединенных по тому или иному принципу. Важно отметить, что такие вымышленные образы могут заимствоваться из других культур, при этом в процессе освоения слова, они могут видоизменять свои значения или приобретать новые.

В русской языковой картине мира представлены следующие заимствованные из европейских языков номинации фантастических птиц: *гарпия*, *гриф*, *грифон*, *сирена*, *феникс*. Данные лексемы по происхождению являются греческими. Слово *гарпия* пришло в русский язык через посредство французского или немецкого языков из латинского [10; с. 33-34], [5]. Н.М.Шанский отмечает наличие аналогов слова в других славянских языках [10; с. 33-34]. Слово *гриф* заимствовано в общеславянский фонд из нововерхне-немецкого, куда попало из латинского языка. М.Фасмер отмечает наличие аналогов в польском и чешском языках [8; с. 459]. Лексема *грифон* пришла из французского языка, куда попала из греческого [6; с. 404]. Слово *сирена* уже как имя нарицательное заимствовано во французский и немецкий языки, а оттуда – в общеславянский фонд. В мифологическом значении П.Я.Черных отмечает наличие аналогов в украинском, белорусском, словенском, чешском и польском языках [9; с. 164]. Лексема *феникс* в русский язык пришла из латинского посредством французского и немецкого языков [7; с. 548]. Отсутствие толкования слова в этимологических словарях не позволяет привести аналоги в славянских языках, если они имеются.

Работа с Национальным корпусом русского языка позволила нам выявить особенности функционирования данных лексем в русском языке [3]. При сопоставлении материалов Основного и Поэтического подкорпусов НКРЯ мы пришли к выводу, что лексе-

ма *гарпия* может иметь следующие значения: 1) 'фантастическая птица или ее изображение'; 2) 'олицетворение бедности'; 3) 'олицетворение мздоимства'; 4) 'олицетворение зависти'; 5) метафорически 'человек с определенными чертами характера и внешности'; 6) метафорически 'нравственная гарпия'; 7) метафорически 'подкрадывающаяся тоска'; 8) метафорически 'устрашающего вида поезд'.

На основании материалов Основного и Поэтического подкорпусов НКРЯ лексема *гриф* может иметь следующие значения: 'фантастическая птица или ее изображение'; 2) 'реальная хищная птица'; 3) 'название (издательства, медали, духов и т. д.)'; 4) 'фамилия'; 5) метонимически 'авторы, печатающиеся в издательстве «Гриф»'; 6) метафорически 'название человека, имеющего определенные качества'; 7) 'круп'.

По материалам Основного и Поэтического подкорпусов НКРЯ лексема *грифон* может иметь следующие значения: 1) 'фантастическая птица или ее изображение на храмах, дворцах, предметах мебели, судах, фресках'; 2) 'гиппогриф'; 3) 'название (виллы, скульптуры, растения и т. д.)'; 4) 'фамилия'; 5) метафорически 'символ коварства и ярости'; 6) метафорически 'символ возмездия'.

Согласно Основному и Поэтическому подкорпусам НКРЯ лексема *сирена* может иметь следующие значения: 1) 'фантастическая птица или ее изображение'; 2) 'название (прибора, общества, гостиницы, рассказа, плана, лодки, оружия и т. д.)'; 3) 'имя'; 4) 'фамилия'; 5) 'вид реального животного'; 6) метафорически 'то, что привлекает обманом'; 7) метафорически 'название человека, обладающего определенными качествами'.

При сопоставлении материалов Основного и Поэтического подкорпусов НКРЯ мы пришли к выводу, что лексема *феникс* может иметь следующие значения: 1) 'фантастическая птица или ее изображение'; 2) метафорически 'выдающийся человек'; 3) 'название (корабля, общества, завода, журнала, издательства, холдинга, театра, отеля, галереи и т. д.)'; 4) метафорически 'символ воскресения/ возрождения'; 5) метафорически 'символ женского начала'; 6) метафорически 'олицетворение веры в земной рай'; 7) метафорически 'эмблема славы, блеска'; 8) метафорически 'символ блаженства'; 9) метафорически 'солнце'; 10) метафорически 'царица'; 11) метафорически 'символ свободы'.

В целом европейские фантастические птицы в данной группе текстов обычно выступают как название разных объектов, символы, олицетворения, эмблемы или метафоры качеств, присущих человеку, или как метафорическое название человека с определенными качествами. Особенно нас заинтересовало последнее значение.

Метафорическое использование лексемы *гарпия* в значении 'человек с определенными чертами внешности или характера' может включать следующие смысловые компоненты [3]:

1) крикливая, старая, «поедающая» других женщина («Дорогою Миловидин сказал мне: «Начнем посещения с графини Протрубиной. Это запевала между московскими старухами: по ее камертону воет полсотни крикуний, и этот хор составляет репутацию молодых людей, а особенно молодых супругов. Вот дом ее: видишь ли, сколько здесь карет перед крыльцом? Не так опасно прогневить начальство, как этих гарпий, которые за малейшее упущение готовы растерзать добрую славу порядочного человека. – Принимает! – сказал швейцар, занимавшийся починкою сапогов в своей каморке. Мы вошли в залу, расписанную за полвека пред сим» [Ф.В.Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829); 3]);

2) хищная, отвратительная, уродливая, бездушная, холодная женщина («...она была исключительно некрасива, умна, начитанна и остра; но – черства, хищна, холод-

на; и все вздрагивала, тонкосухая, как палка, с оливковой кожей и носом, напоминающим клюв; то молча сидела со всосанными щеками, обрамленными вьющимися прядями каштановой плюющей шапки стриженных волос, закрывающих и лоб и уши; то подсакивала на вскриках птичьего голоса, переходящего в грудное контральто, показывала собеседнику два верхних передних зуба – желтых, огромных и точно кусающих; потрясала интеллектуальным до жути видом и холодно-страстным пламенем интересов своих; не то Гипатия, не то птица Гарпия...» [А.Белый. Начало века (1930); 3].

3) злобная прекрасная женщина («В комнату она ворвалась, как фурия или как гарпия. Рыжие локоны развевались, узкие ноздри гневно дрожали, прелестные губы изрыгали проклятия» [М.Баконина. Школа двойников (2000); 3]);

4) седая женщина («... Меня мучили сны после этого оптического развлечения: аппарат стоял в приемной дантиста, американца Lawson, сожительница которого Мте Дисатр, седая гарпия, за своим письменным столом среди флаконов кроваво-красного Лоусоновского элексира, поджигая губы и скребя в волосах суетливо прикидывала, куда бы вписать нас с Таней, и наконец, с усилием и скрипом, пропихивала плюющееся перо промеж la Princesse Toumanoff с кляксой в конце и Monsieur Danzas с кляксой в начале» [В.В.Набоков. Дар (1935-1937); 3]);

5) женщина со скрюченными пальцами и когтями («Я еле успел перехватить руку — страшные скрюченные пальцы, но вторая рука вцепилась мне в щеку, глубоко вонзились ногти, и я чудом спас глаз, но наконец завернул этой гарпии локти за спину и, с огромным напряжением удерживая их так — она билась, как дикий зверь, — стал наклонять, сгибать ее вперед, чтобы уберечь лицо от ударов ее головы, — и тут ей сразу — хинк! — страшно захотелось, она прогнула спину и стала втираться в меня задницей: на, на меня, стонала она, ну, где же ты?..» [А.Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995); 3]);

6) одноглазая, болезненно преданная женщина («Нина, уже молодая женщина, получила взамен любимой мачехи родную мать, одноглазую гарпию, полную злобы и параноидальной преданности вождю» [Л.Улицкая. Медея и ее дети (1996); 3]);

7) «ядовитая» женщина («И у бедных родителей остается только один выход: униженно кланаясь, носить в школу презенты, надеясь, что гарпия не станет ежедневно плевать ядом в их ребенка. Но я вовсе не желаю прогибаться перед Варварой Карловной!» [Д.Донцова. Микстура от косоглазия (2003); 3]);

8) ненасытный человек («И сатанинская улыбка появилась на сатанинской рожке сего презренного ляха. И он опустил свое смертоносное орудие. После сего, сии ненасытные гарпии, забрав даже ни к чему годные тряпицы и последние остатки съестных припасов, уехали» [З.Стабровский. Замечания священника Захария Стабровского (1830-1836); 3]);

9) человек, встреча с которым нежелательна («Кроме ядовитого слова и вечного порицанья, ничего не произносили его уста. Подобно какой-то гарпии, попался он на улице, и все его даже знакомые, завидя его издали, старались увернуться и избежать такой встречи, говоря, что она достаточна отравить потом весь день» [Н.В.Гоголь. Портрет (1835); 3]);

10) всеядный человек («От сенатора до последнего ремесленника все проедают и пропивают свое достояние и входят в неоплатные долги. Никто не хочет жить трудом, а всякий норовит захватить чужое; легко достается оно, и легко спускается. За работы убогих подданных, содранные иногда с их слезами, а иногда со шкурой, по-

требляются господами, как гарпиями» [Н.И.Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск пятый: XVII столетие (1862-1875); 3];

11) злой, хищный человек, жаден до славы, готов на все ради своих прихотей или выгоды, безразличен к законам, имеет «адское» сердце, бессовестный, безнаказанный, вьется над жертвой («...*Вокруг меня злодеи Как гарпии вьются. Тот гонит добродетель И льет потоки крови Лишь для снисканья славы; Тот грозною десницей Невинность поражает, Чтобы себя возвысить На трупах убиенных; Тот с кровью исторгает Невинного дыханье, Чтоб прихоти исполнить; Тот истину, законы Пятою попирает И стонами злосчастных Питает адско сердце – Но все они суть живы, И совести грызенье Их души не беспокоит; И громы наказанья Для них уже уснули. А мой, мой друг повержен. Ах, это ль справедливость!..» [А.И.Клушин. Стихи на смерть моего друга (1793); 3];*

12) человек, который корит, упрекает, не дает покоя («*Вместе дошли до седьмого круга – А теперь – какой разговор? Обуревают лучшего друга Старческий злобный задор. Все он корит, жужжит, упрекая Меня в тягчайших грехах. Словно бы гарпия, фурия какая Подъемлет пепел и прах...*» [И.В.Чиннов. «Вместе дошли до седьмого круга...» (1984); 3]).

Метафорическое использование лексемы *гриф* в значении ‘название человека, имеющего определенные качества’ включает следующие смысловые компоненты [3]:

1) внешнее сходство человека (*Прекрасно себя чувствует, обедает с аппетитом в самом опасном месте Америки, поглядывая на всех свысока, поворачивая, как гриф, хищную голову в стоячем воротничке. Файди отыскал меня взглядом и кивнул» [Е.Велтистов. Ноктюрн пустоты (Телерепортаж Джона Бари, спецкора) (1978-1979); 3];*

2) хищный человек («*Вокруг обсушенной солнцем лавочки, под свежим лозунгом «Больше социализма», стоял десяток инвалидных колясок с раскоряченными инвалидами, как стая грифов над падалью; они вовсю косились, кто во что горазд, в нашу сторону. – Не туда! – крикнула одна инвалидка, наметанным глазом определив, что мы целимся в первый подъезд. Мы потащили присмирившую бабульку во второй – генерал шел слева от носилок, неуверенно улыбаясь».* [А.Терехов. Мемуары срочной службы (1991); 3]).

Метафорическое использование лексемы *сирена* в значении ‘название человека, обладающего определенными качествами’ содержит следующие компоненты [3]:

1) оболъститель («*Однако ж, несмотря на соблазны итальянских сирен, на пламенный вызов их очей и бесед, на букеты цветов и плоды, которые они, по тамошнему обыкновению, бросали в него из окон своих, Антон Эренштейн вынес из Италии сердце, свободное от всякой страсти или порочной связи».* [И.И.Лажечников. Басурман (1838); 3]);

2) провокатор («*Не поддающиеся «уловлению» вору действуют очень нагло и выбирают вещи, которые поценнее. Третьего дня, например, лишился своей 1300-рублевой шубы саратовский купец М.А. Згуриди. Мазурики, впрочем, были так любезны, что оставили г-ну Згуриди какую-то рваную «сменку».* *Сирена* *Дворянин К.И. Ильинский, познакомившись на улице с какой-то дамой, разговорился с ней, а потом предложил поехать поужинать в ресторан «Прогресс» на Чистых прудах. Дама согласилась».* [Неизвестный. Происшествия (1908.02.22) // «Раннее утро», 1908; 3]);

3) фаворитка («*Опасны бывали королям фаворитки, сирены, своими ласками побуждавшие их на злодеяния, вместе с их здоровьем и умственными способностями*

истощавшие казну, разорявшие народ. Но тысячу раз опаснее фавориток бывали временщики, подобно Уолси, систематически развращавшие государей ради вернейшего достижения своих честолюбивых целей. Фаворитка – только сирена, любовь и красота – ее единственные орудия». [К.Биркин (П.П.Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга первая (1870); 3];

4) лъстец («...*Те златом и серебром блистаючи кумиры, Которым предстоят во тьме с слезами сиры, Что тяжку с низших дань за свой взыскуют взор, И щедро лишь сирен, им лъстящих, награждают, Те век препровозждают Природы всей позор...*» [В.П.Петров. Его сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову генваря 25 дня 1771 (1771.01.00); 3]);

5) умеющий завлекать речами человек («*Младый государь среди забав своих лишь только увидел Лефорта, привязался к нему, полюбил его. «Редко слух государей, – говорит писатель истории сего господина, – отвергается истине, но Петр казался из сего общего правила изъятым; он весьма охотно слушал говоренную себе Лефортом истину без всякия прикрасы ласкательства, и, не внимая очаровывающему гласу сирен, окружающих его, избежал расставленных ему сетей, попрал рассыпаемые пред ним цветы, по первому гласу Лефорта бежал к ружью и к солдатским работам».* [И.И.Голиков. Статьи, заключающие в себе характеристику Петра Великого и суждения о его деятельности (1788); 3]);

6) некто опасный («*Несмотря на свой образ жизни, Марион де Лорм умела держать себя в обществе с таким достоинством и тактом, что внушала к себе какое-то уважение со стороны людей знатных и гордых. Ее гостиная была местом сходбища придворной молодежи, беседовавшей с непринужденной веселостью, никогда не преступавшей пределов строгого приличия. Одаренная способностью ценить все изящное, Марион де Лорм, принимая у себя гостей, в обхождении с ними и в своих манерах являла им прекрасный образец грациозной вежливости и умения говорить и держаться... Одно худо: эта сирена была шпионкой кардинала Ришелье, и неосторожное слово, произнесенное у нее в гостиной, немедленно доводилось до сведения его эминенции».* [К.Биркин (П.П.Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга вторая (1871); 3]);

7) сладкоголосый человек («*В жилище мрачное теней На суд предстали пред судьей В один и тот же час: Грабитель (Он по большим дорогам разбивал, И в петлю, наконец, попал); Другой был славою покрытый Сочинитель: Он тонкий разливал в своих твореньях яд, Вселял безверие, укоренял разврат, Был, как Сирена, сладкогласен И, как Сирена, был опасен...*» [И.А.Крылов. Сочинитель и разбойник (1816); 3]);

8) завлекает речами («...*Он вслед к плывущему Герою обратился И новости судов Петровых удивился: «Твои, сказал, моря, над ними царствуй век; Тебе течение страных тесно рек: Построй великой флот; поставь в пучине стены».* Скончали пением сей глас его сирены» [М.В.Ломоносов. Петр Великий (1760-1761); 3]);

9) красивая и коварная женщина («*Проходя мимо сих лавок, храбрый воин, молодой судья и щеголеватый купец заходят туда, чтобы поболтать с красавицами. Они притворно показывают, будто хотят что-нибудь купить, единственно для того, чтобы войти в разговоры с прелестными сиренами. Молодой судья покупает пудру и духи, а воин спрашивает батисту на манжеты и поддерживает аришин у прекрасной ученицы, которая отмеривает ему его покупку и, взглядывая на него, улыбается. Таким-то образом любопытство заставляет всякого мимоходящего или проезжаю-*

цего щеголя заходить в сии лавки под видом покупки каких-нибудь безделиц. Некоторые модные лавки содержатся на самых строгих правилах, как будто бы для того, чтобы от других казаться совсем отличными» [И.А.Крылов (?). Модные торговки (1789); 3];

10) обольстительная женщина («...Когда смеешься – ты сирена; Когда ты плачешь, – крокодил; Когда молчишь, – тогда геенна кипит в тебе всех адских сил. Чудовище! пороки злыя За добродетели святые Умеешь в мир ты выдавать; Велишь слова твои лукавы Небесной правды за уставы Вселенной слепо обожать...» [Г.Р.Державин. На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского (1789-1790); 3];

11) развратная женщина («...Сын идет в дом сирен Вкушать любви отравы; Там тятя, старый хрен! – О времена! о нравы!..» [И.И.Дмитриев. «Обманывать и льстить...» (1796); 3]).

12) завлекающий внешностью человек («Привлекает/ завлекает/ пленяет А вас, как должно, вас всё это беспокоит? Любовник мнимый ваш не хочет удостоить, Чтоб даже именем вас полным называть: Как ваша участь тяжка! Зовут вас Лизка, Машка, Чтоб вас как можно унижать. Коль суждено, чтоб вся была жизнь ваша шалость, Коль целомудрие считаете за малость, — Шалите, только лишь шалите вы с умом: Себя вы почитая, Умейте, уловляя, Зло само окончать добро... И ныне на берегах прославленных Сены, Достойные похвал, такие ж есть сирены; Скрывая свой порок, их добрая душа В раскаянии тужит И свету пользой служит, Благотворением дыша...» [Я.Б.Княжнин. Дружеское наставление торгующим своею красотою от соболезнающих о их неумении (1786); 3]).

Таким образом, среди исследуемых нами номинаций европейских птиц только *грифон* не может приобретать значение 'человек, имеющий определенные качества и внешность'. В перечислении значений лексемы *феникс* нет характеристик человека, подобных тем, какие есть в других словах. Все остальные наименования способны выступать в данном значении, при этом только в структуре значения номинации *гриф* нельзя выделить дополнительные женские характеристики. *Гарпия* может обозначать человека с исключительно отрицательными качествами. *Сирена* находится в промежуточном положении с преобладанием негативных черт характера над привлекательной внешностью. Можно сделать вывод, что метафорическое использование названий фантастических птиц по отношению к человеку зависит от исходного значения данных фантастических образов.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Три концептосферы русского языкового сознания и три «реальности» мира // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России: материалы I конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург: МИНС, 2008. С.307-317.

2. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.

3. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения – 1.12.2017).

4. Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. Челябинск, 2002. 191 с.

5. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. Вып. 5. 256 с. [электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения – 1.12.2017).

6. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. (Большой академический словарь, БАС) / Академия Наук СССР, 17. Институт русского языка. Москва-Ленинград: Изд. Академии Наук СССР, 1954. Т. 3. 1341 с.

7. Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописям автора. СПб. М., 1882. Т. 4. 712 с.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под редакцией и с предисловием проф. Б.А.Ларина. Изд. второе, стереотипное: В 4 томах. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.

9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Издательство «Русский язык», 1999. Т. 2. 560 с.

10. Этимологический словарь русского языка/ Автор-составитель Н. М. Шанский. М.: Изд. Московского университета, 1972. Т. 1. Вып. 4. 216 с.

References

1. Karaulov Yu. N. Three conceptospheres of the Russian language consciousness and three "realities" of the world // Russian language and culture in the formation of a single socio-cultural space of Russia: materials of the I Congress of the Russian Society of Teachers of the Russian Language and Literature. S.-Peterburg: MINS, 2008. P. 307-317.

2. Makovskiy M. M. Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: The image of the world and the worlds of images. M.: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 1996. 416 p.

3. The national building of the Russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

4. Pitina S. A. Concepts of mythological thinking as a component of the concept-sphere of the national picture of the world / Chelyab. gos. un-t. Chelyabinsk, 2002. 191 p.

5. Dictionary of the Russian language of the XVIII century / AN SSSR. In-t rus. yaz.; Gl. red.: Yu. S. Sorokin [Elektronnyy resurs]. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1989. Vyp. 5. 256 p. Rezhim dostupa: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>.

6. Dictionary of the modern Russian literary language: In the 17th volume (The Grand Academic Dictionary, BAS) / Akademiya Nauk SSSR, 17. Institut russkogo yazyka. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1954. Т. 3. 1341 p.

7. Explanatory dictionary of the living great Russian language of VI Dal. The second edition, corrected and considerably multiplied by the manuscripts of the author. SPb. - M., 1882. Т. 4. 712 p.

8. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language / Edited and pre-disposed by prof. B.A.Larina. Ed. second, stereotyped: In 4 volumes.. M.: Progress, 1986. Т. 1. 576 p.

9. Chernykh P. Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 vol. 3rd ed., Stereotyping. M.: Izdatelstvo «Russkiy yazyk», 1999. Т. 2. 560 p.

10. Etymological dictionary of the Russian language / Author-compiler N. M. Shanskiy. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1972. Т. 1. Vyp. 4. 216 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК [378.016:81'243]-047.75

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
ст. преп. кафедры романо-германской филологии

Шавва Т.Ю.
ЛНР, г. Луганск, +380501695321
e-mail: tatianach@bk.ru

State Educational Institution of Higher Professional Education LPR «Lugansk Taras Shevchenko National University»
The department of roman-german philology senior lecturer
Shavva T.Yu.
LPR, Lugansk, +380501695321
e-mail: tatianach@bk.ru

Т.Ю. Шавва

ЦЕЛЕВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

В статье рассматривается целевая ориентация в преподавании иностранного языка в вузе в связи с переосмыслением функций высшего образования и особого значения, которое приобретает сегодня полиязычное образование. Это вызывает необходимость в изменении и дополнении теории и методики преподавания иностранных языков, что, в свою очередь, требует новой постановки целей обучения. Новая целевая ориентация должна соответствовать социальному заказу общества, условиям жизни и производству. Актуальность работы заключается в том, что в ней рассматриваются современные требования к преподаванию иностранного языка в вузе. Автор считает, что в современных условиях необходимо использовать более гибкую структуру занятий, предусматривающую совокупность и взаимодействие важнейших элементов и их целей на разных уровнях и в самых разнообразных сочетаниях, что способствует инновационным типам их проведения. Контрольная функция занятия рассматривается не как самоцель, а превращается в постоянную обратную связь *студент-преподаватель*. В статье также подчеркивается важность правильной формулировки практических, образовательных, развивающих и воспитательных целей. По мнению автора, говорить о решении проблемы целевой ориентации предмета можно в том случае, если преподаватель выработает определенные классификационные параметры своей педагогической деятельности. Цель данной статьи – показать, что вариативность и личностная ориентация современного образования требуют определенных изменений и дополнений в теории и методике преподавания, что определенная постановка целей обучения иностранному языку и содержание его обучения позволят подготовить высококвалифицированных специалистов, которые будут пользоваться спросом на рынке труда. Автор предлагает ряд составляющих для решения данной проблемы. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при составлении новых программ по иностранному языку для высших учебных заведений и разработке учебно-методических рекомендаций по данному предмету.

Ключевые слова: деятельностный подход, коммуникативное обучение, внутренняя мотивация, критическое мышление, креативное мышление.

T.Yu. Shavva

THE TARGET ORIENTATION OF THE TEACHING OF A FOREIGN LANGUAGE AT THE UNIVERSITY

The article is aimed at necessary target orientation in the teaching of a foreign language at the university in connection with the reinterpretation of the functions of higher education and special values which acquires multilingual education. It calls for changing and supplementing of the theory and methodology of teaching of foreign languages, which, in turn, requires new settings of learning objectives.

The new target orientation should correspond to the social order of society, conditions of life and production.

The topicality of the article is that it examines the modern requirements for teaching of foreign languages in the university.

The author believes that in modern conditions it is necessary to use a more flexible structure of classes, which involves the totality and interaction of the most important elements and their goals at different levels and in a wide variety of combinations, which facilitate their conducting in innovative ways. The controlling function of classes is viewed not as an end in itself, but turns into a constant *student-teacher* feedback.

The article also emphasizes the importance of the correct formulation of practical, educational, developmental and upbringing goals.

According to the author, we can talk about solution of the target orientation problem if the lecturer develops certain classificatory parameters of his pedagogical activity.

The purpose of this article is to show that the variability and personal orientation of modern education requires certain changes and additions to the theory and methodology of teaching, that a certain setting of the goals of teaching of a foreign language and the content of its training will allow the training of highly qualified specialists who will be in demand in the labor market.

The author suggests a number of components for solving this problem. The results of the research can be used to compile new foreign language programs for higher education institutions and to develop educational and methodological recommendations on this subject.

Key words: activity approach, communicative training, internal motivation, critical thinking, creative thinking.

На общем фоне переосмысления функций и результатов высшего образования и особого значения, которое приобретает полиязычное образование в частности, появилась необходимость в расширении целевой ориентации в преподавании иностранных языков.

Проблема повышения качества образования решается постоянно, но сложно. Данным вопросом занимаются педагоги, филологи, методисты, среди которых: А.А.Деркач, Е.В.Андрющенко, Н.В.Кузьмина, А.Н.Леонтьев, Л.С.Выготский, П.Л.Гальперин, А.Р.Лурия, В.Н.Мясищева, Д.Б.Эльконица, С.Л.Рубенштейн и другие.

История обучения иностранному языку насчитывает столетия. При этом методика много раз менялась, делая ставку то на чтение, то на перевод, то на аудирование, то на комбинацию этих процессов.

В современных условиях необходимо использовать более гибкую структуру занятий, предусматривающую совокупность и взаимодействие важнейших элементов и их целей на разных уровнях и в самых разнообразных сочетаниях, что приводит занятия к инновационным типам их проведения. Контрольная функция занятия – не самоцель, она превращается в постоянную обратную связь *студент-преподаватель*. Закрепление идет в формах творческого применения знаний.

В вузовской системе обучения мы имеем дело с молодежью, которая сделала свой дальнейший выбор в образовании, опираясь на свои индивидуальные способности и возможности. Однако и здесь – отбор учебного материала проводится в основном с

учетом способностей среднего студента, что позволяет большинству студентов особо не напрягаться в учебе. Возможно, это одна из причин пассивного отношения к учебе, что не может не повлиять на достижение стратегической цели в деятельности вуза по подготовке высококвалифицированных кадров в разных отраслях жизнедеятельности, которые должны быть конкурентоспособными как на мировом, так и на европейском рынке труда.

Главной миссией вуза является подготовка нового поколения профессионалов, элитных специалистов, которые готовы к самообразованию в течение всей жизни, которые способны успешно работать в динамичных условиях современного рынка, а значит – полностью самореализоваться, достичь пика, а не оставаться на дне карьерного роста.

Для того чтобы раскрыть конкретные механизмы развития и осуществления индивидуальности личности в системе общественных отношений, А.Г.Асмолов считает необходимым выделить системообразующие основания тех многочисленных подсистем, в которых происходит становление личности. Невозможно раскрыть динамику функционирования и развития систем и вообще характеризовать изучаемые явления именно как системы без выделения системообразующего основания. Ученый полагает, что в качестве системообразующего основания, обеспечивающего приобщение человека к миру культуры и его саморазвитие, выступает целенаправленная совместная деятельность. Развитие и функционирование личности в деятельности является исходным пунктом ее анализа в русле методологии деятельностного подхода [2; с. 51].

При обучении иностранному языку в вузе основной формой организации учебного процесса является практическое занятие. Опора на деятельностный подход, который абсолютизирует роль деятельности и может быть сформулирован как: «Личность человека формируется и проявляется только в деятельности», вполне оправдана [5; с. 78].

Творчество студентов должно быть в основе организации всех видов деятельности, проявление их активности должно всячески стимулироваться. Деятельность преподавателя должна больше напоминать деятельность тьютора, в обязанности которого входит консультирование, организация группового обсуждения разных тем или разыгрывание ситуаций, формирование временных групп для защиты проектов, контроль за всей формальной стороной учебной жизни.

Каждое занятие должно быть прообразом реального общения людей и задача преподавателя создать условия, которые позволили бы студентам использовать их социальный опыт в группе. Для преподавателя, а тем более преподавателя иностранного языка, общение одно из наиболее важных умений, которое можно отнести к критериям профессионализма. Оттого, насколько преподаватель овладел техникой общения, владеет приемами психологического воздействия на студента, группу, коммуникативен и адаптирован среди коллег, в отношениях с администрацией, умеет расположить к себе и положительно влиять на окружающих, зависит эффективность деятельности, а отсюда успешность педагога. Общение является одним из важнейших условий формирования сознания и самосознания личности, стимулятором ее психических свойств [1; с. 12].

О вербальной коммуникации написано достаточно. Менее разработанным остается такой важный вид общения как невербальная коммуникация, к которой относятся кинесика, проксемика, паралингвистика, экстралингвистика.

Все эти дополнения увеличивают семантически значимую часть информации, но не посредством дополнительных речевых включений, а *околоречевыми* приемами [3; с. 49].

Студент – это активный субъект деятельности и задача преподавателя – организовать эту деятельность и создать условия для раскрытия творческих способностей студентов с учетом их интересов, уровня обучения и индивидуальных возможностей. При обучении иностранному языку главным остается живое общение участников занятия, где поддерживается интерес к предмету, создается атмосфера сотрудничества, творчества.

Преподаватель должен предлагать такие виды работы, которые требуют от студентов самостоятельной добычи материала, критически осмысливать полученную информацию, делать выводы, аргументировать, решать возникающие проблемы. Он должен стараться ориентировать учебный процесс на личность обучаемого, его индивидуальные интересы, делать акцент на значении культурных ценностей, а преподавать, сопоставляя изучаемый материал с родной культурой обучаемого. Это поможет продолжить развитие творческого начала и критичности ума студента [4; с. 132].

Сам преподаватель должен быть все время в движении. Процесс общения захватывает. Даже те, кому трудно дается язык, повторяют несколько раз за другими, они слышат других. Ситуативная наглядность дает возможность отойти от родного языка и мыслить на иностранном. Преподаватель, который большую часть времени проводит в движении, стоит у доски и часто отражает на ней какие-то моменты своих объяснений, выгодно отличается от тех, кто всю пару не отрывается от стула. Психологами доказано, что первая модель поведения преподавателя привлекает больше внимание студентов, чем вторая, следовательно, у него больше шансов быть услышанным.

Важно правильно формулировать практические, образовательные, развивающие и воспитательные цели, которые бы предусматривали закрепление социокультурного опыта, усиливали прагматические аспекты изучения языка, предусматривали погружение студентов в аутентичную языковую среду, привлекали образное мышление студентов, усиливали психологический аспект в обучении (выполнение упражнений, которые вовлекают в размышления).

Постановка воспитательных целей должна предусматривать объяснение студентам того факта, что путь к своему призванию, самореализации – не прост. Для преодоления этого пути необходимо быть самостоятельной личностью, ответственной, критичной, умеющей анализировать, быть уверенным в своих силах.

Всегда существовала зависимость: какой уровень преподавателей, такой и уровень образования, какой уровень образования и воспитания такой и интеллектуальный и моральный потенциал народа. Мы должны быть не просто преподавателями, а людьми, которые работают для познания, ведь именно познание является мотивацией нашей деятельности [6; с. 15]. Сегодня специалисты должны быть способны обновлять методики, менять учебники, понимать современную молодежь и сотрудничать с ней, короче – вписываться в сегодняшний день.

Совершенно очевидно, что конкурентоспособного специалиста можно подготовить только на конкурентоспособных занятиях, которые соответствуют современным требованиям и которые помогут будущим специалистам самореализоваться в полной мере. Для проведения таких занятий преподавателю необходимо выработать определенные классификационные параметры своей педагогической деятельности и целевые ориентации.

Коммуникативный метод является одним из таких ориентиров. Применение коммуникативной методики в преподавании иностранного языка, при совершенном владении предметом со стороны преподавателя должно служить стимулом к стремлению са-

мосовершенствоваться со стороны студентов. Использование концепций изучения языка, предусматривающих такие прописные истины как: вести занятие только на языке, большую часть учебного времени отводить общению, выработать модели, которые употребляются в тех или иных речевых ситуациях, не забывать, что в основе коммуникативной методики лежит принцип, по которому вычленение грамматических моделей происходит на слух – тоже должно стать целеполагающим моментом в преподавании иностранного языка в вузе.

На основании вышеизложенного, можно предложить следующие составляющие целевой ориентации в преподавании иностранного языка в целевом вузе: цели и результаты обучения соответствуют социальному заказу, условиям жизни и производства; деятельностный подход; коммуникативное обучение; внутренняя мотивация; интеграция разных видов деятельности, требующая знаний разных предметов, наличия различных навыков и умений; работа в команде с выходом на самостоятельную учебную деятельность, способствующую самообразованию и самовоспитанию; обучение на высоком уровне сложности; развитие критического и креативного мышления; развитие исследовательских способностей; лингвострановедческий подход. Данные выводы могут быть использованы при разработке учебных пособий и составлении новых методических указаний проведения занятий по иностранному языку.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб: Питер, 2002. 288 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности, принципы общепсихологического анализа. М.: Луч, 2007. 165 с.
3. Башмаков М.И. Теория и практика продуктивного обучения. М.: Народное образование, 2000. 59 с.
4. Кушнир А.М. Педагогика иностранного языка: Природосообразная технология обучения. М.: Народное образование, 1996. 193 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 2004. 304 с.
6. Пассов Е.И. Культуросообразная модель подготовки учителя: философия, содержание, реализация // Иноземнімови. 2002. № 4. С. 3–18.

References

1. Ananiev B.G. Man as an object of knowledge. StP.: Peter, 2002. 288 p.
2. Asmolov A.G. Psychology of personality, principles of general psychological analysis. M.: Luch, 2007. 165 p.
3. Bashmakov M.I. Theory and practice of productive learning. M.: Narodnoyeobrazovanie, 2000. 59 p.
4. Kushnir A.M. Pedagogy of foreign language: Naturalness technology of education. M.: Narodnoyeobrazovanie, 1996. 193 p.
5. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. M: Politizdat, 2004. 304 p.
6. Passov E.I. Cultural model of teacher training: philosophy, content, realization // Foreign languages. 2002. № 4. P. 3–18.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 811.111'38

*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
ст. преп. кафедры английской и восточной филологии
Елисеев С.Л.
Украина, г. Луганск, +3(8099)7167888
e-mail: yelseleo1958@gmail.com*

*Lugansk National University named after Taras Shevchenko
The chair of English and Oriental philology
senior lecturer
Yeliseyev S.L.
Ukraine, Luhansk, +3(8099)7167888
e-mail: yelseleo1958@gmail.com*

*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
канд. пед. наук, доцент кафедры английской и восточной филологии
Мацько Д.С.
Украина, г. Луганск, +38(050)9842427
e-mail: selen_matsko81@mail.ru*

*Lugansk National University named after Taras Shevchenko
The chair of English and Oriental philology
PhD, associate professor
Matsko D.S.
Ukraine, Luhansk, +38(050) 9842427
e-mail: selen_matsko81@mail.ru*

С.Л. Елисеев, Д.С. Мацько

ОКОПНАЯ ПОЭЗИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается проблема военной поэзии («поэзии окопов») как неотъемлемой части британской поэзии начала XX века. Авторы анализируют социальную подоплёку рассматриваемого периода и существовавшие в то время литературные направления и движения и видят свою задачу в том, чтобы дать краткое описание основных литературных тенденций рассматриваемого периода, проанализировать политические и социальные события, которые повлияли на литературный процесс начала XX века, а также рассмотреть поэтические движения начала XIX века.

На основе анализа произведений так называемой «окопной поэзии» были выделены следующие особенности военной поэзии начала XX столетия: 1) разговорный стиль поэзии Первой мировой войны (конкретные слова используются для описания конкретных деталей) с окказиональным использованием книжной (иногда архаичной) лексики; 2) чёткость, строгость и ясность написания, наличие символов и аллюзий, придающих новые смыслы и экономящих поэтическое «пространство»; 3) торжественный, траурный или саркастический слог произведений об ужасах войны; элегичность и ностальгия произведений, повествующих о довоенной жизни; 4) преобладание глаголов и детальное описание разрушений и человеческих страданий как символа утраченных надежд, «потерянного поколения»; 5) демократический потенциал военной («окопной») поэзии.

Ключевые слова: художественная реальность, георгианская поэзия, поэтический дискурс, солдаты-поэты, военная поэзия.

S.L. Yeliseyev, D.S. Matsko

THE POETRY OF TRENCHES AGAINST THE EARLY 20TH CENTURY ARTISTIC BACKGROUND

The article deals with the problem of the so called war poetry as an indivisible part of British poetry of the early 20th century. The social background and the literary trends and movements of the period in question are thoroughly analyzed. The aim of the article is realized through its tasks which are determined to give a brief outline of the main literary trends of the period in question, to analyze the political and social events that influenced the literary process of the early XX century, to analyze the poetic movements and works of the early 19th century.

The authors reveal the following features of the war poetry in British literature of the early 20th century: 1) conversational level of World War I poetry with occasional “plunge” into somehow refined, high level or even archaic usage; 2) exactness, clarity and precision in writing, well-known, easy-to-perceive symbols and allusions; 3) poetic tone is somber, mournful, disillusioned or sarcastic, poignant in poems dealing with the horrors of the war; 4) the predominance of verbs as a means to describe human sufferings and “lost hopes” of the “lost generation”; 5) democratic potential of the poetry of trenches.

Key words: artistic background, Georgian poetry, poetic discourse, soldier-poets, war poetry.

One cannot learn a foreign language without learning the culture of the people who speak it as their native language. Literature is an indivisible part of any culture because it reflects human emotions, feelings and beliefs, as well as the set of concepts and values characteristic of a certain nation.

The 20th century was not only an epoch of great discoveries that improved living conditions. It was an epoch of notorious events that changed our life dramatically. The century is (and surely – will be) known for the two devastating World Wars that caused a lot of problems, especially that of the so called “lost generation”. The problem was vividly depicted by Richard Aldington in his “Death of A Hero”, as well as by Erich Maria Remarque in his “Three Comrades” (to name only a few).

As a colonial state, the British Empire led wars for commanding positions, trying to expand its territory and influence. We should only mention Joseph Rudyard Kipling – “a bard of the Empire” – to understand the importance of literature in reflecting the political and social issues of the epoch in question. As a result, war literature must be of great attention to any scholar whose aim is to trace the important tendencies in the British literature of the early 20th century.

Roughly speaking, literature is presented in two major forms – prose and poetry. The British prose of the period in question has already become the object of scientific researches made by numerous Russian, Ukrainian and authentic scholars: K. Amis, G.V. Anikin, K. Brodey, Ch. Carrington, V.V. Ivasheva, K.O. Shakhova, M.V. Urnov and many others. For example, the features of Kipling’s literary work are revealed in publications by K. Amis and Ch. Carrington. The works of G.V. Anikin, K. Brodey, V.V. Ivasheva, K.O. Shakhova, M.V. Urnov deal with the history of English literature. On the contrary, poetry, though being a vivid example of social, philosophical and literary changes, lacks scholars’ attention. To our mind, the features of the British verse are thoroughly revealed in the works by Yu.V. Vorobyov, E.S. Kozlenko. Still, the problem of the so called “poetry of trenches” in the British literature of the 20th century needs further investigation.

As a result, the **aim of the article** lies in revealing the peculiarities of the war poetry (“poetry in trenches”) as an indivisible part of the British literature of the early 20th century.

The aim of the article is realized through its **tasks** which are determined to:

1. Give a brief outline of the main literary trends of the period in question.
2. Analyze the political and social events that influenced the literary process of the early XX century.
3. Analyze the poetic movements and works of the early 19th century.

British poetry of the late 19th – early 20th centuries saw a number of artistic developments, some of them fading at the turn of the centuries – such as decadence, others just budding – such as futurism (an Italian novelty) or vorticism (a short-lived home-grown phenomenon), and imagism with its precision and clarity. We entirely agree with J. Press who characterized the phenomenon of imagism trend as “... the only poetic movement of the century that has profoundly altered the course of English verse” [5, p. 30]. The other important trend that reached its peak in the 20th century was symbolism. The latter two lead to modernism, which was a product of the different qualities of the both. As their predecessor, decadence, those trends placed form over context, were elusive and ambiguous, rather than direct and straightforward. Filled with allusion and suggestions, they were based on a belief that reality lay beneath the surface of things and could only be realized by the symbol, pointing the way to some larger meaning and which with the accumulation of attributes and the refined “beautification” could only be known to the educated elite.

According to E.S. Kozlenko, British poetry of the 20th century was characterized by the following phenomena: 1) the national form of the free verse was worked out; 2) new forms of the non-classical verse appeared, the vast majority of which belonged to the so called accentual verse; 3) the metrical structure was combined with the non-metrical one within one verse [4, p. 46].

Literature is greatly influenced by the social background, i.e. the political and social events happening in a certain country (or all over the world – globally). In 1910 George V became the King of Britain. A very powerful movement, the so called Georgian poetry, appeared between 1912 and 1922. It is connected with the publication of five volumes of verse. Georgian poets (Watson, Noyes and others) displayed poetic realism (truth to life) and their poetry was seen as “... a healthy reaction to the ornate, specious and didactic verse” [2, p. 33]. Displaying pastorality and Englishness, Georgian poets were praised for the “... natural simplicity of their poetry, its emotional warmth and moral innocence” [2, p. 33]. From the very beginning the Georgian poetry became the first popular poetry of the modern age. The first volume sold 15,000 copies, a record number for a poetry book.

The celebration of England, whether at peace or war, became the principal aim of Georgians. The poetic diction is mainly of standard, even conversational level. The authors used concrete words to give concrete details with occasional “plunge” into somehow refined, high-flown usage. Some poets had a private penchant for archaic words and forms. On the whole Georgian poetry was descriptive, rather eventless, localized with visual, auditory, tactile, thermal and kinetic details. Poems, as a rule, were short, and thus “overloaded” with adjectives, helping to produce a poetic discourse, but as a result, syntax is sometimes paid little attention to, grammar seems to break down under the “strain”.

With the time going the faults of Georgian poetry became evident. To our mind, those were: 1) saccharine sentimentality; 2) a concern with the banality; 3) no originality in either the subject-matter or poetic technique (Nature as a sign of God, night as the time of dreams

and the glory of mysteries, romantic accounts of the East, “absence” of human relations, abstinence from the discourse of the social realm). Georgian poetry is often called “restrained in mood and low in temperature” [3, p. 15].

Great influence upon the arts and letters of the first quarter of the 20th century had World War I. The poetry of the Great War, very often referred to as “war poetry” in many ways has much in common with and very close to Georgian poetry. Like Georgian poets, war poets tend to use matter-of-fact, down-to-earth conversational tone. The authors paid much attention to descriptive, localized details. As for the length of poems, they were rather short – the sonnet form gave the best examples. For the young “men in trenches” writing poetry was a specific way of getting rid of dread of death, nightmares and hallucinations. The other reason that explains the length of “war verses” is, in our opinion, the personality of their authors. Most of the poets participated in actions on the Continent and physically were unable to produce poetry of considerable length.

Having much in common with Georgian poetry, war poetry differs from it. Unlike Georgian poetry, for which a plentiful use of adjectives was typical, war poetry is characterized by the predominance of verbs, helping to create images of motion which convey energy, movement, violence. The main themes of poetry united under the term “war poetry” naturally reflect a direct engagement with the War. It is evident that poets wanted to tell the truth about inhuman cruelties on the battle fields, contrast the official mendacious, very often jingoistic propaganda and generate a storm of public indignation and protest. Shocking naturalistic details are typical of much of the poetry concentrating on the suffering and violence of combat. In order to prove our words we have taken vivid examples from anthologized war poems:

*A man's brains splattered on
A stretcher bearer's face*

(From “*Dead Man's Dump*” by I. Rosenberg)

The rank stench of those bodies haunts me still

(From “*Repression of War Experience*” by S. Sassoon)

Very often poets approach the war through mythology, Old Testament legends or history (I. Rosenberg’s “Moses” and “Unicorn”, S. Sassoon’s “The Redeemer” with its direct and straightforward allusions to “Piers Plowman”). This use of the legend or history or nature description represents continuity with Georgian poetry. When the poetry describes the war the themes that come into the foreground are those of:

- self-sacrifice, pride and consolation (“The Soldier”, “Peace” by R. Brook, “Anthem of Doomed Youth” by W. Owen);
- comradeship and brotherhood (“When I’m asleep...” by S. Sassoon);
- anger and frustration at the futility of the progress and the chasm between those who make decisions, and those who suffer the consequences of them (“Futility” by W. Owen, “The General”, “A Working Party” by S. Sassoon);
- uncomprehending indifference of noncombatant civilians (“Repression of the Experience” by S. Sassoon).

Poet-soldiers of the Great War insisted on seeking the answer to ultimate questions at a time when for many survival meant restraint and resignation. They had to accept the knowledge that poet’s mission is not in sonnetising about dreams of love, nature and the life of the heart. They had to share their fellow soldiers’ feelings and, as Alun Lewis, a poet, wrote in 1943, “... learn the gambits of the soul / Think lightly of the themes of life and death” [7,

p. 44]. It was in the compromised conclusion that the best they could do was to “defend the bad against the worse” [7, p. 44].

Many poems are elegiac, nostalgic in atmosphere and convey passionate feelings for the landscapes of homeland and sufferings occasioned by the war both at home and on the battlefield. Poetry is something that is the opposite of all that rabid hatred, squalor, ugliness of the war, something to take refuge in. Disillusionment, frustration, all the anger and grief went into the poetry. It was for the soldier-poets a kind of a curative balm helping to heal the emotional trauma experienced by the young people on the western front. An army psychologist W.H.R. Rivers who treated W. Owen and S. Sassoon in Craiglockhart War Hospital valued highly the healing properties of creative activities as a part of therapy and encouraged the young people to pen poems. The hospital magazine “The Hydra” published verse by both poets. The psychologist believed that poetry contributed to more rapid recovery because all the anger and grief went into the poetry.

War poets differ on their attitude to war, though at first, it seemed an event to be spiritually embraced. It was greeted with “... youthful bravado and imperial confidence and celebrated with passionate pleas for the defence of the geographical entity of Britain in general and of a verdant England in particular” [6, p. 499]. S. Sassoon in his famous “A Soldier’s Declaration” states that the war upon which he entered was “...a war of defence and liberation” [1, p. 3]. Feeling against the repulsive circumstances of the war, and the revulsion at its extraordinary waste, the poets became aware of the fact that “... this war ... has now become a war of aggression and conquest” [1, p. 3]. An extract from Sassoon’s work “A Soldier’s Declaration” is the best illustration of the changes in poets’ perception of the war [6]:

*The war is being deliberately prolonged
By those who have the power to end it.
I am protesting against the political errors and insincerities
For which the fighting men are being sacrificed.*

Learning a foreign language is impossible without getting acquainted with the cultural heritage of the nation whose language you are trying to master. The national character is mostly revealed through literature. Poetry occupies an important place in the national literary course. As a rule, literature is greatly influenced by the background, i.e. the social and political events of the epoch. Consequently, British poetry of the early 20th century experienced influence of World War I, which in the United Kingdom is still referred to as the Great War. In the article we have revealed the following peculiarities of the war poetry (“poetry in trenches”) as an indivisible part of the British literature of the early 20th century:

1. The poetic diction of the World War One poetry is mainly of conversational or standard level (concrete words are used to give concrete details) with occasional “plunge” into somehow refined, high level or even archaic usage.

2. The poets practiced exactness, clarity and precision in writing. Very often poems contain well-known, easy-to-perceive symbols and allusions that add to the meaning, broadening it considerably, and “economizing” simultaneously on the poetic “space”, which is of some importance and convenience, as the bulk of the World War One poetry is of modest size.

3. Poetic tone is, as a rule, somber, mournful, disillusioned or sarcastic, poignant in poems dealing with the horrors of the war. Though, it is elegiac, earnest, nostalgic in poetry reminiscent of life before the war. On the whole, the war poetry is of confessional character.

4. Much of the poetry is descriptive, but the setting (lonely English landscapes or ruins of the Continent) differs from that of the postwar poetry. The landscape, with its surrealist contortions and dislocations of wrecked bodies and machines, has become a metaphor for broken lives and spirits. The war poetry is characterized by the predominance of verbs.

5. The First World War poetry possesses an undoubted democratic potential, for the works worshiped pride, brotherhood, comradeship, self-sacrifice and other virtues. At the same time, it is necessary to remember that the greater part of poems was written by officers who were people of good background and education (Brook, Sassoon and others). Thus, influences of dominant aesthetic and cultural movements and trends are evident.

The given article does not cover the problem in question. Further research is to deal with the style of certain soldier-poets as well as the traces of the World War One poetry in the British literature of the Second World War.

Библиографический список

1. Баркер Р. Возрождение. Лондон: Пингвин Букс, 1992. 252 с.
2. Дэй Дж. Поэты: георгианцы, имаджисты и другие // Литература и культура современной Британии: Т. 1: 1900 – 1929, под ред. К. Блума. Лонгман, 1993. С. 30–54.
3. Английская поэзия 1918 – 1960 / избранное, с введением К. Эллота. Лондон: Пингвин Букс, 1983. 412 с.
4. Козленко Э. С. Метрика и ритмика английского стиха XX века // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 42–46.
5. Пресс Дж. Очерки современной английской поэзии. Лондон: Пингвин Букс, 1979. 342 с.
6. Сандерс А. Краткая Оксфордская история английской литературы: 2-е изд. Оксфорд: Оксфорд Юниверсити Пресс, 2000. 734 с.
7. Избранная поэзия Элана Льюиса. Лондон: Пейпербукс, 1987. 111 с.

References

1. Barker P. Regeneration. London: Penguin Books, 1992. 252 p.
2. Day G. The Poets: Georgians, Imagists and others // Literature and Culture in Modern Britain. Vol. One: 1900 – 1929, ed. by C. Bloom. Longman, 1993. P. 30–54.
3. English Poetry 1918 – 1960 / selected with introduction by K. Allot. London : Penguin Books, 1983. 412 p.
4. Kozlenko E. S. Metrics and Rhythmics of English Verse of the 20th Century // Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. 2016. № 1. P. 42–46.
5. Press J. A Map of Modern English Verse. London : Penguin Books, 1979. 342 p.
6. Sanders A. The Short Oxford History of English Literature: 2nd edition. Oxford : Oxford University Press, 2000. 734 p.
7. Selected Poems of Alun Lewis / selected by J. Hooker & G. Lewis. London : Unwin Paperbacks, 1987. 111 p.

УДК 821.161.1 ББК 84(2)6

*Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, г. Воронеж
канд. филол. наук, преп. кафедры русского языка*

Папшева Г.О.

Россия, г. Воронеж, +7960-101-44-94

e-mail:gal.o.p@yandex.ru

The Voronezh State Medical University in honor N.N. Burdenko (branch in Voronezh)

The Chair of Russian language

PhD, lecturer

Papsheva G.O.

Russia, Voronezh, +7960-101-44-94

e-mail:gal.o.p@yandex.ru

*Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, г. Воронеж
преп. кафедры русского языка*

Струкова Т.А.

Россия, г. Воронеж, +7(4732)64-42-29

e-mail:ruling@vsmaburdenko.ru

The Voronezh State Medical University in honor N.N. Burdenko (branch in Voronezh)

The Chair of Russian language

lecturer

Strukova T.A.

Russia, Voronezh, +7(4732)64-42-29

e-mail:rulang@vsmaburdenko.ru

Г.О. Папшева, Т.А. Струкова

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. ОСОРГИНА 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В статье рассматривается проблема экологического сознания в творчестве писателя-эмигранта М. Осоргина двадцатых годов XX века, воссоздается образ «экологической личности», существующей в художественном пространстве романа «Сивцев Вражек» и дилогии «Свидетель истории» – «Книга о концах». Мироззрение писателя основывается на позициях пантеизма, признающего родство всего существующего и задающего особый, космический масштаб описываемых в произведениях образов: от муравья до звездных систем. Особое значение придается понятию национальной идентичности, традиционно воспринимаемой в аспекте неразрывной связи человека и природы, человека и матери-земли. Окружающий мир воспринимается как генератор жизненных ориентиров, объект познания, субъект для активного диалога, источник аллегорических обобщений. Время выступает как цикличное образование, природно-календарный круговорот соотнесен с социокультурным процессом, развитие персонажей происходит на фоне сезонных изменений и природных явлений, тем самым характеризуя изменение морально-нравственных установок персонажей. Цикличность существующего порядка подчеркивается через смену поколений, метафорическое перевоплощение времен года, передачу культурных традиций, ретрансляционное значение которых может нарушить война – символ деструкции и разрушения. Война подчеркивает катастрофичность, изменчивость бытия, внося в повествование эсхатологические мотивы, в связи с чем выделяется также необходимость активной инициативы по защите окружающего биосферы от уничтожения и деградации. Художественная модель мира реализуется через противопоставление природы и материального мира культуры, мира и войны, через олицетворение объектов природы: деревьев, водных объектов, животных; циклическую концепцию смены времен года, осознание национальной идентичности, реализуемой в архетипических образах природы, леса, реки.

Ключевые слова: творчество М. Осоргина, экологическая личность, художественная модель мира, образ природы, олицетворение.

G.O. Papsheva, T.A. Strukova

ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS IN M.A. OSORGIN'S WORKS OF 20s OF THE XX CENTURY

This article deals with the problem of environmental consciousness in emigrant writer M. Osorgin's works of twenties of the XX century, recreated the image of «ecological personality» existing in the art space of the novel «Sivtsev Vrazhek» and the album «Witness of History» - «The Book about Ends». Writer's ideology is based on positions of pantheism recognizing the kinship of all existing and giving special cosmic scale described in the works of images: from an ant to the stellar systems. Particular importance is attached to the notion of national identity, traditionally perceived in terms of symbiotic relationship of a man and mother earth. The world is perceived as a generator of life's milestones, the object of cognition, the subject to an active dialogue, the source of allegorical generalizations. Time appears as a cyclical education, natural-calendar cycle then linked with the socio-cultural process, character development takes place against the background of seasonal changes and natural phenomena, thus describing the changing moral character rigs. The cyclical nature of the existing order highlights through a generational change, metaphorical reincarnation of seasons, the transmission of cultural traditions, a relay whose importance can disrupt the war - a symbol of destruction and devastation. War underscores the disastrous thing about variability being introducing into the narrative eschatological motives, and therefore is also active initiatives to protect surrounding biogeocenosis from humiliation and degradation. Rhythmic model of the world is realized through the contraposition of nature and material world culture, war and peace, through impersonation of objects of nature: trees, water, animals; circular concept of changing seasons, awareness of national identity, realized in archetypal images of nature, forest, river.

Key words: creation, environmental personality, artistic model of the world, the image of nature, impersonation.

Ввиду основных тенденций развития цивилизации XXI века все большее значение приобретают вопросы экологии и разумного природопользования. В рамках экологической педагогики разработано понятие экологической личности, т.е. личности, обладающей эгоцентрическим типом сознания: психологической включенностью человека в мир природы, субъектным характером восприятия природных объектов, стремлением к непрагматическому взаимодействию с миром природы. Главным ориентиром остается формирование у личности понимания единства человека и природы.

Традиционно считается, что проблема экологии впервые возникает в русской литературе в произведении Л. Леонова «Русский лес», изданном в 1957 году; в данном ряду также следует представить произведения «Прощание с Матерой» В. Распутина (1976) и «Царь-рыба» В.Астафьева. Однако следует принимать во внимание, что из поля зрения исследователей-литературоведов надолго исчезла литература Русского Зарубежья, представителем которой является М.А. Осоргин, в 1928 году опубликовавший роман «Сивцев Вражек», а также диологию «Свидетель истории» – «Книга о концах». В данных произведениях реализована концепция «экологического сознания», ощущающего тесную взаимосвязь с природой и участвующего в ее тайнах и мистериях [1, с.74].

Именно в романе «Сивцев Вражек» особенно сильны дидактические тенденции в процессе формирования экологической личности. Одним из основных лейтмотивов романа становится наступление городской цивилизации на мир природы. Элементы экологического сознания в романах Осоргина составляют оригинальную систему, объединенную идеей родства всего существующего, повторения макрокосма в микрокосме (человеке, природе, живых существах). Следует выделить несколько смысловых линий, воплощающих саму сущность экологического сознания.

Во-первых, это признание идеи святости жизни на земле, сознание единства жизни человечества со всем живым на планете, своеобразный «пантеизм».

Во-вторых, специфические взаимоотношения с миром природы, реализующиеся на нескольких уровнях:

А) коммуникативный (природа как источник наслаждения, прекрасный удивительный мир, диалог с которым обогащает духовно);

Б) познавательный (природа как источник знаний, как объект исследования);

В) художественный (мир природы как аллегория человеческих отношений).

В-третьих, это возникающая проблема взаимоотношений урбанистической цивилизации и мира природы, угроза исчезновения естественной гармонии в результате действий человека.

Персонажи произведений Осоргина тонко чувствуют связь с природой. Гибель одного из элементов (цветка, мышки, человека) болью отдается во всем мироздании. Такая модель воспроизводит блаженное состояние Земли в первобытные времена, когда предметы соучаствовали друг в друге, и мир для человека был полон тайны и красоты. Трепетное отношение к природе становится залогом душевного покоя героев, в домашних беседах возникает картина «рая на земле» на основе всеобщего духовного братства и смыслового ряда: «Человек, природа, свобода, счастье».

Характерно, что из разных областей науки Осоргин наиболее «благосклонно» относится к тем, которые не имеют непосредственного утилитарного применения, где есть место для эстетического созерцания — астрофизика, орнитология. Неслучайно в качестве символа вневременного Абсолюта выступают «миллиардолетние» звезды, солнце, «рождающее снопы энергии», создающее все, что только могло быть созданием солнца, и рушащее все, что «человек считал созданием своего ума» [2, с.349]. В этих фразах видны отголоски учения о солнечных бурях, разрабатываемого в 1920-х годах В. Чижевским, одним из основоположников русского космизма [2, с.18].

Теоретические установки героев романа находят отражение на практике: природа становится одним из основных способов релаксации, возвращения душевного спокойствия среди полного событий XX века; вечный круговорот природы дает силы верить и надеяться на лучшее: зима снова сменится весной.

Очень поэтичны в романе сцены оживающей весенней природы. Обращает на себя внимание яркое описание прорастающей зелени, наслаждения от созерцания тайн природы, описание сочного белого ростка, нитки корня и раскрывающегося навстречу солнцу зеленого листа. Труд землепашца кажется священнодействием, земля становится началом и концом всякой жизни, так как «земные от земли произошли и в ту же землю все уйдем...». Очевидно, так автор представлял себе завершение вечного круговорота: человек становится травой, землей, отдавая природе то, что у нее было взято [2, с.147].

М.А. Осоргин создает художественную концепцию мира, в котором социум и мир природы развиваются однонаправленно, существуют аналогии между социальной и природно-сезонной цикличностью. На страницах романа теория о смене цивилизаций соседствует с регулярными наблюдениями за прилетом ласточек, событийная канва движется от весны к зиме и от зимы к весне, и изображение весеннего расцвета природы обрамляет всё повествование, акцентируя мотивы тепла, весны, жизни.

Можно предположить, что введение в текст романа размышлений о повторяемости культурно-исторического процесса продолжает философскую линию романа, а картина ежевесеннего прилета ласточек демонстрирует эту же идею через образы естественно-природной цикличности.

Все живое обретает язык, олицетворяется – разговаривают горошина, росток, белый гриб, поганка, полную труда и заботы жизнь ведут мышь, муравей и даже плесень-грибница, обретающая под микроскопом вид дремучего леса.

Пребывание на природе – это процесс общения с окружающим миром. Лес, поле, луг в романе Осоргина одаривают человека спокойствием, душевным теплом, надеждой на лучшее, но в то же время требуют уважительного отношения к природным богатст-

вам, подлинно экологического сознания. Особенную связь с природой ощущает героиня дилогии «Свидетель истории» Наташа Калымова, вольнолюбивое дитя северной реки Камы, в минуты раздумий коротающая дни в маленькой лодочке, качающейся на волнах. В другом фрагменте девушка борется с лесным пожаром, сублимируя первую влюбленность (ради полезного дела она вынуждена прервать свидание) в неистовую энергию защитника природы [2, с.389].

Удивляет наблюдательность героев: они замечают зерна ржи в колосьях, созревающие орехи в своих зеленых «гнездах» и при этом нисколько не пытаются разрушить все это великолепие. Характерен для творчества Осоргина трогательный призыв одной из героинь: «Обойдите кругом, нельзя мять! (колосья ржи)», воплощающий бережное отношение к природным богатствам. [2, с.189]

Как аспект коммуникативной функции взаимодействия с природой может быть воспринята познавательная (когнитивная) сторона в отношениях природы и человека. Персонажи Осоргина стремятся изучить окружающий мир, познать его законы, ибо законы эти вечные. Героем становится чудаковатый и нелепый ученый, для которого его научная деятельность является смыслом существования, а разрушение любой, мельчайшей формы жизни воспринимается как преступление. Таков старый профессор-орнитолог в романе «Сивцев Вражек». Любовь к птицам и их повадкам проецируется на обыкновенную жизнь, семью он называет «гнездом», жену выбирает «по щебету», а высшей мечтой становится издание научного труда о жизни птиц – чтобы было по чему учиться молодым.

На философском уровне природа воспринимается как часть культурно-национальной идентичности, традиционно культивирующей бережное отношение к окружающему миру и его богатствам. Это отношение реализуется в форме образных архетипов. Фольклорные образы доброго леса и злого волка, белой березы и пахаря за сохой позволяют героям Осоргина прочувствовать принадлежность к некоей культурной традиции, осознать эту традицию, сохранить и передать ее. Исконно славянскими являются символические образы: белая береза как символ России, мать-сыра земля, ласточка - вестница весны, дуб, под которым умирает «землепроходец» Яков Кампинский [2, с.580].

В художественном плане природа становится источником для многочисленных смысловых параллелей, аллегорий и метафор. В романе есть целые главы, где нет ни людей, ни человеческой истории, а только ласточки, крысы, мыши, муравьи, обезьяны. В этом мире совершаются смерть, рождение, борьба за существование, радости, неудачи, трагедии. Автор вовсе не уподобляет человека муравью или обезьяне, напротив, он следует древней традиции аллегорического изображения средневековой литературы, когда животные становились отражением тех или иных качеств. Но, в отличие от средневековых авторов, Осоргин изображает реальных, а не антропоморфных зверей и птиц.

Так, ласточка символизирует добро и надежду, семейное счастье, мышь – это воплощение страха, а крыса – агрессии и разрушения, революции и террора. Муравей, вопреки традиционной трактовке, изображает бесплодную суету, обезьяна передает образ испуганного, растерянного обывателя.

В противовес живой и наделенной индивидуальными характеристиками природе олицетворение предметов, традиционно отнесенных к вещной культуре, имеет исключительно негативные коннотации. Это символ нарушения закономерности жизни, страшной и чудовищной подмены понятий. Когда вместо снега в морозном воздухе летают «свинцовые шмели» — шальные пули, нарушаются и нормальные человеческие связи: «Кто-то стрелял в кого-то, но уж, конечно, брат в брата», «свинцовый страх» завладевает миром, и, чтобы отобразить его, Осоргин олицетворяет абстрактные понятия: «из горевших и обстрелянных домов выбегало довольство и в ужасе шарахалась нужда» [2, с.420].

В романе есть замечательная метафора: человек – тоже растение, прорастающее на камнях цивилизации. И он является сильнейшим «конкурентом» природы. Технократическая цивилизация, агрессивная и разрушительная, осуждается писателем. Осоргин говорит о проблемах неразумного природопользования, о том, что вокруг современных городов совсем исчезла зелень и что с высоты человеческого поселения кажется кучкой мусора. Тем самым писатель предвосхищает проблемы современной городской экологии XXI века, символом которых для Осоргина становится паровоз – воплощение разрушительной силы.

Конфликт природы и человека в романах Осоргина ощущается особенно сильно в тех эпизодах, где говорится о войне. Зловеще выглядят «ожившие» военные орудия – «металлическая птица» – самолет и «чудовищная рыба, плюющаяся огнем» – подводная лодка, страшны газовые атаки, уничтожающие все живое. Именно во время такой атаки умирают ласточки – символ красоты и гармонии в романе [3, с. 76].

Изуродованная земля ничего не может родить, она истоптана солдатскими сапогами, искалечена окопами. Погубленный мир Осоргин изображает в багряно-красных тонах – красный мак, багряный закат, кровь, стекающая по столбам северного сияния, красный гриб под сосной – как страшное предсказание будущей угрозы атомной войны. И в этом мире уже не будет места человеку и его творениям.

Творчество Осоргина дает грозное предупреждение грядущим поколениям и в то же время являет образец трепетного отношения к окружающему миру, гармоничного слияния с макрокосмосом. «Экологический кризис преодолим, – обращается к нам Осоргин из далеких 20-х годов XX века, – и чтобы преодолеть его, нужно научиться чувствовать вечные законы мироздания, потому что законы эти много важнее человеческих».

Библиографический список

1. Барковская Н.В. Возвращение к истокам: (Осмысление исторической судьбы России в «Старинных рассказах» М.Осоргина) // Михаил Осоргин: Страницы жизни и творчества. Пермь, 1994. С. 72–77.
2. Осоргин М. А. Сивцев Вражек. Свидетель истории. М.: Моск. рабочий, 1990. 622 с.
3. Папшева Г.О. Эсхатологические мотивы в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика, 2010. № 1. С. 75–79.

References

1. Barkovskaya N.V. Return to origins: (comprehension of historical destiny of Russia in «Old stories» by M. Osorgin) // Mikhail Osorgin: Pages of life and creation. Perm, 1994. P. 72–77.
2. Osorgin M.A. Sivtsev Vrazhek. The witness of history. M.: Mosk. Work, 1990. 622 p.
3. Papsheva G.O. Eschatological motifs in M. Osorgin's novel «Sivtsev Vrazhek» // Bulletin of VSU. Philology. Journalism, 2010. №. 1. P. 75–79.

УДК 82-1/-9 ББК 83.3(4)

Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

канд. филол. наук, доцент

Плахтиенко О. П.

Россия, г. Архангельск, тел. +7(952)251-02-93

e-mail: serafim1@atknet.ru

Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

The department of literature,

PhD, assistant professor

Plakhtienko O. P.

Russia, Arkhangelsk, +7(952)251-02-93

e-mail: serafim1@atknet.ru

Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск
студентка 4 курса

Коровкина Ю. А.

Россия, г. Архангельск, тел. +7(921)290-07-24

e-mail: yulika996@gmail.com

Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

4th year student

Korovkina Yu. A.

Russia, Arkhangelsk, +7(921)290-07-24

e-mail: yulika996@gmail.com

О.П. Плахтиенко, Ю.А. Коровкина

ФЕНОМЕН НЕЛИНЕЙНОГО ТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ. РОМАН М. ПАВИЧА «СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ»

Объектом исследования в данной статье является феномен нелинейного текста в художественной литературе. Рассматриваются истоки нелинейной прозы на примере творчества александрийских поэтов эпохи эллинизма, немецких и итальянских поэтов эпохи Барокко и романа Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра». Определяется значение терминов «нелинейный текст», «нелинейная проза» и «гипертекст», а также причины бурного развития данных феноменов в художественной литературе XX – XXI вв. Дается характеристика с точки зрения нелинейности стихов Аполлинера, романов У. Фолкнера «Шум и ярость», Х. Кортасара «Игра в классики», С. Соколова «Школа для дураков» и Ж. Перека «Жизнь, способ употребления». Основное же внимание в статье уделяется в целом жизни и творчеству сербского писателя М. Павича и его роману «Семь смертных грехов». Данное произведение характеризуется с точки зрения общей организации текста, выявляются признаки нелинейности, а также в заключении рассматривается возможность применения к нелинейной прозе традиционных и современных методов интерпретации. Представленный материал является актуальным, так как нелинейный текст и гипертекст – наименее изученные области с точки зрения литературоведения. Творчество М. Павича также недостаточно исследовано специалистами в области литературы. Статья будет интересна студентам филологических факультетов и специалистам-филологам. Материалы данного исследования могут быть использованы для изучения современного литературного процесса, а также в качестве основы для более глубокого исследования феномена нелинейного текста в художественной литературе.

Ключевые слова: нелинейный текст, нелинейная проза, гипертекст, Милорад Павич, современная литература, литература постмодернизма, традиционные и современные методы анализа, автор, читатель.

O.P. Plakhtienko, Yu.A. Korovkina

**NON-LINEAR TEXT PHENOMENON IN THE FICTION LITERATURE:
HISTORY OF DEVELOPMENT AND MODERN FORMS.
M. PAVICH'S NOVEL «THE SEVEN DEADLY SINS»**

The article focuses on the phenomenon of non-linear text in fiction literature. Non-linear prose origins are studied in the works of Alexandrian poets of the Hellenistic period, German and Italian poets of the Baroque era, and in the E. T. A. Hoffmann's novel «The Life and Opinions of the Tomcat Murr». The meanings of «non-linear text», «non-linear prose» and «hypertext» are defined, and the reasons for these phenomena rapid development in XX – XXI centuries fiction literature are determined. Characteristics of Apollinaire's verses, the novels of W. Faulkner's «The Sound and The Fury», J. Cortazar's «Hopsotch», S. Sokolov's «A School for Fools» and G. Perec's «Life a User's Manual» are given from the non-linearity stand point. At the core of the article's discussion is the Serbian writer M. Pavic work and his novel «The Seven Deadly Sins». The latter is characterized from the general text organization perspective; signs of non-linearity are revealed, and the possibility of applying traditional and modern methods of interpretation to non-linear prose is considered. The presented material is relevant, because non-linear text and hypertext are the least studied areas from the literary criticism stand point. The work of M. Pavic was also not sufficiently studied by specialists. The article will be interesting for students of philological faculties and specialists in philology. The research can be used to study the contemporary literary process, and also as a basis for a more in-depth study of the non-linear text phenomenon in fiction literature.

Key words: non-linear text, non-linear narrative, hypertext, Milorad Pavic, contemporary literature, post-modern literature, traditional and modern methods of analysis, author, reader.

Нелинейный текст как явление современной художественной литературы нашел наиболее яркое воплощение в творчестве сербского поэта и прозаика Милорада Павича. Им были созданы оригинальные формы произведений, такие как роман-лексикон (роман-словарь), роман-кроссворд, которые и относят к так называемой нелинейной прозе.

Термины «нелинейный текст» и «нелинейная проза» были введены в активное пользование сравнительно недавно (в конце XX – начале XXI веков). Наряду с ними стал использоваться близкий по смыслу термин «гипертекст», которым обозначалось художественное произведение, «обладающее метатекстуальностью, связанное в единое целое не за счет книжного переплета, а благодаря ассоциациям, формируемым им самим в разветвленной системе ссылок» [4].

Само понятие гипертекста было введено американским исследователем Теодором Нельсоном в книге «Литературные машины» для обозначения электронных текстов со ссылками на другие документы, подписями, комментариями и т.д. Со временем были выделены и основные особенности гипертекста в литературе [4]: 1. Разрушение представлений об обязательной линейности повествования и его восприятия; 2. Вовлечение читателя в процесс конструирования литературного текста; 3. Стимуляция полиперспективного (разнонаправленного) восприятия; 4. Выявление и подчеркивание всевозможных интертекстуальных переключек.

Близкий по значению к гипертексту термин «нелинейный текст», а точнее «нелинейная проза», ввел в современный обиход Милорад Павич. Он считал, что такой вид повествования идеально отвечает современной картине мира, лишённого центра и упорядоченности. Разрабатывая в своих романах поэтику нелинейного письма, Павич соз-

дал не просто гипертекстовый роман, но целую собственную Вселенную – «Вселенную Павича», как назвала ее Н. П. Невзорова [6].

Нелинейная проза как формально-содержательное явление оформилась в XX веке, однако истоки ее можно обнаружить на всем протяжении литературного развития, анализируя историю экспериментальных форм.

Экспериментальная литература всегда создавалась как элитарная. Потребность писать «не для всех» возникала у авторов по разным причинам: хотелось создать что-то совершенно новое, подчеркнуть свою оригинальность, индивидуальность. Возникла тогда, когда ощущалась исчерпанность существующих форм. Такая потребность появлялась чаще всего в переходные периоды культурного развития, когда определенные традиции, получившие статус нормы, начинали ощущаться как нечто косное, требующее обновления. Можно выделить три наиболее яркие в этом отношении эпохи: эллинизм, барокко и романтизм.

Первые интересные опыты с формой принадлежали поэтам-александрийцам (Эллинистический период в истории античности – примерно с 323 г. до н.э. до 30 г. н.э.). Они создавали «фигурные стихотворения», в которых расположение стихов составляло определенный рисунок – «секиры», «яйца», «свирилы», «крыльев». Для их прочтения часто требовался «ключ», то есть знание порядка, в котором нужно читать отдельные стихи, в противном случае, стихотворение не имело смысла [1].

Виртуозные формальные эксперименты в сочетании с изысканным риторическим мастерством проявились в поэзии итальянского барокко, например, в творчестве кавалера Марино. Его стихи не отличались смысловой глубиной, однако были полны словесных эффектов. Например, поэма «Адонис» состояла из сорока тысяч стихов и была «соткана из множества вставных эпизодов, лирических отступлений, утонченных стихотворных миниатюр» [2].

Поэзия уже немецкого барокко отличалась особенной близостью к изобразительному искусству и графике. Выражением тяготения барочной поэзии к живописи можно назвать «фигурные стихи», о которых мы говорили и в связи с александрийцами. Эта была любимая форма поэтов «Общества пегницких пастухов» (представителей так называемой прециозной литературы) и поэтов нюрнбергского круга. Чаще всего их стихотворения имели форму (очертания) яйца, кубка, сердца, креста, песочных часов (тех объектов, которые часто можно встретить на картинах жанра ванитас, популярного в эпоху барокко). В качестве примеров можно назвать стихотворения Иоганна Гельвига «Песочные часы» и «Монумент, или Колонна чести», «Крест из хореических строк» и «Стихотворение-кольцо с рифмами обычного рода» Юстина Георга Шоттеля.

Говорить о нелинейности относительно всех выделенных нами произведений (и александрийской, и барочной поэзии) можно лишь условно. В них проявилась так называемая формальная нелинейность, то есть такая, которая не влияет на содержательную сторону произведения. По сути, почти каждое из представленных стихотворений мы можем развернуть в линейный текст, не нарушая его внутреннего смысла.

Новый толчок в развитии нелинейного повествования был дан эпохой романтизма. Как и предыдущие периоды, эпоха романтизма – период перелома, причем более глобального и радикального, чем все предыдущие. В рамках нашей темы наибольший интерес представляет роман Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра». Поскольку история капельмейстера Иоганнеса Крейсlera и других персонажей человеческого мира — это всего лишь вкладные листы в жизнеописание кота Мурра, Гофман прибегает к фрагментарному повествованию с зияниями, пропусками, разрывами во

времени, которые самостоятельно заполняет читатель. Нелинейность романа Гофмана уже несколько иная, чем у поэтов-александрийцев и мастеров эпохи барокко. У писателя-романтика перемешавшиеся листы двух книг в своем единстве образуют совершенно новое смысловое целое. В зависимости от того, как читать книгу, в сознании читателя могут возникать разные (пусть и довольно близкие) по содержанию произведения.

Следующим важным этапом в развитии нелинейного текста стал XX век. Если прежде эксперименты осуществлялись в рамках какого-то одного направления или творчества отдельного художника, то в XX столетии экспериментальность стала главной приметой всей культуры и искусства. Словесное творчество не являлось исключением. Опыты над художественным словом привели к нарушению равновесия между целым произведением и его частью, между творческой интуицией и осознанной интерпретацией действительности и, в конечном итоге, к распаду традиционно связного повествования, а вместе с ним и традиционного образа автора: «Дистанция между «Я» и «не-Я» в самом творчестве, между словесным творчеством и его восприятием, между различными типами интерпретации на протяжении XX века настолько углубилась, что под конец столетия образ «смерти автора» получил самое широкое хождение» [5].

Поскольку нас интересует развитие представлений о нелинейности в контексте литературы XX века, то подробнее остановимся на тех явлениях, которые так или иначе демонстрируют его развитие.

Одним из ярких представителей своего времени, преемником традиций барочной поэзии и создателем новых форм стиха стал Гийом Аполлинер – знаковая фигура для авангардистов начала XX века. Он использовал в своей поэзии приемы эмблематического письма и барочные образы, совмещая их с новаторскими приемами организации текста, например, с отсутствием пунктуации и перепадами тона. Аполлинер писал стихи-каллиграммы и стихи, предвосхитившие «автоматическое письмо» сюрреалистов. Они не были нелинейными текстами в полном смысле слова и подчинялись авторской идее и воле, однако структура их уже «взрывала» традиционную последовательность читательского восприятия.

Попытка преодолеть абсолютное превосходство авторской точки зрения в сюжетном и формальном планах была сделана Уильямом Фолкнером в романе «Шум и ярость» (1929). В нем признаки нелинейности проявляются очень ярко. Четыре части романа представляют четыре различных мировосприятия, три из которых выражены в форме потока сознания. По сути читателю самостоятельно приходится решать, чья точка зрения наиболее адекватна и близка авторской. Очень непростой для понимания, роман Фолкнера побуждает перечитывать отдельные фрагменты, сопоставлять их с другими, выявлять смысловые переключки и основные элементы сюжета. Повествовательная стратегия Фолкнера в данном произведении вплотную приближается к принципу нелинейности.

Само понятие нелинейности текста и его последовательное и прямое художественное воплощение, как уже отмечалось, возникло во второй половине XX века, в эпоху постмодернизма. Оно стало отражением самой сущности этой эпохи, утратившей представление о структурированной, рационально организованной картине мира.

Одним из самых первых постмодернистских романов считается экспериментальный роман аргентинского писателя Хулио Кортасара «Игра в классики» (1963). Это произведение имеет необычную структуру, которая подробно разъясняется самим автором в предисловии. Х. Кортасаром выделяются как минимум два варианта прочтения

романа. Первый включает в себя две части – «По ту сторону» и «По эту сторону» – и предполагает последовательное продвижение читателя от главы к главе. Второй вариант подчинен определенной схеме, данной самим писателем, в которую включены все главы романа, кроме 55. Читатель, таким образом, «скачками» перемещается от фрагмента к фрагменту, что очень похоже собственно на игру в классики. Такое чтение романа вынуждает читателя быть предельно внимательным, самостоятельно выискивать основания для «скачков» от главы к главе, расшифровывать неявные послы, связи, переключки и аллюзии. Нелинейная структура не привязывает повествование к какой-то одной сюжетной линии, человеку или месту, позволяет читателю создавать собственные комбинации текста, находить разный смысл в происходящем.

Примером русского постмодернистского романа, использующего нелинейный текст, можно назвать роман Саши Соколова «Школа для дураков» (1973, опубликован в 1976). Его, как и «Игру в классики» Х. Кортасара, можно читать с любого места и представлять отдельные части и главы в любом порядке, за исключением последних строк, где автор встречается со своим героем.

Также примером постмодернистского романа, воплотившего основные принципы нелинейной прозы, можно назвать роман французского писателя и кинорежиссера Жоржа Перека «Жизнь, способ употребления» (1978). Объектом художественного осмысления в этом произведении стали такие явления, как общество употребления (или общество потребления) и вещиизм. В романе описывается один жилой дом №11 на вымышленной улице Симона Крюбелье в Париже. Автор использует технику практически протокольной фиксации вещей, находящихся в доме, и людей, которые там живут. Роман, таким образом, насчитывает более 100 историй и около полутора тысяч персонажей. По задумке автора, это произведение можно читать с любого места, начинать, обрывая, с любого этажа, любой комнаты и квартиры. К этому роману также часто применяют термин калейдоскопичный. Он состоит из мелких кусочков-описаний, которые, сочетаясь различным образом, дают разные картинки. Комбинируя описания и вещи, организуя свой собственный порядок, читатель создает для себя каждый раз новый роман, не нарушая, однако, общего замысла произведения.

Эксперименты модернистов и постмодернистов породили множество необычных художественных форм. Этот процесс продолжается до сих пор. В XXI веке одним из самых ярких и блестящих примеров создания нелинейного литературного текста стало творчество сербского писателя Милорада Павича (1929 – 2009), автора знаменитого для современности романа «Хазарский словарь».

«Автобиография» М. Павича уместилась на одной странице. В ней он кратко отметил вехи своей довольно долгой жизни вплоть до 2003 года. Родился писатель в г. Белграде в 1929 году «на берегу одной из четырех райских рек в 8 часов и 30 минут утра под знаком Весов (подзнак Скорпиона)...» [7] Его мать была преподавателем философии, а отец скульптором. В своей автобиографии Павич указывал: «Писатель я уже более двух сотен лет. В далеком 1766 году один из Павичей издал в Будиме свой сборник стихотворений, и с тех пор мы считаем себя литературной династией» [7]. Речь идет об Эмерике Павиче, жившем в XVIII веке. Дядя поэта, Никола Павич, был известным писателем середины XX века.

Милорад Павич учился на философском факультете Белградского университета в 1949 – 1953 гг., а затем получил степень доктора философии в области истории литературы в Загребском университете. Сферой его научных интересов была сербская литература XVII – XIX вв. Также он был специалистом по сербскому барокко и поэзии сим-

волизма. Знание нескольких языков – немецкого, французского, болгарского, русского и др. – позволило Павичу изучать мировую культуру и классическую литературу в подлинниках. На протяжении своей жизни он старался создать культурную и литературную историю Сербии, чтобы включить ее в историю мировой культуры и литературы.

Будучи уже писателем и критиком, Павич занимался переводами классической литературы, в том числе русской, на сербский язык. Благодаря ему, например, современные сербские школьники читают «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Все, кто пытался писать о биографии Павича (к сожалению, полной биографии на данный момент не существует), говорят о невероятном багаже знаний писателя, его открытости всем веяниям и культурам.

Наиболее известной по сей день книгой писателя остается роман-лексикон «Хазарский словарь» (1984), который был впоследствии переведен на 30 языков. Почему он обратился к истории хазарского племени, сам Павич объяснил в одном из интервью: «Хазарский словарь» можно читать как метафору всякого малого народа, чью судьбу определяет борьба высших сил. Малые народы, такие как мы, сербы, всегда под угрозой чуждых ему идеологий» [11].

Несмотря на довольно большое количество написанных им произведений разных жанров и форм, в «Автобиографии» Павич оценивает свое наследие весьма скромно: «Я написал первый роман в виде словаря, второй в виде кроссворда, третий в виде клепсидры и четвертый как пособие по гаданию на картах таро. Пятый был астрологическим справочником для непосвященных» [7]. В первом случае имеется в виду упомянутый уже «Хазарский словарь». Романом-кроссвордом является «Пейзаж, нарисованный чаем» (1988). В виде клепсидры написан роман «Внутренняя сторона ветра» (1991). Роман-гадание на картах Таро – это «Последняя любовь в Константинополе» (1994), а астрологическим справочником Павич назвал свой роман «Звездная мантия» (2000). Из наиболее интересных произведений писателя стоит отметить также экспериментальный роман «Ящик для письменных принадлежностей» (1999), детективный «Уникальный роман» (2004), предполагающий участие читателя, а также несколько пьес: «Вечность и еще один день» (1993), «Кровать для троих» (2002) и «Стеклянная улитка» (2002).

Даже самый краткий перечень произведения М. Павича со всей очевидностью демонстрирует, что он очень любил эксперименты с формой. Писатель искал новые способы организации того материала, который, иногда по крупицам, собирал из истории и культуры мира и своей страны. Помимо этого, Павич считал, что изобретение новых форм изложения совершенно необходимо в современном мире: «Литература должна приспособиться к новой электронной эре, где преимущество отдается не плавному, линейному, состоящему из последовательных звеньев литературному произведению, а иконизированному образу, знаку, семиотическому сигналу, который можно передать мгновенно, а ведь XXI век именно этого и требует. Идеальным можно было бы считать текст, который роится и разветвляется, как наши мысли или наши сновидения. Вот почему я решил, что моя проза должна иметь интерактивную нелинейную структуру» [7].

Понятие «нелинейная проза» в современном литературоведении возникло и обосновалось именно благодаря М. Павичу. В своих эссе и художественных произведениях он не только демонстрирует применение данной формы, но и формулирует требования к писателю, читателю, исследователю, которые будут иметь дело с такими текстами. На первом месте у него стоит читатель. Именно на него возлагается ответственность в процессе создания произведения: «Я попытался изменить привычный способ чтения,

усиливая роль и ответственность читателя в процессе создания романа (не стоит забывать, что в мире гораздо больше талантливых читателей, чем талантливых писателей или литературных критиков). Я оставил им, читателям, принятие решений об основных моментах романа и развитии сюжета: где роман начинается, и где он заканчивается, даже решения о судьбе главных героев» [8]. Для формы и содержания повествования Павичем также были установлены определенные требования: «...Стараясь изменить манеру чтения, я должен был изменить манеру сочинения. <...> На протяжении двух тысяч лет содержание романа было уложено в прокрустово ложе формы. Я считаю, что этому пришел конец. Каждый роман должен выбирать свою собственную форму, каждая история должна искать и находить свое собственное тело... Компьютеры доказывают нам, что это возможно. Но даже если вам не нравятся компьютеры, посмотрите, чему нас учит архитектура» [8].

В каждом из своих произведений М. Павич пытался воплотить идеи, высказанные в эссе «Начало конца» (1997). Все они строятся по принципу нелинейного текста и являются лучшими образцами нелинейной прозы постмодернизма.

Одним из малоизученных оригинальных произведений М. Павича является роман «Семь смертных грехов». Он был опубликован лишь в Сербии, России, Грузии, Испании и Польше. «Семь смертных грехов» представляет собой сборник новелл, составляющих, по задумке автора, целостное произведение. Здесь стоит указать, что состав разных публикаций несколько отличается. Например, в России роман был опубликован в двух вариантах – в 2004 (2005) [9] и 2010 гг. [10] В состав сборника 2004 года (наиболее близкого по времени к сербской публикации 2002 г.) вошли семь рассказов: 1. «Тунисская белая клетка в форме пагоды» (Tuniski beli kavez u vidu pagode, 2002), 2. «Волшебный источник» (Ћarobni kladenac, 2001), 3. «Житие» (Žitije, 2001), 4. «Ловцы снов» (Lovci na snove, 1996), 5. «Комната, в которой исчезают шаги» (Soba izgubljenih koraka, 2001), 6. «Чай для двоих» (Čaj za dvoje, 2002) и 7. «Зеркало с дыркой» (Ogledalo s rupom, 2002). Этот вариант действительно может восприниматься лишь как сборник отдельных рассказов. В сборнике 2010 года рассказ «Тунисская белая клетка в форме пагоды» заменен новеллой «Любовное послание с острова Лесбос» (Љубавna порука sa ostrva Lezbosa, 2002), а также добавлено предисловие автора под названием «Вступительное напоминание, или Как Иероним Босх изобразил семь смертных грехов». Кроме того, в данном издании каждую новеллу сопровождают два эпиграфа, в одном из которых указывается место действия в новелле (географическое), а во втором смертный грех, который будет раскрываться в новелле и три его вариации: в «Божественной комедии» Данте, на картине И. Босха «Сад земных наслаждений» и на двух гравюрах «Семь смертных грехов» М. Шагала. Эти эпиграфы и предисловие объединяют новеллы в общую схему, делая их неделимым произведением. Установить, какая из публикаций отражает оригинальный текст, на данный момент не представляется возможным. Но две вариации романа могли задумываться автором изначально (как, например, мужская и женская версия «Хазарского словаря»), поскольку замена одной новеллы на другую хоть и изменяет внешнее содержание романа, но все же оставляет неизменным его общую идею.

Интересно, что каждая новелла – это одновременно и новая история, и новый элемент в ткани произведения в целом. Связь между рассказами при поверхностном чтении установить невозможно, так как они переплетены между собой множеством едва уловимых деталей, мотивов и образов. Текст, кроме того, насыщен множеством ин-

тертекстуальных переключек как с творчеством самого Павича, так и с культурой и историей Европы (Сербии в частности).

Перед исследователем, обращающимся к данному произведению, закономерно встает вопрос: как «расшифровать» такой текст? Можно ли применить принципы традиционного анализа для гипертекста и нелинейного текста или нужно искать новые способы интерпретации?

На данный момент существует множество традиционных и нетрадиционных методов анализа. Многие из них были разработаны специально для изучения постмодернистской литературы (например, рецептивный, деконструктивистский, феноменологический и др.). Придерживаться какого-то одного метода анализа применительно к нелинейной прозе мы не можем. Классические методы не являются полностью подходящими, так как они сосредоточены на авторском начале и культурно-историческом контексте, а постмодернизм ставит во главу угла читателя, а не автора или историю. Несмотря на это, отдельные приемы герменевтического, структурно-семантического и компаративного методов, безусловно, будут востребованы при анализе нелинейного текста. Опирайтесь на рецептивный и другие постмодернистские методы тоже нецелесообразно, так как они сосредоточены на сущности текста и оставляют неразрешенными вопросы о формально-содержательной структуре, а структуралистский и формальный методы, наоборот, слишком углублены в формальный компонент и совсем не касаются содержания и интерпретации.

Анализируя нелинейную прозу, целесообразно совместить различные подходы к произведению. Безусловно, необходимо дать краткую характеристику культурно-исторической ситуации и идей писателя, которые лежат в основе его творчества; охарактеризовать особенности структуры его произведения; опираясь на мотивную теорию и теорию архетипов, постараться выявить содержательные особенности произведения; выявить его связи с предполагаемыми источниками, другие проявления интертекста, а также значение авторской и читательской ролей. Данные подходы являются наиболее важными при анализе нелинейной прозы.

Библиографический список

1. Александрийская поэзия / Составление и предисловие М. Грабарь-Пассек. - М: художественная литература, 1972. - 432 с.
2. Виппер Ю. Б. Творческие судьбы и история. (О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века). - М.: Художественная литература, 1990. - 320 с.
3. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – 3-е изд. - М.: Флинта, Наука, 2000. - 248 с.
4. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. - М.: Интрада, 2004. - 560 с.
5. Зарубежная литература XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. М. Толмачёв, В. Д. Седельник, Д. А. Иванов и др.; под ред. В. М. Толмачева. - М.: Академия, 2003. - 640 с.
6. Невзорова Н. П. Нелинейная проза Милорада Павича и современное медиапространство (от интертекстуальности книги к гипертексту виртуальной реальности). [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/26785001-Nelineynaya-proza-milorada-pavicha-i-sovremennoe-mediaprostranstvo-ot-intertekstualnosti-knigi-k-gipertekstu-virtualnoy-realnosti.html> (дата обращения: 4.12.2017).

7. Павич М. Автобиография / Пер. с сербского Л. Савельевой. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rastko.rs/rastko-ru/delo/11322> (дата обращения: 4.12.2017).
8. Павич М. Начало конца /пер. с сербского А. Некрасова. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/INPROZ/PAWICH/endofnovelrus.txt> (дата обращения: 4.12.2017).
9. Павич М. Семь смертных грехов / М. Павич // пер. Л. Савельевой. - Санкт-Петербург: Амфора, 2010. - 186 с.
10. Павич М. Семь смертных грехов / М. Павич // пер. Л. Савельевой. - М: Азбука-Классика, 2005. - 160 с.
11. Роман «Хазарский словарь» Милорада Павича // Электронная энциклопедия Википедия. [Электронный ресурс]. URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C (дата обращения: 4.12.2017).

References

1. Alexandrian poetry / Compilation and foreword M. Grabar-Passek. - М.: Fiction Literature, 1972. - 432 p.
2. Vipper Yu. B. Creative destiny and history. (About Western European Literatures of the 16th – first half of the 19th century). - М.: Fiction Literature, 1990. - 320 p.
3. Esin A. B. Principles and methods of analyzing a literary work: Textbook. – 3rd ed. - М.: Flinta, Science, 2000. - 248 p.
4. Western literary criticism of the XX century: Encyclopedia. - М.: Intrada, 2004. - 560 p.
5. Foreign literature of the XX century: Proc. allowance for stud. supreme. training. institutions / V. M. Tolmachev, V. D. Sedelnik, D. A. Ivanov and others; Ed. V. M. Tolmachev. - М.: Academy, 2003. - 640 p.
6. Nevzorova N. P. Non-linear prose by Milorad Pavic and modern media space (from the intertextuality of the book to the hypertext of virtual reality). [Electronic source]. URL: <http://docplayer.ru/26785001-Nelineynaya-proza-milorada-pavicha-i-sovremennoe-mediaprostranstvo-ot-intertekstualnosti-knigi-k-gipertekstu-virtualnoy-realnosti.html> (date of access 4.12.2017).
7. Pavic M. Autobiography / Transl. with the Serbian L. Savelyeva [Electronic source]. URL: <https://www.rastko.rs/rastko-ru/delo/11322> (date of access 4.12.2017).
8. Pavic M. The Beginning of the End / Trans. with the Serbian A. Nekrasov. [Electronic source]. URL: <http://lib.ru/INPROZ/PAWICH/endofnovelrus.txt> (date of access 4.12.2017).
9. Pavic M. The Seven Deadly Sins / M. Pavich // Trans. L. Savelieva. - М.: Azbuka-Klassika, 2005. - 160 p.
10. Pavic M. The Seven Deadly Sins / M. Pavich // Trans. L. Savelieva. - St. Petersburg: Amphora, 2010. - 186 p.
11. The novel «The Khazar Dictionary» by Milorad Pavic // Electronic encyclopedia Wikipedia. [Electronic source]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C (date of access 4.12.2017).

УДК 801.3=82(045/046):26

*Воронежский государственный
технический университет
ст. преп. кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Безатосная О.М.
Россия, г. Воронеж, +7(4732)71-50-48*

*Voronezh Technical State University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication,
senior lecturer
Bezatosnaya O.M.
Russia, Voronezh, +7(4732)71-50-48*

О.М. Безатосная

ОБРАЗ РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ К.А. КОРОВИНА «ТО БЫЛО ДАВНО... ТАМ... В РОССИИ...»

Статья посвящена двухтомному изданию воспоминаний известного русского художника К.А. Коровина «То было давно... там... в России...». Оказавшись в эмиграции, вспоминая о своей жизни, автор воссоздаёт образ дореволюционной России. Рассказывая о дореволюционной России, К.А. Коровин детально описывает весь уклад российской жизни. В воспоминаниях Коровина нередко вырисовываются неприглядные, а порой бесчеловечные и дикие стороны тогдашней жизни. Рассказывая о детстве, автор описывает жизнь в доме деда, бабушки, полную будничных забот, праздничных ожиданий, первых детских попыток найти Мыс Доброй Надежды. Повествуя о годах учебы, К.А. Коровин создает удивительно красивые словесные портреты своих учителей и товарищей. Воспоминания К.А. Коровина наполнены чувством бесконечной любви к России, которую он был вынужден покинуть сразу после революционных событий 1917 года. Талантливый художник, декоратор и педагог, Константин Коровин с особой теплотой и болью пишет о горьких судьбах своих учителей и коллег, чьими картинами восхищается весь культурный мир. Положение художника в обществе - большая тема для Коровина. Художник приходит к глубокому убеждению в том, что чиновники, меценаты и невежественные критики нанесли непоправимый вред развитию искусства в России. Воспоминания К.А. Коровина – это история одного человека, в судьбе которого было так много хорошего и трагичного, история людей, которых он знал и любил, история страны, ушедшей навсегда. Эта ушедшая страна, Россия, не исчезла благодаря двухтомнику «То было давно... там... в России...».

Ключевые слова: знаменитый художник, трагичность жизни, любовь к родной земле, простые чудаковатые герои, детские мечты, красота природы.

О.М. Bezatosnaya

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE MEMORIES OF K.A. KOROVIN «THAT WAS LATER... THERE... IN RUSSIA...»

The article is devoted to the two-volume issue of the memories of a famous Russian artist, K.A. Korovin «That was later... there... in Russia». In the emigration the author remembers his life and reconstructs the image of pre-revolutionary Russia. In his stories about pre-revolutionary Russia K.A. Korovin describes all Russian mode of life in details. Korovin's memories often reveal unpleasant and sometimes violent and savage sides of life in those times. Recollecting his childhood, the author describes the life in his grandparents' home, full of everyday routines, festive anticipations, initial childish attempts to find Cape of Good Hope. Describing his

school years, K.A. Korovin creates extremely beautiful verbal portraits of his teachers and comrades. Korovin's memories are full of endless love to Russia the author had to abandon after the revolution in 1917. Being a talented artist, a set dresser and a teacher, Konstantin Korovin writes with particular tenderness and pain about tragic lives of his teachers and colleagues, whose pictures are admired by the entire cultural world. The social status of artists is a painful subject for Korovin. The artists himself comes to a profound conclusion that officials, patrons and ignorant critics had caused great damage to the development of Russian art. K.A. Korovin's memories is the history of an individual whose life was a combination of good and tragic, the history of people he knew and loved, the history of the country which had gone forever. But this country did not vanish completely due to the two-volume book «That was later... there... in Russia».

Key words: famous artist, tragic nature of life, love to the motherland, simple and eccentric heroes, childhood dreams, the beauty of nature.

Константин Алексеевич Коровин – знаменитый художник, декоратор Императорских театров, педагог, воспитавший художников, оставил нам замечательные воспоминания. Двухтомник «То было давно... там... в России...» был опубликован в издательстве «Русский путь». Эта книга, появившаяся благодаря многолетним исследованиям учёной Принстонского университета Т.С. Ермолаевой, возвращает нам Россию дореволюционную. Воспоминания Коровина о России вместе с воспоминаниями И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, И.В. Одоевцевой и многих других талантливых русских, покинувших страну после революции 1917 года, наполнены великой любовью к родной земле, простым русским людям, неброской, словно застенчивой природе, и, конечно же, в них есть глубокое осознание трагичности произошедшего.

В 1929 году, уже в возрасте 68 лет, когда из-за болезни невозможно было писать кистью картины, К.А. Коровин начал писать пером рассказы. Была и ещё одна причина: нужно было отвлечь от тяжёлых мыслей сына, оказавшегося в трудной ситуации. Художник так пишет об этом: «Закрывая глаза, я видел Россию, ее дивную природу, людей русских, любимых мною друзей, чудаков, добрых и так себе - со всячинкой, которых любил, из которых „иных“ уж нет, а „те далече“... И они ожили в моем воображении и мне захотелось рассказать о них» [2].

Замечательный художник-живописец, К.А. Коровин в воспоминаниях предстаёт перед нами как талантливый художник слова, внимательный к деталям. Эта особенность его натуры была отмечена Ф.И. Шаляпиным в статье, написанной к юбилею художника. «Беспечный, художественно-хаотический человек, раз навсегда заживший в обнимку с природой, страстный охотник и рыбак, этот милый Коровин... ни разу не упустил из поля своего наблюдения ни одного людского штриха. Ночами, бывало, говорили мы с ним на разные жизненные темы... и всякий раз у меня было такое чувство, слушая его, точно я пью шампанское – так приятно кололи меня иголки его острых замечаний» [2].

Первая часть воспоминаний названа «Моя жизнь». Начинается она с воспоминаний о детстве, о жизни в доме деда, купца первой гильдии, о прекрасном доме, саде, об обычаях, давно забытых нами. Например, когда родился прадед Коровина, «то по обычаю сёл и деревень, находящихся по Владимирскому тракту, при рождении ребёнка отец выходил на дорогу и у первого, которого гнали в ссылку по этой дороге, «Владимирке», спрашивал имя. Это имя и давали ребёнку... для счастья – такая была примета» [2]. По обычаю родившегося называли именем преступника, то есть несчастного. Когда

родился прадед Коровина, по Владимирке везли Емельяна Пугачёва. Прадеда назвали Емельяном.

Описывая жизнь в доме деда, художник подробно рассказывает о летних вечерах, когда в беседке пили чай, о большом зале, где в нишах играли музыканты на званых обедах. Читая эти строки, невольно замечаешь одну особенность: маленькому Косте Коровину было немного тесно в доме деда. «Простые русские люди... развлекали мою пытливость различными сказками... Я сам воображал себя героями этих сказок...» [2]. Мечта о дальних даже не странах, а о просторах волновала будущего художника. Может быть, поэтому он всё чаще смотрит из окон дедовского дома? «Там, за этим садом, где опускается солнце, где делается такой прекрасный вечер, где Мыс Доброй Надежды», там, по мнению Кости, нет злых людей. Хорошо было и у бабушки, потому что там «сама бабушка и гости были приветливы, когда говорили, смотрели в глаза друг другу, говорили тихо, не было резких споров» [2]. У бабушки играли на арфах, и музыка арф была так красива!

И ещё одна маленькая деталь. Коровин пишет особенно нежные слова о матери. «Мать кистью рисовала в альбоме... зиму, море, такие, что я улетаю куда-то в райские края» [2]. Коровин вспоминает, что тётки говорили о матери, что она белоручка, не знает, куда угли в самовар кладут. Он спросил мать об этом. «Мать посмотрела на меня с удивлением... повела меня в коридор и показала в окно сад. Зима. Весь сад был в инее мороза... это было так хорошо – всё белое, пушистое. Что-то родное, свежее и чистое. Зима» [2]. Так, в нескольких словах К.Коровин описывает бесценный урок, полученный им от тонкой и нежной женщины, его матери. Урок благородства, достоинства, умения видеть красоту.

Коровин пишет, что окружение, природа, созерцание её были самым существенным в его детстве. Он вспоминал деревенский дом и очень тосковал на чужбине. Разве не об этом говорят его слова: «...мне казалось, что это рай. Я думал: „Какой же может быть рай другой?“». И заключал не колеблясь: «Это и был рай». Даже вспоминая дни Великого Поста, К.А. Коровин больше сосредоточен на внешней стороне этого важного периода в русской жизни.

«Нравится мне Великий Пост потому, что в саду за забором, где недавно были сугробы, не пройдешь теперь: большая лужа, оттепель. За частыми сучьями лип видно, как просветило голубое небо, какое-то другое, чистое, весеннее. Как хороши эти просветы, как радуют! В душу входит что-то, чего не расскажешь, невозможно рассказать. А утром, за чаем, в корзинке румяные, из теста, жаворонки, с черными глазами из коринки, – как радостно! И еще хлебные кресты. Это все предвещало весеннюю радость, разлуку с долгой, суровой зимой» [2].

Рассказывая о дореволюционной России, К.А. Коровин детально описывает весь уклад российской жизни: «Довольство жизнью было полное. Рынки были завалены разной снедью – рыбой, икрой, птицей, дичью, поросятами. Железные дороги были полны пассажиров. Промышленность шла, Россия богатела. Рынки были завалены товарами, из-за границы поступало все самое лучшее. Заграница была в моде, и много русских ездило за границу. Это считалось как бы обязательным. Летние сады развлечений были полны иностранными артистами – оперетка, шансонетки, загородные бега и скачки, рестораны были полны посетителями, где пели венгерские, цыганские, румын-

ские хоры. Летом большинство жителей Москвы уезжало на дачи, которые были обильно настроены в окрестностях Москвы. Там жизнь велась в природе. Москву в жару не выносили. Оставшихся в Москве считали мучениками... Я нигде не видал лучше лета, чем в России, и не знаю моря и берега лучше Крыма» [2].

В воспоминаниях Коровина нередко вырисовываются неприглядные, а порой бесчеловечные и дикие стороны тогдашней жизни. Вот, например, потрясающая история об обездоленной крестьянской девушке, которую до смерти забили отец и братья («Дом честной»). Или трагическая судьба попавшего в тяжкую беду человека, испытывающего затем страх перед людьми («Семен-каторжник»). Или рассказ о крестьянской жизни и нравах, узнав о которых В.А. Серов заметил: «А жутковатая штука... деревня, мужики, да и Россия» («В деревне») [1].

Боль об утрате Родины, невозможность физически находиться на родной земле изменяют сам тон воспоминаний, когда художник говорит о людях, которые изменили жизнь России. Нельзя не согласиться со словами Л.Ким о том, «...как оригинально художественная интуиция запечатлела коллективный психологический портрет новоявленных радетелей о России, ввергнувших ее в эпоху потрясений: «Богата была Россия. Но в ней образовались какие-то скорбные плакальщики, которые неплохо жили, ничего не делали, а только хныкали о горях и лгали. Невежество самовластия этих плакальщиков было глупо, так как они не знали ни народа, ни России. Плакальщики искали тенденции, клеветы и ругали красоту; они кричали о свободе, не понимая свободы, и их жажда была властвовать и угнетать все, в чем нужна свобода. Не понимая, что такое государство, вся их ненужная энергия была только отрицанием всего того, в чем они не смыслили, как совесть и возвышенность. Скромные на вид, они не были скромны в жизни. И знали ли они, что такое Россия и что такое государство? – сомнительно. Несчастливая Россия, попавшая в страшную войну, не знала в это время – кто и куда ее ведет. Трагедия потрясений пришла от хитрых и ловких людей» [1].

Талантливый художник, декоратор и педагог, Константин Коровин с особой теплотой и болью пишет о горьких судьбах своих учителей и коллег, чьими картинами восхищается весь культурный мир. «Воспоминания об учителях и товарищах переполнены сетованиями Коровина на то, что общество не оценило дарования того или иного художника, что истинное признание увидели немногие и т. п. Перед его глазами на протяжении долгих лет развертывалась драматическая жизнь Врубеля, изведавшего больше, чем кто-либо другой, что такое «людское непонимание». Вот как это выглядит по словам Коровина: «...он [М. А. Врубель] не видел похвал, что кому-нибудь это [то, что делал] нужно. Он изверился из-за непонимания окружающих и вечной травли его... и горьки часто были его глаза, и сирота жизни был этот дивный философ-художник. Не было ни одного человека, который бы больно не укусил его и не старался укусить» [2]. Положение художника в обществе – большая тема для Коровина. Художник пришел к глубокому убеждению в том, что чиновники, меценаты и невежественные критики нанесли непоправимый вред развитию искусства в России. Давление на художника со стороны людей, имевших власть и тугой кошелек, уязвляло святая святых художнической души Коровина (см., например, очерк «Человечек за забором», с. 566-573). «В России – в нашей прежней России – было одно странное явление, изумлявшее меня с ранних лет. Это было – как бы сказать? – какое-то особое «общественное мнение». Я его слышал постоянно. Этот торжествующий голос «общественного мнения», он казал-

ся мне голосом какого-то маленького и противного человечка за забором... Жил человек где-то там, за забором, и таким уверенным голоском коротко и определенно говорил свое мнение, а за ним, как попугаи, повторяли все, и начинали кричать газеты» [1].

Воспоминания К.А. Коровина – это история одного человека, в судьбе которого так много было хорошего и трагичного, история людей, которых он знал и любил, история страны, ушедшей навсегда. Эта ушедшая страна, Россия, не исчезла благодаря тяжёлому двухтомнику, где есть такие слова:

«Странно, я видел много стран. И нигде нет такого отраднo-печального чувства, необычайного замана, глубокой красоты, мечты тревожной, как в весеннем вечере России...» [2].

В статье Л.Ким о воспоминаниях К.А. Коровина есть такие строки: «Настроение, суть всех опубликованных в данном издании рассказов, писем, очерков как нельзя лучше отражены в названии – последней строчке коровинского рассказа «В сочельник»: «То было давно... Там... В России...». Ведь в этой фразе есть все: и нежные, ностальгические настроения писателя, и его осознание безвозвратности былого, и грусть от изгнания из родной страны – не с ее территории даже, но из прошлого, разрушенного революцией. Безусловно, и этот двухтомник, и все творчество Константина Алексеевича Коровина стали памятником той, ушедшей России» [1].

Библиографический список

1. Ким Л. Константин Коровин. «То было давно... там... в России...». Воспоминания, рассказы, письма: В двух книгах. Составление, вступительная статья: Т.С. Ермолаева. Примечания: Т.С. Ермолаева и Т.В. Есина // Знамя. № 6. 2012. С. 221–222.
2. «То было давно... там... в России...»: Воспоминания, рассказы, письма: В двух кн. / К.А. Коровин. М.: Русский путь, 2011.

References

1. Kim L. Konstantin Korovin. «That was later... there... in Russia». Memories, stories, letters: In two books. Compilation and introduction by T.S. Ermolaeva. Comments by T.S. Ermolaeva and T.V. Esina // Znamya. Iss. 6. 2012. P. 221–222.
2. «That was later... there... in Russia»: Memories, stories, letters: In two books / K.A. Korovin. M., 2011.

УДК 82

*Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. И.И. Меч-
никова*

*канд. филол. наук, доцент кафедры рус-
ского языка*

Белова А.В.

*Россия, Санкт-Петербург, +79119447714
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

*St. Petersburg State Medical University
named after I.I.Mechnikov*

The Department of Russian language

PhD, assistant professor

Belova A.V.

*Russia, Saint-Petersburg, +79119447714
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

А.В. Белова

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ, ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНРЫ И ИХ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ

В данной статье исследуется взаимосвязанность трёх жанров: эпистолярного, документального (дневник) и литературного. Исследование дневников и писем того или иного периода позволяет составить адекватное представление о характере эпохи, постичь мироощущение носителей сознания определенного культурно-исторического социума, выявить художественную ценность и специфические особенности дневника как документа своего времени. Наиболее интересным и ценным материалом для подобного исследования представляются дневники и письма тех лиц, которые являлись не только свидетелями и участниками преобразований жизни, но и которые оказывали непосредственное влияние на ход событий. К разряду подобных документов, безусловно, относятся дневники профессиональных писателей, таких как Александр Павлович Чехов (старший брат Антона Чехова) – писателя, беллетриста, репортёра газеты «Новое время». Начат дневник в июле 1898 года, заключительные страницы его относятся к январю 1913 года. Письма, адресованные брату Антону Чехову, были написаны в период с 1875 по 1904 гг.

В настоящей статье анализируется общность и связь трёх жанров: эпистолярного, документального (дневник) и литературного, выделяются некоторые объединяющие признаки, такие как: исповедальность, эстетичность. В статье предпринята попытка сравнительного анализа фрагментов из текстов дневника и писем Александра Павловича Чехова. Также в статье приводятся примеры писем, написанных в форме законченного литературного произведения, письма-зарисовки, письма-подражания (в том числе на латыни и на украинском языках), что подтверждает тезис о том, что перечисленные жанры переплетаются, взаимодополняют и обогащают друг друга.

Ключевые слова: Антон Чехов, Александр Чехов, жанр, дневник, письмо, литература.

A.V. Belova

EPISTOLAR, DOCUMENTARY AND LITERARY GENRE AND THEIR INTERDEPENDENCE

In this paper, we investigate the interconnectedness of the three genres: epistolary, documentary (diary) and literary. The study of diaries and letters of a particular period can make up an adequate idea of the nature of the epoch, comprehend the worldview of the bearers of consciousness of a certain cultural and historical society, reveal the artistic value and specific features of the diary as a document of its time. The most interesting and valuable material for such studies is the diaries and letters of those individuals who were not only witnesses and participants in the transformation of life, but who were directly on the course of events. To the category of similar documents, undoubtedly, of the subordinate professional writers, such as Alexander Pavlovich Chekhov (An-

ton Chekhov's older brother) - writer, novelist, reporter of the newspaper *Novoye Vremya*. The diary was started in July 1898, the final pages of his appeal by January 1913. Letters addressed to his brother Anton Chekhov were written between 1875 and 1904.

In this article, the generality and connection of three genres are analyzed: the epistolary, the documentary (diary) and the literary, some unifying features are distinguished, such as: confession, aesthetics. The article makes an attempt to compare the fragments from the diary texts and the letters of Alexander Pavlovich Chekhov. Also in the article are examples of letters written in the form of a complete literary work, letter-sketches, letter-imitation (including Latin and Ukrainian), which confirms the thesis that these genres intertwine, complement and enrich each other.

Key words: Anton Chekhov, Alexander Chekhov, genre, diary, letter, literature.

Эпистолярное наследие, наряду с биографиями, автобиографиями, апологиями, мемуарами, дневниками даёт богатейший материал для анализа эпохи. Этот жанр был настолько любим и популярен, что XVIII век создал даже гибридную разновидность жанра – дневник в письмах (letter-journal), в качестве примера которого можно рассматривать «Дневник для Стеллы» Свифта. С другой стороны, Ричардсон «перенёс содержание исповедального дневника в форму дружеского письма...» – таким образом, мы и в данном случае имеем дело с взаимопроникновением жанров [5]. В «человеческих документах», таких, как письма, дневники, исповеди, эстетическое начало присутствует с большей или меньшей степенью осознанности [2]. Эстетическая преднамеренность может достигнуть того предела, когда письма, дневники становятся явной литературой, рассчитанной на читателей – иногда посмертных, иногда и прижизненных [2].

Так, например, дневник Александра Чехова в своём начале имеет прямое указание на конкретных адресатов его записей: «Свалка нечистот, мыслей, идей, фактов и всякого мусора. В назидание детям, Коле, Гусе и Мише, после моей смерти».

Сложно сказать, был ли подобный расчёт у Александра Чехова, когда он писал письма брату Антону Чехову, но учитывая, что он сам был писателем и репортером, возможно, подспудно, он стремился и к этому эффекту. По крайней мере, понимание значимости личности брата, Антона Чехова, придавало вес и ему самому, что подтверждается, хоть и шуткой, в его письмах: «Отчего ты, Антошичка, на своих письмах пишешь только число и месяц, а никогда не проставляешь года? Этим ты лишаешь своих будущих биографов возможности вести правильно хронологию твоей жизни и появления твоих гениальных мыслей, излагаемых тобою в письмах к известным и знаменитым современникам, к числу которых я причисляю и себя» [1, 650]; «Гейним. Поздравляю тебя с благоволением Академии наук. Часть этого благоволения и пятисот р. премии принадлежат также и мне, потому что меня очень часто принимали за тебя, и теперь принимают, и многие твои сочинения приписывают мне. Поэтому я вправе попросить «на чаек с твоей милости» [1, 550].

Мемуары, автобиографии, исповеди – это уже почти всегда литература, предполагающая читателей в будущем или в настоящем, своего рода сюжетное построение образа действительности и образа человека; тогда как письма или дневники закрепляют еще не предпрешенный процесс жизни с еще неизвестной развязкой. Динамика поступательная сменяется динамикой ретроспективной. Мемуарные жанры сближаются таким образом с романом, с ним не отождествляясь. От писем и дневников к биографиям и мемуарам, от мемуаров к роману и повести возрастает эстетическая структурность. Огромное пространство отделяет исполненное психологических признаний письмо от психологического романа. Но есть и объединяющий принцип. Письмо и роман, с этой точки зрения, – разные уровни построения образа личности, и на любом уровне в этих построениях непременно участвует эстетический элемент [2].

Подобную мысль подтверждает и следующий факт письма Александра Чехова под заголовком «Позднее самопознание (тема)» от 20 февраля 1883 года, присланное из Таганрога и оформленное в виде отдельного рассказа: «Большой, не без некоторого вкуса убранный кабинет. Массивный, ореховый, московской работы стол с изящным бронзовым прибором. Гипсовый бюстик Гёте, портрет дамы с расчесанным пробором в дорогой ореховой раме <...> Рядом – будуар – спальня женщины с расчесанным пробором. Она лежит в постели. У ног её за кисейной занавеской маленький новорожденный ребенок. Он спит. Она с ожиданием поминутно смотрит на часы, стоящие на мраморной тумбе.

«Господи, скоро ли?», - думает она.

В передней дрогнул звонок. Старая няня заковыляла, крехтя, и через минуту в кабинет вошёл он...» [1, 326-331]. Само письмо-произведение занимает около 5 страниц, что равняет его с повновесным рассказом.

Или «Путевые заметки» Александра Чехова (путешествие на юг)», оформленные в виде репортажа, посвящённого поездке в Таганрог в письме к Антону Чехову от 21 июля 1882 года, включающие в себя 9 страниц текста, с героями, стихотворными строчками, сюжетом:

«Таганрог,

1882

Июль-август

(Уступление) Друзья!

Розьявьте рты, шоб вам було утета самое звесно, что типерь ввалнуить мою грудь!! Ето самое письмо пишу вам з Таганрога <...> Выехал я из Москвы, как значится в моём дневнике, 25 июля и сутки просидел в Туле. Этот город, братцы вы мои, есть *ничто*. В нём есть всё и нет ничего. Чтобы пояснить эту туманную галиматью, прилагаю стихи, сочиненные в Туле. Скорбный тон их покажет, какие чувства наполняли благородное сердце вашего доблестного брата.

Я в Тулу с трепетом въезжал.

Туда подруга дней моих седая

Меня влекла, не понимая,

Что быть я в Туле не желал, Что я от этого страдал <...>» [1, 294-295].

Для подтверждения этой же мысли приведём ещё один отрывок из письма, написанного на латыни от 2 мая 1887 года, в котором сообщалось о самоубийстве сына А.С.Суворина Владимира Алексеевича: «Filius redactoris «N.W.» studiosus, secundus natu, exit ad patres sua voluntante revolverans cordem...» [1, 443] (сын редактора Нового времени, студент, второй по рождению, добровольно отправился к праотцам, проревольверив сердце...» [7]. Характерен отклик Антона Чехова на это письмо: Твоё письмо на латинском гениально. Я его спрятал и буду хранить до тех пор, пока разучусь понимать разумное и оригинальное; когда я показал его в Таганроге учителю латинского языка, то тот пришёл в неописанный восторг от духа, каким пропитано это короткое, но замечательно талантливое письмо. В особенности хорошо «revolverans cordem» [1,444]. Что это, как не литературный посыл Александра Чехова, на который ждёшь отклика и оценки?

Безусловно, следующий шуточный пример (отрывок из письма Александра Чехова брату Антону Чехову от 1 марта 1897 года) также подтверждает высказанный тезис о взаимопроникновении жанров литературы и эпистолярия:

«Пропавшее условие, или Хвост от семги

Драма в 5 действиях

Соч. г. Гусева

Действующие лица: Швейцар в д. г. Суворина

Василий, лакей г.Суворина

А в письме его Антону Чехову от 14-15 мая 1893 года читаем: «Зуб я свой усмирю концентрированной карболовой кислотой, которая, кстати сказать, быстро разрушает ткань зуба и порядочно обжигает десну и губы» [1, 650] и т.п.

Создавая документ, автор преодолевает проблему охвата душевного опыта, претворяемого в осознанную структуру. Какие элементы душевной жизни может и хочет человек закрепить, сформулировать для других и для себя? Что именно он оставляет неоформленным? Душевный опыт проходит градацию – от полного вытеснения к осознанию «в глубине души», далее – к тайным признаниям в дневниках, в исповедях; наконец, к явному обнаружению вовне. И дело тут даже, собственно, не в том, чего хочет человек; скорее в том, какого именно самовыявления требуют от него среда, время, конкретная ситуация, его собственные способности и возможности [2]. Исповедальность, безусловно, свойственна Александру Чехову, она встречается в его воспоминаниях об общем детстве с Антоном Чеховым, в дневниковых записях, но более всего она выражена в его письмах. Сравним:

Дневник	Письма
<p>«Растут к несчастью Митрофанушки! Годы уходят. Тоське (Антону – А.Б.) уже почти 13 лет, а он и читать порядочно не умеет <...> А сколько я денег просадил на репетиторов, да на плату в разные учебные заведения. Трудно и сосчитать <...> Одно только утешение и есть – сознание, что я сделал для воспитания и обучения детей всё, что мог, не щадя живота и просяживая напролёт ночи за работой и что моя совесть чиста перед ними. Но ведь из этого сознания шубы не сошьёшь. Если не дай Бог, я умру прежде времени, то – трудно и представить себе, что будет с моими сорванцами-неучами» [3, 6]</p>	<p>«Киндеры мои – чудо что за ребята: не нарадуюсь. Ласковы, тихи, послушны, резвы, здоровы и привязаны ко мне. Все свободные часы я отдаю им. Если бы ты видел сценки, когда они ведут со мною войну, пугают воображаемым медведем, лазят по мне, прячутся и заставляют себя искать, ласкают меня и целуют меня и мои руки – ты позавидовал бы мне» (письмо к Антону Чехову от 18 августа 1888 года) [1, 537]</p>
<p>«Сегодня вечером я совершил своего рода подвиг: я сжёг всё, чему поклонялся и поклонился тому, что сжигал <...> Разобрал хранившиеся много лет папки и сжёг свои старые сочинения, большие частью начатые ещё в молодости и неоконченные <...> Сколько в сожжённом было юношеского жара, сколько идей, сколько упований и сколько честного...детски-наивного! Сжёг – и точно легче стало. Всё равно я никогда не dokonчил бы начатого <...> Как-никак, а фунтов тридцать испсанной бумаги будет» [3, 12]</p>	<p>«Алтоне! <...> Не знаю, что за прозрение духовное на меня напало. Пишу теперь ревностно и сознательно большую вещь, обдумываю каждую строку и дело подвигается поэтому медленно. Пишу я «Город будущего» и копирую Новороссийск, излагая свои наблюдения и впечатления, почерпнутые на Кавказе. Многое мне самому кажется дико и неправдоподобно, но оно схвачено с натуры. Окончу – пришлю тебе на прочтение: с тем и пишу <...> Твой А. Чехов» (письмо от 25 апреля 1886 г.) [1, 403-404]</p>
<p>«1 августа, суббота. Ни черта полезного и дельного я сегодня не сделал. Пропал день ни за понюх табаку. Даже ни одной порядочной мысли в голову не пришло, а о творчестве и говорить нечего. С тех пор как абсолютно бросил пить – фантазия исчезла совершенно и в мозгу бродят одни</p>	<p>«Дорогой Антоша. Не сердись, брате за то, что я тебе подолгу не пишу. Происходит это, вероятно, потому, что я вообще много пишу ради manger и boire (есть и пить – А.Б.). А может быть, и возраст такой подошёл. Прежде я был тароват на длинные письма, но теперь – почти уже три года –</p>

<p>только отрывочные мысли» [3, 8]</p>	<p>написать письмо для меня мука и казнь египетская. Отвечаю с трудом даже на самые деловые и откладываю ответы в долгий ящик. С трудом собрался написать на днях во Владивосток своему сыну Николаю <...>Я по-прежнему искренно люблю тебя, но писать как-то разладился – и не тебе одному...Не сердись поэтому, Черт его знает, - может быть, это возраст престарелый, а может и психоз» (письмо от 8 ноября 1902 года) [1, 835];</p> <p>«Кстати, пить я бросил абсолютно. Был у меня такой нравственно потрясающий момент, что я ужаснулся своего прошлого пьянства и дал себе слово не брать в рот» [1, 619]</p>
<p>«Вечером написал очень посредственный святочный рассказ «Белая дама» и положил его в папку до поры до времени. Авось пригодится. Стал писать в половине девятого и окончив в половине двенадцатого. Вышло строк приблизительно 250» [3, 9];</p> <p>«Закончил рассказ «Американский дядюшка» (положил в папку до востребования). Не нравится мне конец его развязка очень шаблонна <...> до сих пор, как ни напрягаю мозг – ничего не выходит, кроме того, что вышло» [3, 12]</p>	<p>«Материал я вывез из Бурашевской колонии богатый: тут и история, и психология, и невротия, и философия, и политическая экономия, и статистика, и питание, и все науки, кроме прочих других. Что если бы я засел за серьёзную, основательную и добросовестную работу, на манер очерка, - напечатала бы у меня сей очерк «Русская мысль»? Как вы об этом думаете, молдой чаезк? Вы к этой «Мысли» ближе. Вопросаю же потому, что не хочется ухлопывать труд, время и мозух на рукопись, которую потом девать некуда будет <...> Что я пишу вообще хорошо и даже очень хорошо – это тебе может подтвердить дядя Митрофан» [1, 673];</p> <p>«Кстати, прочти мою «Горпину», если не читал. Один из подписчиков «Нового времени» рекомендует в письме в редакцию предать меня уголовному суду за бесцеремонное обкрадывание Гоголя. Это к сожалению, факт. Есть болваны, дерзающие проводить параллель между мною и Гоголем» [1, 781];</p> <p>«Друже. Что мне делать с моей пьесой? Это – вроде наказания за грехи. Каждый день приходится что-нибудь изменять и подправлять, а эта подправка ведет за собою изменение многих других мест. Прибавишь лишнюю черту характера одному лицу – оказывается, что от этого поблед-</p>

	нело другое лицо. То кажется, что актеры стоят на сцене не на месте: начнешь перемещать – опять ломка всего произведения и т.д. Никак не могу отделать так, чтобы почувствовать, что выполнил то, что задумал» [1, 572]
«Хорошая мы с Наташей пара: подошли друг к другу, как пара сапог... Если брак – лотерея, то оба мы вытащили по счастливому номеру...» [3, 3]	«С Н.А. (Натальей Александровной Гольден – А.Б.) я сжился настолько, что она уже стала для меня необходимой. Детей моих она любит, как мать, потерявшая когда-то своих <...> Мне хорошо, мне тепло. Дети зовут её «мама» и привязались к ней сильно. Когда она с ними – я спокоен и счастлив» [1, 555]

И если в дневнике признание и исповедь остаются без отклика, то на письмо с исповедальными мотивами автор ожидает ответ, таким образом, надеясь и выстраивая коммуникацию. Подобные примеры позволяют сделать вывод о действительно взаимном переплетении исследуемых жанров.

Библиографический список

1. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка / Сост., подг. текста и коммент. Е.М.Гушанской, И.С.Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012. 960 с.
2. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Ленинград: «Художественная литература», (ленинградское отделение), 1977. 450 с.
3. Дневник Ал.П. Чехова. Чехов М.А. Ф 2316 оп.2, ед.хр. 35. РГАЛИ, Москва.
4. Зыкова Е.П. Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров. Москва: ИМЛИ РАН, 2013. 232 с.
5. Суровцева Е.В. Новая книга об английском литературном быте // Историческая экспертиза, № 1, 2015. С. 33-36.
6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Письма в 12-ти т. Москва: Наука, 1974-83. Т.1.
7. Чехов А.П. [электронный ресурс]. URL: <http://chegov.niv.ru> (дата обращения: 6.11.17).

References

1. Alexander and Anton Chekhov. Memories. Correspondence / Comp., Podg.teksta and comments. EAT. Gushanskoy, I.S. Kuzmicheva. Moscow: Zakharov, 2012. 960 p.
2. Ginzburg L.Ya. About psychological prose. Leningrad: "Fiction", (Leningrad branch), 1977. 450 p.
3. Diary of Al. Chekhov. Chekhov M.A. F 2316 op.2, ed.kh. 35. RGALI, Moscow.
4. Zyкова E.P. Literary life and literary mores of England in the XVIII century: the art of living in the mirror of letters, diaries, memoirs. Moscow: IMLI RAS, 2013. 232 p.
5. Surovtseva EV A new book on the English literary life // Historical expertise, No. 1, 2015. P. 33-36.
6. Chekhov A.P. Complete works and letters in 30 tons. Letters in twelve volumes. Moscow: Nauka, 1974-83. T.1.
7. Chekhov A.P. The electronic resource <http://chegov.niv.ru> (circulation date: 6.11.17).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 811.161.1

*ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия
имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А.
Гагарина» (г. Воронеж)
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры
русского языка
Буркова С.С.
Россия, г. Воронеж, +7 908 139 65 52
e-mail: svet-lana-burkova@mail.ru*

*VUNTS VVS «Air Force Academy named
after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A.
Gagarin» (Voronezh)
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Burkova S.S.
Russia, Voronezh, +7 908 139 65 52
e-mail: svet-lana-burkova@mail.ru*

С.С. Буркова

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются особенности речевого поведения в рамках социолингвистического подхода, одним из значимых понятий которого является гендерлект – обусловленная полом вариативность языка. Социолингвистика считает пол социально-демографическим признаком, определяющим вариативность языка наряду с профессией, возрастом, социальным происхождением. Гендер принципиально отличается от биологического пола или грамматического рода. Он не задаётся природой, а конструируется обществом.

Цель исследования – определить, в какой степени проявляются в устной (разговорной) и письменной речи носителей языка языковые особенности, обусловленные гендером.

Предметом исследования являются языковые различия мужского и женского речевого поведения. Анализ различий проводится на материале разговорной речи и опубликованных в интернете текстов. В ходе исследования анализируются лексические и грамматические особенности, позволяющие говорить о женском и мужском стилях общения. При изучении различий письменной речи уделяется внимание выбору темы сообщения, образам героев, языковому оформлению материала: лексике, синтаксису текста, образным средствам выразительности – тропам и фигурам.

В заключение делаются выводы о том, что устные и письменные высказывания мужчин и женщин, особенности построения текста свидетельствуют о существовании гендерных различий речевого поведения, требующего более детального и глубокого рассмотрения.

Материалы и результаты исследования гендерных различий речевого поведения и принципов построения текста могут найти применение в гендерной лингвистике, социологии и социолингвистике, а также психологии. В лингвокультурологии материалы могут использоваться при исследовании особенностей отражения русским языком культурных концептов «мужественность» и «женственность».

Ключевые слова: речевое поведение, гендер, гендерлект, вариативность языка, гендерные различия речевого поведения, стиль, стиль общения.

S.S. Burkova

SPEECH BEHAVIOR AND PRINCIPLES OF ORGANIZING TEXT IN THE GENDER ASPECT

The article deals with the peculiarities of speech behavior within the framework of the sociolinguistics approach, one of the significant notions of which is the genderlect, gender-related variability of the language.

Sociolinguistics regards sex as a socio-demographic feature that determines the variability of language along with the profession, age and social origin. Gender is fundamentally different from the biological sex or grammatical gender. It is not set by nature, but is constructed by society.

The purpose of the study is to determine how conditioned by gender language features are manifested in the oral and written speech of the native speakers.

The subjects of study are the linguistic differences between male and female verbal behavior. The analysis of differences is carried out on the basis of spoken language and published texts on the Internet. In the course of the study lexical and grammatical features are analyzed that allow talking about the female and male styles of communication. When studying the differences in written speech attention is paid to the choice of the subject of the message, the images of the characters, the language design of the material: vocabulary, text syntax, figurative means of expression - trails and figures.

The conclusions drawn are that oral and written statements of men and women, peculiarities of text construction, testify to the existence of gender differences in speech behavior, which requires more detailed consideration.

The materials and results of the study of gender differences in verbal behavior and text design principles can be applied in gender linguistics, sociology and sociolinguistics, psychology. In lingvoculturology materials can be used to study the features of the reflection of the Russian language cultural concepts «masculinity» and «femininity».

Key words: speech behavior, gender, genderlect, variability of the language, the gender differences of the speech behavior, style, style of communication.

Современные исследования речевого поведения проводятся в рамках социолингвистики, где пол является одним из социально-демографических признаков, определяющих вариативность языка наряду с профессией, возрастом, социальным происхождением.

Именно из социолингвистики был взят термин гендерлект, который обозначает обусловленную полом вариативность языка. Гендер принципиально отличается от биологического пола или грамматического рода. Он не задаётся природой, а конструируется обществом.

Какими же видит общество женский и мужской гендерлекты? Каковы различия между мужским и женским стилями речи?

Мужчины более категоричны. Мужские предложения, как правило, короче женских. Женская речь включает в себя большое количество оценочной лексики. Женщины склонны к усилению положительной оценки, мужчины же довольно часто используют отрицательную, они гораздо чаще употребляют сленговые слова и выражения.

К типичным чертам женской речи относится преувеличенная экспрессивность. Женская речь гораздо более эмоциональна по отношению к партнеру. Это выражается в частом употреблении междометий, метафор, сравнений, эпитетов, уменьшительно-ласкательных форм слов. У женщин более вежливый характер реплик, хотя и более напористое речевое поведение, женщины более склонны к высказыванию требований, преподносимых в виде просьб.

Женская речь более консервативна (неслучайно диалектологи стремятся наблюдать именно речь женщин). Мужчины восприимчивее к новому в языке: в их речи больше неологизмов и терминов.

Женщины более осторожны в предложениях, утверждениях, требованиях. Так, они используют модификаторы: «я не уверена», «возможно, что». Утверждения часто остаются неуточненными: например, частотны предложения со словами «пожалуй», «что-то», «приблизительно».

Помимо лексических и грамматических особенностей, позволяющих говорить о мужском и женском стилях общения, существуют языковые отличия на более высоком уровне – текстовом. Мужчины и женщины по-разному строят высказывания. Тематика текста, его проблематика и средства выразительности, синтаксическое построение предложений, лексика могут свидетельствовать о гендерных различиях. Для того чтобы подтвердить это, приведём две истории – историю, рассказанную мужчиной, и историю, рассказанную женщиной. Первая написана Алексеем Беляковым, вторая принадлежит Елене Гладских.

История, рассказанная мужчиной, называется «Мужчины разучились молчать. Совсем».

«Давно было дело. Приехал я в гости к другу. Сидим на кухне, культурно беседуем. Возникает его жена. Начинает кричать. Не то чтобы по делу, а просто так, настроение дурное. Минутка вздорности. Это ей не нравится, и вот этим она недовольна. Я бы давно взбесился и рявкнул в ответ. А друг сидит, курит, молчит. Жена кричит. Друг молчит. «Ты меня слышишь?» - возмущается жена. Друг кивает. Но молчит. Жене надоело, ушла прочь. Друг спрашивает: «Так о чем мы говорили? О Борхесе?» И продолжает разговор, как ни в чём не бывало.

Минут через двадцать жена возвращается. Улыбается: «Можно с вами посижу?» Присела. Будто подменили. И дальше мы весело болтаем втроем.

В тот момент я, сам еще неженатый, оценил великую силу мужского молчания. Ведь чем такие сюжеты обычно заканчиваются? Жена кричит, муж грубит в ответ. Жена ещё пуще заводится. Муж тоже раскручивается на плодотворный диалог. Скандал, семья на грани распада.

Уметь молчать – главная мужская добродетель. Многие почему-то уверены, что ровно наоборот: мужчина должен быть велеречив, соловьем разливаться. Но это глупость, шелуха цивилизации, мусор эпохи».

Главное действующее лицо – сам рассказчик или рассказчик совместно с друзьями. В центре повествования – конфликты между людьми: столкновения мировоззрений, жизненных позиций. Чаще всего конфликт носит идеологический или принципиальный характер.

Как правило, из любой сложной ситуации мужчина-рассказчик (один или же совместно с друзьями, если они действовали «заодно») выходит победителем. Завершение истории содержит результаты личного опыта, мораль. Замечания рассказчика склонны переходить в обобщения.

Мужские истории редко содержат бытовые подробности, детали, если они не оказывают существенного влияния на ход событий. Рассказчик редко говорит о своих личных проблемах, неохотно – о чувствах, почти никогда – о страхах и сомнениях.

С точки зрения языковых средств. Склонность к «небрежному» стилю изложения событий. Иногда создаётся впечатление, что рассказчик не собирался говорить, но

решил высказаться, раз этого требуют слушатели или ситуация. Небрежность стиля, предельная лаконичность достигается за счёт использования инверсии (было дело, приехал я), односоставных (сидим, беседуем, начинает кричать, минутка вздорности) и нераспространённых предложений, парцелляции (Возникает его жена. Начинает кричать. Не то чтобы по делу, а просто так).

Лексическая сторона текста также создаёт впечатление небрежности, достигающейся путём сочетания разговорной (рявкнул, пуще заводится, раскручивается) и книжной лексики (плодотворный диалог, на грани распада, добродетель, велеречив). Кроме того, лексический облик текста указывает на ироничное отношение к ситуации.

Весомость выводов автора также подчёркивается использованием выразительно-образительных средств языка – устойчивых выражений (соловьем разливаться) и градации (глупость, шелуха, мусор).

Истории, которые рассказывают женщины, отличаются. Иным будет выбор темы, расстановка акцентов, используемые средства выразительности.

В качестве примера – история Елены Гладских под названием «Двойки и любовь»: как быть учителем».

«Вчера первый раз не пожалела, что пришла на родительское собрание.

Начиналось всё как обычно: «следите, чтобы у девочек волосы были собраны в хвост», «скоро сдавать ЕГЭ», «наш лицей попал в ТОП-10, и мы должны соответствовать...» Но тут неожиданным солнцем в пасмурный день появилась пожилая учительница математики. Учебник алгебры в ее руках был обёрнут в яркую рыжую собаку, а геометрия – в персикового кота.

– Дорогие родители, – сказала она. – Я очень хочу научить ваших детей математике, но без вашей помощи не обойтись. Дети должны приходить ко мне сытые, выпавшиеся и в хорошем настроении, иначе мне не с кем будет шагать в науку.

Родители перестали зевать.

– Вот, к примеру, Дмитрий Сергеевич, – продолжала эта чудесная женщина, – списал из интернета решение задачи, которую я не задавала. Я говорю ему: Вы меня очень огорчили, лапочка. Неужели Вы полагаете, что Ваш учитель из Страны Лопухов? Будьте любезны, к следующему уроку сдать мне эту работу. Он сдал. Я и вам хочу сказать. Если сегодня ребенок Вас опечалил, не надо его за это прессовать. Иначе на следующий день он придёт ко мне без настроения. Говорите с ним душевно.

Папа Дмитрия Сергеевича робко спросил:

– Скажите, а слово «печально» в тетради – это значит «двойка»?

– «Печально» – это значит печально. Но это только сегодня. Завтра всё уже может быть радостно.

– Знаете, – сказала чья-то растроганная мама, – у моего сына двойка по геометрии, но он Вас обожает.

Родители закивали, а я достала носовой платок.

Если бы все учителя были такие, я бы ходила на каждое собрание. Завтра испеку ей торт».

Героиня данной истории не является непосредственным участником событий. Скорее, она играет роль наблюдателя, рассказывающего о происходящем. Для женских историй вообще характерно наличие большого числа персонажей, описание их позиций, поведения. Рассказчик не ограничивается пересказом ситуации, а пытается проникнуть во внутренний мир действующих лиц, дать комментарии.

В отличие от мужской женская история содержит много подробностей и деталей: начиная с перечисления вопросов, обсуждавшихся на родительском собрании, и заканчивая описанием обложек, в которые были обернуты книги учительницы математики. О внимательном отношении к мыслям и чувствам героев истории, стремлении пересказать их в максимальном объёме и с минимальными искажениями свидетельствует использование прямой речи. Сложные предложения, предложения с однородными членами создают впечатление плавности, размеренности повествования. Особенно в сравнении с короткими, вескими фразами мужской истории.

Рассказчика интересуют чувства героев. Это подтверждается использованием оценочной лексики (лапочка), оценочных образных средств (метафора «солнцем в пасмурный день»), слов и словосочетаний, передающих эмоциональное состояние человека (огорчили, опечалил, робко спросил, печально, душевно, без настроения, растроганная, обожает, достала носовой платок).

Повествование заканчивается фразой: «Завтра испеку ей торт». Автор не оценивает ситуацию прямо, вербально, не стремится убедить читателя. Однако заключительные слова истории становятся полноценным итогом, позволяющим понять отношение рассказчика к происходящему, его эмоциональное состояние и даже жизненную позицию.

В заключение хотелось бы отметить, что проделанный нами анализ, наши утверждения и выводы не претендуют на полноту и не являются исчерпывающими, они лишь свидетельствуют о наличии гендерных различий речевого поведения, требующих дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. О чём и как говорят мужчины и женщины // Русская речь, 1998. № 1. С. 47–51.
2. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации М., 2005. 224 с.
3. Стернин И.А. Общение с мужчинами, женщинами, в семье. Воронеж, 1999. 200 с.
4. Формановская Н.И. О речевом этикете // Русская словесность. 2001. № 4. С. 63–66.

References

1. Zemskaya E.A, Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. About what and how men and women speak // Russian speech, 1998. № 1. P. 47–51.
2. Kreidlin G.E. Men and women in non-verbal communication. M., 2005. 224 p.
3. Sternin I.A. Communication with men, women, in the family. Voronezh, 1999. 200 p.
4. Formanovskaya N.I. About the speech etiquette // Russian literature. 2001. №4. P. 63–66.

УДК 811.161.1-28

Санкт-Петербургский государственный университет
канд. пед. наук, ст. преп. кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук
Румянцева Е.В.
Россия, г. Санкт-Петербург, +7(911)1648837
e-mail: e.rumyantseva@spbu.ru

St Petersburg State University
The department of theory and methodology of teaching Arts and Humanities
PhD, senior lecturer
Rumyantseva E.V.
Russia, St. Petersburg, +7(911)1648837
e-mail: e.rumyantseva@spbu.ru

Е.В. Румянцева

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ
АМЕРИКАНСКИХ УЧАЩИХСЯ
РУССКОМУ КОММУНИКАТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ
В СИТУАЦИИ ПРОСЬБЫ**

В статье рассматриваются результаты исследования, проведённого с целью определения уровня адекватности понимания и использования американскими учащимися высказываний со значением просьбы. Просьба представляет собой особо значимый для говорящего речевой акт, успешная реализация которого зависит от точного выбора языковой формы и сопряжена с владением говорящим нормами русского коммуникативного поведения. Результаты исследования позволяют констатировать, что в русском языке функционирование многих выражений со значением просьбы ограничено определённым коммуникативным контекстом. За некоторыми выражениями традиционно закрепились различные коннотативные оттенки значения, они воспринимаются носителями русского языка как обладающие различной степенью вежливости. Это представляет собой значительную сложность для иностранных студентов, так как при продуцировании просьб они пользуются нормами вежливого общения, принятого в их родном коммуникативном поведении. Ввиду разнообразия в русской коммуникации фраз со значением просьбы представляется целесообразным определить те, которые представляют особую трудность для иностранных студентов. Таким образом, на основе результатов исследования выявляются возможные зоны межкультурной интерференции, возникающей при смысловом декодировании просьб иностранными учащимися, а также определяется репертуар речевых ходов, который должен стать предметом особого внимания на занятиях по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; лингвокультурология, коммуникативное поведение, речеповеденческая тактика, просьба, коннотативное значение.

E.V. Rumyantseva

**TEACHING RUSSIAN REQUEST STRATEGIES TO AMERICAN STUDENTS:
CULTURAL ASPECT**

The article is devoted to the description of the results of the research carried out in order to define the ability of American students to understand and use correctly different phrases for request in Russian communication. Request is a speech act which is very important for speakers. Its success depends on the precise choice of a phrase and it is closely connected with speaker's knowledge of norms of communicative behavior. The results of the research demonstrated that functioning of many phrases expressing request in Russian language is restricted

by certain communicative contexts. Some phrases possess certain shades of meanings and are perceived to express different level of politeness. This is of great difficulty for foreign students since in Russian communication they use standards of polite behavior typical for their native culture. Hence there are plenty of phrases that could be used in requests in Russian language there is a need to define the usage of which phrases are the most difficult for foreign students. Thus, basing on the results of research the most probable spheres of crosscultural interference are highlighted and phrases for expressing request especially difficult to foreign students during Russian language acquisition are defined.

Key words: Russian as a foreign language, cultural linguistics, communicative behavior, speech act, request, connotative meaning.

В настоящее время внимание лингвистов и методистов фокусируется на лингвокультурологическом аспекте преподавания русского языка как иностранного. Актуальным и методически значимым является выявление на основе сравнительно-сопоставительного метода сходства и различия между коммуникативным поведением в различных ситуациях общения на родном и изучаемом языках. На первый план выходит обучение социокультурной компетенции. Признётся, что коммуникативная компетенция является сформированной не в том случае, если учащиеся могут выразить определённую интенцию одним способом, но тогда, когда учащиеся владеют целым репертуаром языковых средств выражения интенции, а также обладают знаниями об оттенках значения, уместности и степени вежливости этих средств в том или ином коммуникативном контексте. С этой точки зрения коммуникативную компетенцию можно определить как способность инофона выбрать из существующего инвентаря языковые средства, наиболее пригодные для выражения интенции в определённом коммуникативном контексте.

Подобное понимание коммуникативной компетенции обуславливает актуальность использования в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) концепции речеповеденческих тактик [2]. Представляется, что обращение к такой единице описания языкового материала, как "речеповеденческая тактика" позволяет комплексно подойти к проблеме структурирования возможных средств выражения определённой интенции, а именно классифицировать различные языковые ходы по уместности их использования в том или ином коммуникативном контексте, выявить их возможные коннотативные оттенки значения, эксплицировать культуромаркированную специфику речевого поведения носителей языка при их использовании и др.

В качестве примера структурирования языкового материала с помощью концепции речеповеденческих тактик были выбраны языковые средства, эксплицирующие просьбу. Выбор материала исследования обусловлен несколькими факторами. Во-первых, просьба является очень распространённой в русском общении [1]. По этой причине русский язык обладает огромным репертуаром способов выражения просьбы в различных коммуникативных ситуациях. Существование такого обширного материала требует особой работы с ним: упорядочения и классификации. Далее, данный речевой акт тесно связан с такой национально-культурной категорией как вежливость. У каждого говорящего существует понятие о том, что, чтобы высказывание достигло своей цели и оказало желаемое воздействие на адресата, просьба должна быть оформлена вежливо. Однако само наполнение понятия *вежливость* в разных культурах, а также способы выражения вежливости в разных языках отличаются друг от друга. Такие различия часто становятся причиной коммуникативных неудач и формирования культурных

стереотипов. Таким образом, изучение речеповеденческой тактики *просьба* соответствует потребностям иностранных студентов и может их фасилитировать коммуникацию на русском языке.

Для создания классификации выражений со значением *просьба* нами было проведено исследование, в ходе которого из различных текстовых источников был отобран корпус речений со значением просьбы, а затем на основе анализа коммуникативных условий их использования были сформулированы основные закономерности функционирования языковых средств реализации речеповеденческой тактики *просьба* в русской коммуникации (см. подробнее об этом [3]). Однако неясным остаётся вопрос, какие именно высказывания, эксплицирующие просьбу вследствие межкультурной интерференции или каких-либо других факторов представляют особую трудность для инофонов. С целью выявления конструкций со значением просьбы, представляющих собой особую трудность для иностранных студентов, изучающих русский язык на продвинутом уровне и проживающих в России, нами было проведено специальное исследование.

Экспериментальное исследование было проведено в группах американских студентов (15 человек), изучающих русский язык в Санкт-Петербургском государственном университете весной-осенью 2017 года.

Критериями отбора материала для эксперимента стала частотность их использования в речи (см. об этом [3]), а также их лингвокультурологическая ценность для экспликации особенностей русской коммуникации в ситуации просьбы.

Материалы эксперимента включали в себя два задания. Целью первого задания являлось определение степени сформированности навыков употребления соответствующих выражений в различных ситуациях общения. Так, студентам предлагалось самостоятельно продуцировать реплики-просьбы, уместные в обозначенных коммуникативных контекстах. Ситуации включали в себя как требующие выражения максимально вежливой просьбы, так и подразумевающие настойчивую просьбу. При оценке ответов учитывалась как вариативность использования выражений со значением просьбы, так и уместность их употребления в зависимости от статусной и социальной дистанции коммуникантов, а так же от маркированности просьбы по степени трудоёмкости выполнения. Особый интерес представляло выбор студентами выражений для передачи дополнительных оттенков просьбы (требования, мольбы и др.). Результаты выполнения задания № 1 представлены в таблице.

Таблица

Результаты выполнения задания № 1

Задание	Речевые ходы, использованные студентами (в скобках указана частотность употребления):
1. Попросите Вашего знакомого помочь Вам с домашним заданием по русскому языку.	<i>Императив + пожалуйста</i> (4); <i>Можешь (можете) + инфинитив?</i> (6), <i>Императив</i> (3), <i>помог бы ты мне с домашним заданием</i> (2)
2. Попросите Вашего друга сдать за Вас	<i>Можешь + инфинитив?</i> (6); <i>Императив + пожалуйста</i> (4); <i>Императив</i> (3); <i>Будь добр + императив</i> (1); <i>Если</i>

<i>книгу в библиотеку, так как Вы уезжаете.</i>	<i>возможно + императив (1).</i>
<i>3. Обратитесь с просьбой к Вашему преподавателю принести Вам книгу для диплома.</i>	<i>Можете + инфинитив? (5); Императив + пожалуйста (5); Могли бы Вы + инфинитив? (1); Я попросила бы вас + инфинитив (2); Вам можно + инфинитив (1); Не могли бы Вы + инфинитив (1).</i>
<i>4. Попросите прохожего на улице показать, дорогу в музей.</i>	<i>Императив + пожалуйста (10); Как пройти в музей? (3); Можно + инфинитив (1); Будьте добры + императив (1).</i>
<i>5. Попросите Вашего знакомого вернуть Вам 1000 рублей, которые Вы дали ему год назад.</i>	<i>Императив + пожалуйста (9); Императив (5); Будьте добры + императив (1).</i>
<i>6. Попросите незнакомых людей не шуметь ночью под Вашими окнами.</i>	<i>Императив + пожалуйста (8); Можете + инфинитив (3); Императив (3); Вам не трудно не + инфинитив (1).</i>
<i>7. Попросите Вашего друга дать Вам ручку на пять минут.</i>	<i>Императив (6); Императив + пожалуйста (5); Мог бы ты + инфинитив (2); Будь добр + императив (2).</i>

Полученные результаты говорят о недостаточной степени сформированности у инофонов навыков вариативного использования конструкций со значением просьбы. Так, переоценёнными оказались высказывания с императивной формой глагола (как с показателем вежливости *пожалуйста*, так и без него), а также использование модели *Можешь (можете) + инфинитив? Не мог бы ты + инфинитив?* Например, именно императивные конструкции были выбраны большинством студентов в ситуации № 3 (просьба к преподавателю принести книгу для дипломной работы). Однако наличие асимметричных отношений между студентом и преподавателем и маркированность просьбы по степени трудоёмкости требует выбора выражений, передающих особенно вежливую просьбу, между тем как использование императивных конструкций в официальной коммуникации является способом оформления просьбы, нейтральной по уровню вежливости (см. об этом [3]). В данной ситуации встречалось также и использование такой конструкции, как *я попросил бы вас + инфинитив* (2 работы). Очевидно, используя эту конструкцию, студенты пытались повысить степень вежливости просьбы при помощи использования стратегий негативной вежливости (см. об этом [4]). Однако в русской коммуникации использование данной конструкции, напротив, снижает вежливость просьбы и придаёт ей оттенок требования. Таким образом, её использование при просьбе к вышестоящему лицу может привести к коммуникативной неудаче.

Стоит отметить, что похожая конструкция использовалась некоторыми студентами и в ситуации № 1 (просьба к знакомому помочь с домашним заданием по русскому языку). Также в двух работах студентами в этой ситуации был использован глагол в сослагательном наклонении: *помогал ты бы мне с домашним заданием*. Между тем, в соответствии с результатами проведённого нами исследования подобная конструкция

придаёт просьбе оттенок упрека и не может быть использована при экспликации вежливой просьбы.

Практически во всех предложенных ситуациях студентами использовались высказывания, составленные по модели *Можешь (можете) + инфинитив?*, что, возможно, можно объяснить ее корреляцией с английской моделью продуцирования просьбы *Can you + infinitive?* Данная модель является наиболее распространенной формой выражения просьбы в английском языке во всех коммуникативных контекстах. Однако в русском языке функционирование этого способа выражения просьбы преимущественно ограничено неформальным общением, а при его использовании в официальной асимметричной ситуации общения при выражении вежливой просьбы требует употребление глагола *мочь* в сослагательном наклонении и/или с отрицательной частицей *не* (*Не могли бы Вы + инфинитив? Вы могли бы + инфинитив?*). Таким образом, использование модели *Можете + инфинитив?* в ситуации № 3 не является нормативным для русской коммуникации.

Отдельно отметим тот факт, что при выполнении первого задания студенты почти не употребляли перформативные высказывания. Крайне редки были просьбы, оформленные по модели типа *У тебя нет ручки?*, которые были бы предпочтительны в ситуации № 7 (при просьбе другу дать ручку на 5 минут). Кроме того, студентами не всегда корректно были использованы высказывания, содержащие фразу «*будь добр*». При анализе функционирования данного способа выражения просьбы нами было отмечено, что при использовании в сфере неформального общения между людьми с близкой социальной дистанцией (родственников, друзей) высказывания с фразами «*будь добр*», «*будь любезен*» придают просьбе оттенок категоричности, требования, иногда сарказма (см. об этом [3]). Однако студентами использовались данные выражения в ситуациях, предполагающих маркированную и немаркированную просьбу другу : «*Будь добр, сдай за меня книгу в библиотеку*» (ситуация № 2); «*Будь добр, дай меня ручку на пять минут*» (ситуация № 7). Очевидно, с помощью этих выражений студенты по аналогии с использованием данных фраз в сфере "вы"-общения пытались придать просьбам повышенную вежливость.

В задании № 2 испытуемым предлагалось выбрать речевой ход с уместным в заданной ситуации оттенком значения. Целью задания было определение степени сформированности у испытуемых умений различать коннотации различных высказываний, а также определять, какие выражения являются уместными в различных ситуациях общения.

Количество неправильных ответов (65%) показывает, что определение оттенков просьб, выраженных различными конструкциями представляет собой особую трудность для иностранных студентов. Так, студенты не смогли определить наличие у высказывания «*Будь другом, сделай это для меня*» оттенка мольбы при передаче маркированной просьбы, существования оттенка требования у фраз, типа «*Я попросила бы здесь не шуметь*», «*Я прошу вернуть мне мою книгу*», а также оттенка упрека у высказывания «*Вы бы хоть подвинулись*». Возможно, при интерпретации данных выражений студентами использовались в качестве основы закономерностей американского коммуникативного поведения, в котором оттенок требования, категоричности придаётся просьбе с помощью применения императивных высказываний без актуализаторов вежливости. Связи с этим, именно высказывания типа «*Не шумите здесь*» определялись студентами, как обладающие сниженным уровнем вежливости. В то время, как такие

просьбы, как «*Я попросила бы Вас здесь не шуметь*», «*Валерий Иванович, передали бы Вы мне вон ту папку*» воспринимались ими как очень вежливые.

Таким образом, на основе результатов проведённого исследования можно сделать вывод о наличии сильной межкультурной интерференции, возникающей при восприятии и использовании фраз со значением просьбы инофонами. При смысловом декодировании просьб испытуемые в основном опирались на правила конструирования вежливой просьбы, принятые в американской коммуникации (использование стратегий негативной вежливости). Особенности русского коммуникативного поведения (использование императивных форм для выражения просьбы, нейтральной по уровню вежливости, использование подчеркнуто официальных форм при выражении сниженно-вежливой просьбы и др.) оказались неучтенными. Особую трудность у студентов вызвало восприятие и использование речений, обладающих дополнительными оттенками значения (мольбы, упрёка, требования и др.). Представляется, что данные факторы должны учтены при методической интерпретации данной темы на занятиях по РКИ.

Библиографический список

1. Американское коммуникативное поведение // Под ред. И.А.Стернина, М.А.Стерниной. Воронеж: ВГТУ, 2001. 224 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М.: ИПО «Лев Толстой», 1999. 85 с.
3. Румянцева Е.В. Функционирование высказываний со значением просьбы в русском языке. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9(27), т. 2. Тамбов: Грамота, 2013. С.169–172.
4. Brown P, Levinson D. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

References

1. American communicative behavior // ed. by I.A. Sternin, M.A. Sternina. Voronezh, 2001. 224 p.
2. Vereschagin E.M., Kostomarov V.G. In search of new ways of development of linguistics and area studies: the concept of speech-behavioral tactics. M., 1999. 85 p.
3. Rumyantseva E.V. The functioning of utterances with the meaning of request in Russian language. // Philological science. Issues of theory and practice, 9(27), v. 2. Tambov, 2013. P.169–172.
4. Brown P, Levinson D. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.133.1' 373.46

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преп. кафедры романо-германской фило-
логии
Токмачёва М.А*

*Lugansk Taras Shevchenko National Univer-
sity
lecturer of the Department of Romano- Ger-
manic philology
Tokmacheva M. A.*

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
студентка 4 курса специальности фран-
цузский / английский язык и литература
Кормильченко Ю.Э.
г. Луганск, +38099937533
e-mail: kormilchenkoy@mail.ru*

*Lugansk Taras Shevchenko National Univer-
sity
fourth year student of speciality French /
English and literature
Kormilchenko Ju. E.
Lugansk, +380999375343
e-mail: kormilchenkoy@mail.ru*

М.А. Токмачева, Ю.Э. Кормильченко

ОСОБЕННОСТИ ОЛЬФАКТОРНОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ АРОМАТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье изучается проблема изучения лексики, используемой в парфюмерной продукции Франции, а также рассматривается сам перцептивный концепт «запах» и ольфакторная лексика в рекламе парфюмерной продукции. Исследуются языковые средства представления запаха в современном французском языке и способы передачи информации о запахе в рекламе. В данной статье упоминаются примеры из рекламы известной парфюмерной продукции, а также сами парфюмеры, которые выражают свою точку зрения об аромате. Кроме того, выявляются особенные семантические сферы, с помощью которых можно более точно представлять запах. Рассказывается, почему ольфакторная лексика довольно скудна и почему ее изучение актуально в наши дни, упоминаются одни из самых известных ученых, которые занимаются данной областью восприятия. В статье также затрагивается структура под названием «ольфакторная сцена», которая используется при представлении запаха во французском языке и перечисляются все элементы данного понятия. Показывается роль речи в рекламе и то, как реклама может влиять на человека и как сам человека понимает феномен «запах». Довольно глубоко изучаются парфюмерные композиции, а именно их состав, чтобы иметь большее представление о том, какая лексика подходит для описания аромата, а также, чтобы видеть связь между рекламой и самим ароматом. В статье также показывается, чем отличается искусственно созданный запах от естественного и в чем сложность описания запаха такого типа, и кроме этого, дается понятие «многосоставного аромата».

Ключевые слова: ольфакторная лексика, запах, парфюмерная продукция.

М.А. Tokmacheva, Ju.E.Kormilchenko

SPECIAL ASPECTS OF OLFACTORY DICTIONARY OF EXPRESSION OF SMELL IN FRENCH

The article studies the problem of learning the vocabulary which is used in perfume industry of France

and also this article considers cognitive concept which is called «smell» and olfactory vocabulary in the advertising of perfume production. Linguistic means of presentation of smell in modern French language and ways of transmission of information about smell in the advertising are studied. In this article are mentioned examples of advertising of famous perfume production, additionally to this perfumers who express their own opinion about the fragrance are mentioned. Besides special semantic spheres are discovered with the help of which we can imagine the aroma more exactly. This article tells us why olfactory vocabulary is so poor and why studying it is very important nowadays, the most famous scientists who work at this sphere of perception are mentioned. The term «olfactory scene» which is used for presenting the fragrance in French is explained and all elements of this term are listed out. The role of speech in advertising and the influence on a person are also explained here; moreover we can know more how person can understand a phenomenon «smell». Perfume compositions are studied profoundly; in particular their speciation to know better what vocabulary is good for describing the aroma, and also to see connection between advertising and fragrance. This article also shows the difference between natural and artificially made smell and it explains the difficulty of smell of such type, besides it gives a term of «compounded smell».

Key words: olfactory dictionary, smell, perfume production.

В последние годы растет количество исследований, посвященных такому явлению, как обоняние. Зарубежные и отечественные ученые очень тщательно занимаются лингвистическими исследованиями ольфакторной сферы восприятия. В своих работах они исследуют ольфакторную лексику в разных языках, связь запаха с культурой, классификацию слов, определяющих запах, многообразие слов, с помощью которых можно выражать запах, и т.д.

В последнее время лингвистическими исследованиями ольфакторной области восприятия занимались такие ученые, как Е.В. Гейко, О.Н. Григорьева, А.А. Колупаева, Н.А. Николина, Н.С. Павлова, И.Г. Рузин, S. David, D. Dubois, C. Rouby, B. Schaal и многие другие.

Актуальность данного исследования обусловлена стремительным развитием парфюмерного бизнеса в современном мире: ежегодно появляются десятки новых парфюмерных брендов, используются новые ароматические составы и ингредиенты, развивается такое креативное направление, как «нишевая парфюмерия», претендующая на право называться парфюмерным искусством. Все это порождает необходимость изучения наименований новых реалий, связанных с креативным пространством ароматной индустрии.

Цель данного исследования – ознакомиться с имеющимися во французском языке лексическими и семантико-синтаксическими средствами названия запаха, а также изучить новую лексику, которая может быть использована в парфюмерном маркетинге Франции.

Необычайно чувственная природа запаха практически не позволяет передавать его с помощью средств языка. «Существует великое множество запахов, хотя у нас есть для них всего лишь несколько названий: сладкий, зловонный, кислый, приторный и затхлый – вот почти все наименования запахов; но хотя мы говорим одинаково, что фиалка и мускус сладко пахнут, однако запах их совершенно различен. Для многих запахов препятствием является обыкновенный лист бумаги» [5; с. 100].

Во французском языке чаще всего запах можно выразить с помощью существительного **odeur**. Для обозначения запаха в языке применяются не только имена существительные, но также прилагательные и глаголы [3; с. 121].

Тем не менее, несмотря на бедность лексики в данной сфере, в современном французском языке существуют определенные способы обозначения запаха, которые компенсируют ее скудность:

1) аффиксальные словообразования из разных частей речи. В данной сфере существительное **odeur** имеет наибольшее количество производных слов: *odeur – odorer – odorant – odorifer – déodorant – désodorisant – inodore*;

2) многозначные глагольные лексемы (например, глагол *sentir* может обозначать ситуацию восприятия запаха не только с позиции объекта, но также и с позиции субъекта, то есть носителя действия) [2; с. 98].

Кроме этого, существует понятие «ольфакторная сцена», это такая структура, которая используется при изучении языковых средств презентации запаха во французском языке. В смысле именных, прилагательных и глагольных единиц нашли свою объективацию следующие элементы ольфакторной сцены:

1) существительные, которые выражают запах – *arôme, bouquet, effluve, émanation, exhalaison, fétidité, fragrance, fumet, infection, miasme, mofette, odeur, parfum, pestilence, puanteur, relent, remugle, senteur, vapeur*.

2) глаголы *exhaler, s'exhaler de qch, frapper l'odorat, sentir une odeur, sentir qch* описывают основные действия участников ольфакторной сцены.

3) относительные прилагательные, ольфакторные прилагательные характеризуют участников ольфакторной сцены [4; с. 6–8].

В качестве материалов исследования в данной статье используются тексты, рекламирующие парфюмерную продукцию, рекламные слоганы и названия самой продукции. Искусственно созданный запах отличается своей многосоставностью, которая обозначается следующим образом:

1) перечисление ольфакторных источников – ингредиентов рекламируемого аромата: «*framboise, ananas, et melon poudré de violette et d'iris*» – «*forever*» (*patou*);

2) для описания состава компонентов рекламируемого запаха используются ольфакторные словосочетания: «*...son parfum de mandarine et de citron vous habillera de gaieté*» «*Mandarine*» (*Yves Rocher*), обозначающих смысловые характеристики запаха; похожие функции выполняют и относительные прилагательные в качестве зависимого члена: «*...cette eau de toilette où se mélangent des senteurs citronnées, aromatiques et boisées...*» – «*Brisants*» (*Yves Rocher*).

Стоит заметить, что для выражения запаха во французском языке используется не только ольфакторная лексика. В парфюмерной продукции можно встретить описание аромата с использованием лексики из других сфер: музыки (*une puissante symphonie* – могущественная симфония, *une note* – нота, *un accord* – аккорд), живописи (*une nuance* – оттенок), икебана (*un bouquet de senteurs* – ароматный букет), кулинарии (*un menu savoureux* – вкусное меню).

Чтобы выразить источник рекламируемого аромата, парфюмеры часто прибегают к сложным словам, которые образуются путем слияния двух и более слов.

Важно также упомянуть метафору, которая получила свое распространение в рекламе парфюмерных изделий для описания искусственно созданного запаха.

Речь в рекламе духов оказывает на потребителя колоссальное воздействие, поэтому ученые с интересом изучают этот вопрос. Именно речевое влияние может помочь понять, как именно человек понимает феномен «запах». В рекламном тексте можно встретить множество способов номинации ольфакторного явления. Исследование языковых средств в рекламных лозунгах и текстах показывает, что запах может соотноситься с двумя видами понятий: чувственно-психическими и чувственно-физиологическими, которые являются ценностными ориентирами для покупателей парфюмерной продукции. Наиболее важными понятиями первой группы являются

«любовь», «красота», «жизненная энергия». В качестве ценностных ориентиров чувственно физиологической сферы выступают «гигиена» и «хорошее физическое самочувствие».

Существует понятие «многосоставный аромат», которое обозначает четкую композицию, отражающую иерархическую связь между ее составляющими. Так, в составе парфюмерной композиции вводятся «родовые – видовые» и «фоновые – выделенные» компоненты. Описание духов может базироваться как на одном из этих структурных отношений, так и на обоих отношениях сразу. Например, «Retrouvez dans cette eau de toilette toute la fraîcheur vivifiante des agrumes (citron, mandarine) jaillissant d'une écume aux senteurs épicées (muscade, coriandre) et boisées (santal, mousse de chaîne)» – «Trimaran» (Yves Rocher).

В данном слогане при описании одеколона «Trimaran» выделено три родовых названия (agrumes, épicées, boisées), в состав каждого из которых входят видовые компоненты. Для запаха цитрусовых это лимон и мандарин (citron, mandarine), для пряного – мускатный орех и кориандр (muscade, coriandre), для лесного запаха выделен сандал и дубовый мох (santal, mousse de chaîne). Базовым запахом всей композиции является запах пряностей (épicées) и леса (boisées). На их фоне выделяется запах цитрусовых (agrumes), который является наиболее важной и заметной частью всей ольфакторной гаммы. Характерная черта рекламы парфюмерии заключается в том, что она рассчитана на определенный тип восприятия.

Стоит также добавить, что при создании какого-либо аромата парфюмеры прибегают к такому понятию, как аналогия. То есть они сопоставляют запах с цветом, оттенком, вкусом или просто используют различные эпитеты и метафоры, как было уже сказано выше. Так, в следующем примере существительное nuance ассоциирует запах с восприятием цвета в живописи: «Dernière création de Thierry Mugler qui met en scène l'alliance captivante du patchouli et d'une rose fraîche. Une nuance florale parfaitement fidèle à l'esprit d'Angel» – «La rose Angel». Иногда для описания аромата художники-парфюмеры используют несколько ассоциаций, допустим, соединяют цвет и вкус, чтобы точнее передать запах духов и для того, чтобы покупатель имел представление о запахе, только лишь прочитав рекламный слоган или рекламный текст той или иной парфюмерной продукции. В следующем примере показано, что по аналогии с гармонизацией аккордов в музыке художник-парфюмер предполагает восприятие духов «Bulgari» в три этапа: «Rehaussés d'agrumes en tête, de bouquets floraux en coeur, de noix et de musc en fond». По данному рекламному слогану можно заметить, что создатели духов дают трехшаговое описание аромата, такая репрезентация подобна «фейерверку». В данном случае в первую очередь упоминаются начальные ноты (так как они более слабые), затем они соединяются с сердцевинными нотами, и в самом конце описываются ноты «базы» (самые сильные ноты в парфюмерной продукции). Несмотря на достаточно короткий текст, использование музыкальной тематики способствует полному описанию аромата. Запах не обрушивается внезапно и не гаснет, а развивается и исчезает постепенно.

Сами авторы парфюмерной продукции часто выражают свою точку зрения по поводу аромата, описывая свои ощущения и ожидания, и озвучивая, что именно они хотели донести до потребителя, создавая тот или иной запах. Вот показательный пример: «Pour traduire cette sensualité exaltée, j'ai imaginé la rencontre insolite d'un absolu de Rose Damascena, aux notes délicatement fruitées, et d'une essence de Bois de Gaïac aux

accents fumés. Je les ai associés à la caresse ensorcelante de l'extrait de Benjoin» – так пишет об аромате «Quelques Notes d'Amour» Domitille Bertier.

Анализ показал, что концепт «запах» является достаточно своеобразным феноменом. Исследовав языковые средства и способы обозначения этой чувственной сенсibiliи во французском языке, можно заметить, что ольфакторная лексика достаточно бедная и малоизученная, но, тем не менее, ученые, занимающиеся этой областью восприятия, находят способы выражения запаха, используя слова и словосочетания не только из области восприятия, но также и из других сфер нашей жизни, таких как музыка, живопись и кулинария.

Библиографический список

1. Колупаева А.А. Концепт «запах» и способы его репрезентации в русском языке: дисс. канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 206 с.
2. Котенева И.А. Способы выражения характеристики запаха в русском и французском языках // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника: материалы междунар. науч.-метод. конф. БелГУ, Старооскол. фил. / под ред. И.Б. Игнатовой, Л.Н. Разинковой, Н.Н. Семеновко. Ст. Оскол, 2005. С. 99–107.
3. Котенева И.А. Категория «запах» и её концептуальные основы (на материале французского языка) // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы междунар. науч. конф., Белгород, 11-13 апр. 2006 г. / под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. С. 128–133.
5. Локк Д. Сочинения. М.: Мысль, 1985. 622 с.
4. Тарасюк І.В. Особливості номінації запахів у сучасній французькій мові: автореф. дис. канд. філол. наук. Київ, 2003. 208 с.

References

1. Kolupaeva A.A. Concept smell and the ways of its presentation in Russian: Phd in Phil.Sci. Tambov, 2009. 206 p.
2. Koteneva I.A. The ways of expression characteristic of smell in Russian and French // Linguistic and methodological foundations of the philological preparation of the teacher-narrator: materials of the intern/ scientific-method. conf. BelGSU, Starooskol. phil. / ed. by I.B. Ignatova, L.N. Razinkova, N.N. Semenenko. St. Oskol, 2005. P. 99–107.
3. Koteneva I.A. Category smell and its conceptual basics (on the material of French) // Unity of systemic and functional analysis of linguistic units: materials of the international. sci. conf., Belgorod, 11-13 April. Belgorod, 2006 / ed. By O.N. Prokhorova, S.A. Moiseeva. Belgorod: Publishing house of BelSU. P. 128–133.
4. Lокk D. Writings. M: Mysl, 1985. 622 p.
5. Tarasuk I.V. Special aspects of naming of smells in modern French language: author's abstract. dissert. Phd in Phil. Sci. Kiev, 2003. 208 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 811.133.1'373.4

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко
преп. кафедры романо-германской филоло-
гии
Токмачева М.А.*

*Lugansk Taras Shevchenko National Uni-
versity
lecturer of the Department of Romano-
Germanic philology
Tokmacheva M.A.*

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко
студентка 1 курса магистратуры, филоло-
гия / французский язык и английский язык и
литература
Медяник Е.А.
г. Луганск, тел. +380951993123
e-mail: medianik378@gmail.com*

*Lugansk Taras Shevchenko National Uni-
versity
student of the 1 course of magistracy, phi-
lology / French and English language and
literature
Medianik E.A.
Lugansk, +380951993123
e-mail: medianik378@gmail.com*

М.А. Токмачева, Е.А. Медяник

«SAVOIR-VIVRE» КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПТОВ ВЕЖЛИВОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению концепта *savoir vivre*, как одного из основных концептов вежливости во французской лингвокультуре и рассмотрению этого концепта во французском и русском коммуникативном поведении. Выявлены различия между пониманием концепта *savoir vivre* во французском и русском коммуникативном поведении. Особое внимание уделяется исследованию понятия категории вежливости, показав при этом исторический аспект категории вежливости во французском языке. Проведено сравнительное исследование категорий вежливости в русской и французской культурах. Мы составили общий сбор правил вежливости, используемых во Франции на сегодняшний день, а также определили качества личности, которые характеризуют личность соответствующую концепту *savoir vivre*, также были предложены качества личности, которые не соответствуют концепту *savoir vivre*, также был представлен список, составленный исследователями русской лингвокультуры. Рассмотрев формы вежливости и правила хорошего тона, мы можем сделать вывод, что категория вежливости является важнейшей составляющей межкультурной коммуникативной компетенции и необходимым условием успешной коммуникации. Рассмотрены исследования представителей французской лингвистики, а также представителей французской социологической школы, которые изучали речевое поведение и социологические проблемы категории понятия вежливости и все они пришли к выводу о том, что ключевое место в системе ценностей носителей французского языка играет категория «*savoir vivre*», которая представляет собой совокупность знаний об этикете, воспитанности и умении жить в обществе. Категория вежливости является регулятором коммуникативного поведения, ей принадлежит важнейшая роль по обеспечению и организации гармоничного общения, что способствует гедоническому отношению, т.е. умению жить с удовольствием, что является основой концепта *savoir vivre*.

Ключевые слова: концепт, категория вежливости, манера вежливости, исследование, коммуникация, этикет, лексические средства вежливости.

M.A. Tokmacheva, E.A. Medianik

«SAVOIR-VIVRE» AS ONE OF THE MAIN CONCEPTS OF COURTESY IN FRENCH LANGUAGE

The article is devoted to the study of the concept of *savoir vivre*, as one of the main concepts of courtesy in French linguistic culture and the consideration of this concept in French and Russian communicative behavior. The differences between the understanding of the concept *savoir vivre* in French and Russian communicative behavior are revealed. Particular attention is paid to the study of the notion of politeness, showing the historical aspect of the politeness category in the French language. A comparative study of the categories of courtesy in Russian and French cultures was conducted. We have compiled a general collection of rules of courtesy used in France today, as well as defined the personality qualities that characterize the personality appropriate to the concept of *savoir vivre*, personal qualities that did not correspond to the concept of *savoir vivre* were also proposed, and a list compiled by researchers of Russian linguoculture was also presented. After examining forms of courtesy and good-order rules, we can conclude that the category of courtesy is an essential component of intercultural communicative competence and a necessary condition for successful communication. Studies of representatives of French linguistics, as well as representatives of the French sociological school, which considered speech behavior and sociological problems of the category of the notion of politeness, were considered, and they all concluded that the key place in the value system of French speakers is the category «*savoir vivre*», which represents a set of knowledge about etiquette, education and the ability to live in society. The politeness category is the regulator of communicative behavior, it has the most important role in providing and organizing harmonious communication, which contributes to the hedonic attitude, i.e. the ability to live with pleasure, which is the basis of the concept *savoir vivre*.

Key words: concept, politeness, courtesy, research, communication, etiquette, lexical means of politeness.

Концепт *savoir vivre* рассматривался во многих лингвистических трудах таких исследователей, как Н.А. Красавский, И.А. Стернин, В.И. Карасик и др. Однако несмотря на большое количество исследуемых работ, посвященных изучению концептов, характеристики и типы этих ментальных образований являются предметом научной дискуссии. Это находит своё выражение в существовании различных лингвистических теорий, каждая из которых по-новому раскрывают основной смысл понятия концепта *savoir vivre*.

Основной целью написания данной статьи является характеристика концепта *savoir vivre* во французской лингвокультуре и выявление его соответствий в русском языковом сознании, а также рассмотрение такого понятия, как вежливость, выявление влияний и особенностей исторического формирования и развития французской вежливости, которая является ключевым элементов системы культурной концепции лингвистики как науки.

Актуальность темы обусловлена тем, что изучение лингвокультурных концептов позволяет раскрыть общие закономерности и специфику человеческого познания мира посредством языка. Отношение к жизни представляет собой базовую основу стандартов поведения человека. Разновидностью этого отношения является специфический концепт французской лингвокультуры *savoir vivre* (умение жить с удовольствием), который требует развернутого объяснения при его истолковании в русской культуре.

Первое, что необходимо отметить – вежливость в лингвистике представляет собой понятие, которое одновременно поднимает проблемы выработки рациональной концепции вежливости, необходимости исследования ряда психологических и социальных факторов, лежащих в основе вежливого общения индивидов в обществе. Проблемы, которые непосредственно связаны с понятием вежливости, рассматриваются и анализируются как в рамках поведенческой стратегии коммуникантов, так и при проведении анализа свойств речевых актов применительно к отдельно взятому языку [2; 5].

Различные народы, национальности и общности по-разному подходят к формулировке основных принципов вежливого общения. На это влияют сложившиеся в обществе нормы социального характера, а также уровень развития общественной структуры.

Каждый язык устанавливает индивидуальные правила употребления слов, выражения, а также построения законченных фраз. Однако неизменным является применение правил и принципов вежливого общения. Данное понятие имеет межкультурный характер [2;4].

Национальные ценности отдельно взятых народностей напрямую связаны с их менталитетом, областью географического проживания, а также рядом других факторов. В этом плане Франция – родоначальник и первоисточник формирования и дальнейшего распространения таких лингвистических категорий, как вежливость, галантность, учтивость.

Необходимо учесть, что понимание концепта *savoir vivre* во французском языке условно можно разделить на две группы: *savoir vivre* и *le savoir-vivre*. Однако лингвистический анализ рассматриваемых категорий позволяет сделать вывод, что эти фразы не являются синонимичными. Во французском языке существует индивидуальное, не имеющее аналогов в русском и других языковых семьях понятие «*le savoir-vivre*», которое используется для обозначения термина «знание правил хорошего тона», а «*savoir vivre*» переводится как «получение удовольствия». Концепт *savoir vivre* шире по своему смысловому содержанию и включает в себя концепт *le savoir-vivre*, который состоит из свода правил, позволяющих, в определенной степени, овладеть «искусством жить».

Словарь «*Le grand Robert*» определяет понятие вежливости как категории, используемой для управления обычаями в обществе, а также мерой их возможного применения и распространения на отдельно взятого представителя социума, в то время, как понятие «*savoir-vivre*» определяется в словаре как индивидуальное качество человека, обладающего знаниями применения и использования правил, регулирующих общественные отношения [3;5].

С давних времен французский народ стремился доказать и показать своё превосходство в сфере осведомленности правилами хорошего тона. Примером может служить активная творческая деятельность баронессы Стафф, которая известна составлением трактата о вежливости. По мнению баронессы, изысканность в манерах, правилах общения и вежливости – это дар, присущ всем слоям французского общества.

Определяющее влияние французской культуры на развитие русской лингвистики наблюдается во второй половине 18 и первой трети 19 века. Этот период получил название «галломания» в связи с активным распространением методических и учебных пособий, которые раскрывали тонкости изучения французского языка.

Все изменения в языке направлялись в сторону «порядка»: в целом, период с 1610 по 1789 г. был периодом порядка. Отсюда все характеристики языка: норма в произношении и морфологии, картезианский дух в синтаксисе, очищение словаря и установление в нем иерархии слов. В этом периоде наблюдается противопоставление устной и письменной форм речи. Стремление к прямому порядку слов в предложении, в том числе и в вопросительном, подкрепляется некоторыми синтаксическими оборотами, с помощью которых достигается стилистическое выделение без инверсии [4; с. 455–456].

История развития и активной ассимиляции русского и французского языка продолжается в создании первого французо-русского разговорника, который получил название «Парижский словарь московитов». Его основная сфера применения – проведение официальных русско-французских встреч, а также использование фраз и выражений при торговом взаимодействии [2;4].

Однако первый шаг к изучению французского языка был сделан Ж.Ф. Вегелэном, который опубликовал издание «Новые разговоры французские и российские».

Это настольная книга большинства русских дворян, а также их детей, которые обучались основам французского языка. В разговорнике представлено более 140 уроков, общий объем изучения которых позволял раскрыть около 35 тем, крылатых фраз и выражений, используемых дворянами в своем быту. Оно предназначалось для юношей и девушек, осваивающих азы французского этикета и языка в благородных семьях.

Во второй половине 19 века появились первые трактаты о вежливости. В этих печатных источниках особое место уделялось такому понятию, как «лоск и изысканные манеры». Авторы таких трактатов сходились в том, что эти категории лучше всего описывают утонченность и уникальность французских манер. Учитывая тот факт, что Франция стала источником распространения модных тенденций на этикет в различных странах Западной Европы, такое заявление в первых трактатах о вежливости позволяет сделать вывод об особом подходе в толковании нравственных категорий во французском языке.

Впервые особое внимание манерам поведения было уделено во француско-русском разговорнике 1586 года, который был составлен Ж. Соважем, и Дю-ренелем. Ключевое предназначение этого документа – помощь в преодолении языковых барьеров купцами при посещении ими официальных государственных мероприятий.

Во второй половине 20 века понятия «статус» и «престиж» рассматривались как основополагающие компоненты, оказывающие ключевое влияние на различные формы вариации языковых форм.

Различные исследователи, а также такие представители французской социологической школы, как А. Сеше и А. Мейе рассматривали социологические проблемы категории понятия вежливости как основополагающий элемент языкового взаимодействия.

Речевое поведение изучалось и современными исследователями французской лингвистики Л. Кастлером, а также В. Траверсом и С. Вайлем.

Все они пришли к выводу о том, что ключевое место в системе ценностей носителей французского языка занимает категория «*savoir vivre*», которая представляет собой совокупность знаний об этикете, воспитанности и умении жить в обществе.

Сфера переплетения и взаимодействия эстетических и моральных аспектов общения во французском языке проявляется в употреблении категории, которая означает умение человека держать себя («*bon ton*»).

Французская речь пестрит избытком эпитетов, прилагательных и фраз, основная смысловая нагрузка на которые призвана подчеркнуть привлекательность рассматриваемого образа. С этой целью используются такие понятийные категории, как *belle*, *bonne* и т.д.

Вежливость во французском языке учит человека уважать себя и окружающих. Создание положительного образа собеседника – это своеобразие ритуалов вежливости, которые подчеркивают статус человека в обществе, а также предотвращает риск разрыва коммуникативных отношений между собеседниками. Если такой разрыв всё же происходит, составляющие элементы понятия вежливости способствуют формированию у человека желания вернуться к исходному равновесию [2;4].

Это находит своё выражение в использовании специфических глагольных форм общения, представленных в сослагательном наклонении или *subjunctif*. Лингвистическая нагрузка на глагол «обидеть», который часто интерпретируется фразами *blessé* или при рассмотрении категорий вежливости передается в более лояльной и нейтральной форме при использовании фразы *désobligé*, *avoir le moindre* (прогневать, причинить неудовольствие).

Не последняя роль в правилах хорошего тона уделяется просьбам. В грамматическом выражении данное понятие имеет форму повелительного наклонения. Невозможно не отметить и использование категорий слов, свойственных высокому стилю речи – *avoir la bonté, la grâce* и т.д.

Правила хорошего тона, устоявшиеся во французской речи, предусматривают, что советы даются исключительно в такой форме, которая исключает вероятность возникновения встречной обиды. Часто с этой целью используются условные наклонения – *conditionnel* или фразы с использованием наречия *meux*. Действие, сообщение факта, просьба, смущение, удивление во французском языке обозначается фразой *Conditionnel*, которая может использоваться в настоящем (*Present*) или прошедшем времени (*Passé*) [3;4].

Знакам уважения в определении понятия вежливости уделяется особое внимание. Такие выражения, как *l'honneur* – иметь честь и *être charmé* – быть очарованным – это отличительная лингвистическая особенность современного французского языка.

Общий обзор правил вежливости, используемых во Франции, имеет следующий вид:

1. При пожатии руки, приветствии собеседника или прощении с ним могут использоваться слова «*Enchant (e)*», «*Très heureux (-euse)*».

2. Если речь идет об обращении к должностному лицу или человеку с общепризнанной репутацией, уровнем знаний, то используется словоформа: *Bonjour, docteur*. При обращении к юристу или нотариусу можно использовать фразу: *Bonjour, maitre*.

3. Просить прощения у человека принято в случае, если своими действиями или словами были причинены ему физические или нравственные страдания. В этом случае используются такие понятийные категории, как (*excusez-moi*), «Прошу извинить меня» (*veuillez m'excuser*), «Примите мои извинения» (*je vous prie de bien vouloir m'excuser*) [2;5].

4. Фразы, заканчивающие разговор, могут иметь вид: До свидания (*Au revoir*), удачи (*Bonne chance*).

Целый ряд уникальности лингвокультурного концепта *savoir vivre* указывает на уместность данного концепта в жизни французского народа. Мы полагаем, что не существует такой сферы жизни, для которой французы не создали бы определенный свод правил (*le savoir-vivre*), определяющих тактики поведения в разных жизненных обстоятельствах.

Учитывая непосредственную взаимосвязь двух лингвокультурных концептов *savoir vivre* и *le savoir-vivre* и безусловную трудность выявления смысловых составляющих напрямую относящихся к тому или иному концепту, приведем представленные лексические единицы, объективирующие данные ментальные образования в обыденном сознании представителей французской лингвокультуры без разграничения.

Во Франции считают, что человек, который умеет жить, характеризуется такими качествами как: *sociable, optimiste, courtois, modeste, joyeux, diligent, respecte autrui, aimable envers les autres; jouir de la vie; sait obtenir chaque jour des satisfactions et en procure à son entourage; respect; à l'image de savoir-vivre chez ses relations; l'intelligence du cœur; amour des autres; savoir aller vers les autres; diplomatie; élégance; un homme qui ouvre la porte à une femme pour la laisser passer.*

Равным образом человек, который не умеет жить, характеризуется как: *apathique, grossier, egocentrique; manque de tact; manque de courtoisie; qui n'est pas satisfait ni de lui, ni des autres; qui ne dit pas «bonjour» quand il arrive quelque part; qui s'éloigne du bonheur pour lui et autrui; n'a pas d'égard pour l'autrui; se brouille facilement avec des autres.*

Исследователи русской лингвокультуры предоставили свой список основных качеств, характеризующих личность человека: целедостижение – имеет цель и стремится к её достижению; знает пути достижения поставленных целей; умеет действовать и принимать решения согласно обстоятельствам; сопоставляет свои способности и умения с реальностью и возможностями; характерные качества, свойственные человеку, который умеет жить – жизнелюб, добродушный, рассудительный, гармоничный, благожелательный, позитивный, изобретательный, целеустремленный, здравомыслящий, волевой, трудоспособный, общительный, решительный, активный, интеллигентный, почтительный, благонравный; уважительно относится к людям; не боится трудностей; с устроенной личной жизнью (благополучная семья); стремящийся к саморазвитию; обладает интуицией [1; с. 50].

Таким образом, вышеперечисленные смысловые составляющие концепта «уметь жить» обозначены положительной окраской. Тем не менее необходимо учесть, что в русской лингвокультуре изучаемый лингвокультурный концепт чаще оценивается отрицательно, и в данном случае характеризующим подобную установку становится выражение: «Хочешь жить – умей вертеться». Во французской лингвокультуре «умение жить» предполагает получение наслаждения от жизни, но в русской лингвокультуре «умение жить» значительно отличается от французской, так как на первом месте выступает не «умение жить», а «умение выживать». Такие отличия можно объяснить в некой степени социальными и социально-экономическими факторами жизни.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология совр. психолингвистики: Сборник статей. М.: Алт. унив-та, 2003. С. 50.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса: монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 71–98.
3. Рецкер Л.И. Французско-русский фразеологический словарь. М.: Госиздат.иностр. и нац.словарей, 1998. 1112 с.
4. Скредина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. М.: Высш. шк., 2001. С. 404–456.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: «Наука», 1974. С. 265–304.

References

1. Karasik V.I. Lingvocultural concept as an element of linguistic consciousness // Methodology modern psycholinguistics: Collection of articles. M.: Alt. Univ-th, 2003. P. 50.
2. Karasik V.I. Language of social status: monograph. M.: ITDGGK «Gnosis», 2002. P. 71–98.
3. Retsker L.I. French-Russian phraseological dictionary. M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1998. 1112 p.
4. Skrilina L.M., Stanova L.A. History of the French language. M.: High school, 2001. P. 404–456.
5. Shcherba L.B. Language system and speech activity / L.B. Shcherba. L.: «Science», 1974. P. 265–304.

ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070

*Воронежский государственный
технический университет
ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,
Дистерло Г.В.
Россия, г. Воронеж, +7(473)271-50-48
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and intercultural communication,
assistant lecturer
Disterlo G.V.
Russia, Voronezh, +7(473)271-50-48
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Г.В. Дистерло

**СООТВЕТСТВИЕ СОВРЕМЕННОГО ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЗАПРОСАМ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ**

Профессия журналиста в условиях современного общества одна из самых динамично развивающихся. Темпы развития научно-технического прогресса в значительной степени опережают возможности адекватного человеческого восприятия. Меняется все: от технической составляющей и форм подачи информации до объемов, терабайты которых должен пропустить через свое восприятие журналист. Говорить о творческой составляющей зачастую не приходится, равно, как и не приходится говорить о системе наставничества, которая еще в недавнем времени была очень развита в российских СМИ. Сегодня молодой специалист после вуза должен рассчитывать только на себя и на свои знания. Но вузовская система преподавания и образовательные программы по профессии «журналистика» значительно отличаются от реальной действительности. В результате выпускники факультета журналистики работодателям не нужны и не интересны. Только вариант самообразования и саморазвития помогает молодым людям остаться в профессии. Актуальной становится необходимость конструктивного диалога журналистов-теоретиков с журналистами-практиками и пересмотра программ и подходов к обучению студентов профессии «журналистика». В статье говорится о том, что сегодня граница между гуманитарными и техническими профессиями размыта, журналистики это касается в первую очередь. Однако обучающие программы высшей школы по этой специальности ориентированы на классическую модель подготовки студентов. В результате - несоответствие образования молодого специалиста требованиям, предъявляемым работодателем, существенно осложняет его последующее трудоустройство. Сегодня найти компромисс у журналистов-теоретиков с журналистами-практиками не получается, хотя понимание проблемы есть и у тех, и у других. Рано или поздно теоретикам и практикам придется объединиться и устранить несоответствие теоретических выкладок с необходимыми для работы практическими навыками журналиста.

Ключевые слова: журналисты-теоретики, журналисты-практики, контент, СМИ, печатные и электронные СМИ, экономика СМИ, медиабизнес, медиасреда, digital-технологии, теоретическая база журналистики, направления развития журналистики.

G.V. Disterlo

ACCORDANCE OF CONTEMPORARY JOURNALISTIC EDUCATION WITH DEMANDS OF POTENTIAL EMPLOYERS

The journalist's profession in modern society is one of the most dynamically developing ones. Rates of development of scientific and technological progress is largely ahead of possibilities of adequate human perception. Everything changes: from technical component and forms of information delivery to volumes, terabytes of which the journalist must pass through his perception. It is often not possible to talk about the creative component as we cannot talk about a system of mentoring which in the recent past has been largely developed in the Russian media. Today young specialist graduated from the university should hope only for himself and his knowledge. But the university system of teaching and educational programs in the profession of «journalism» dramatically differ from reality. As a result graduate students of the faculty of journalism are not needed and are not interesting for employers. Only option of self-education and self-development helps young people to stay in the profession. The need for a constructive dialogue between theoretical journalists and practical journalists and the revision of programs and approaches to the training of students in journalism is becoming urgent. The article says that today the border between humanitarian and technical professions is blurred and it's all about journalism. However teaching programs of the higher school in this specialty are oriented towards the classical model of student training. As a result we have discrepancy between the education of young specialists and requirements set by the employer which makes it very difficult for him to find a job later. Today it is impossible to find a compromise between theoretical journalists and practicing journalists, although there is an understanding of the problem for both. Sooner or later theorists and practitioners will have to unite and eliminate the discrepancy between the theoretical calculations and the practical skills necessary for the job of journalist.

Key words: theorist journalists, practice journalists, content, media, print and electronic media, media economy, media business, media environment, digital-technology, theoretical base of journalism, directions of journalism development.

Суша теория, мой друг,
А древо жизни пышно зеленеет.
И. Гете, «Фауст»

Век информационных технологий диктует свои условия, и сегодня граница между гуманитарными и техническими профессиями предельно размыта. Еще пять-десять лет назад журналисту было вполне достаточно внятно излагать свои мысли в формате того или иного жанра печатного или электронного СМИ. Сегодня нужно как минимум знать основы медиабизнеса и разбираться хотя бы немного в digital-технологиях.

Впрочем, тенденция к некоей универсализации специалиста медиасферы началась еще в конце 90-х. Именно тогда к журналисту стали предъявлять требования, заставляющие совмещать различные виды деятельности, как-то: навыки верстальщика, фото-корреспондента и видеооператора, инженера видеомонтажа, диктора и ведущего теле- и радиопередач, звукорежиссера и звукооператора. Чем больше навыков имел журналист, тем легче было устроиться на хорошую работу.

Если разбираться в причинах этого процесса, стоит озвучить чисто финансовую сторону вопроса. В Советском Союзе все СМИ были государственными, имели четкую структуру и финансировались из бюджета. Медиабизнеса как такового в стране не было: ни печатные, ни электронные СМИ как предприятия не рассматривались. С приходом на медиарынок собственника такие понятия, как менеджмент, маркетинг, бизнес-план редакции, конкуренция, в отношении журналистики стали нормой. В России появился рынок СМИ. Запустился механизм коммерциализации по сути творческой профессии, цензуру идеологическую сменила цензура экономическая, то есть цензура де-

нег. В таких условиях журналист рассматривается не только как творческая единица, но и как некий субъект, максимально приносящий прибыль.

Классические образовательные программы, рекомендованные сегодня для преподавания в ВУЗах специальных дисциплин по направлению «Журналистика», не успевают за стремительно меняющимися условиями, предъявляемыми журналистам современной медиасредой. Разрыв между теорией журналистики и журналистикой практической сегодня колоссален, что отмечается практически всеми потенциальными работодателями, руководителями и редакторами СМИ. Это очевидно и для работников высшей школы. Так, например, профессор британского института Reuters Ник Ньюман ежегодно публикует развернутый отчет о развитии технологий, коммуникаций и их влиянии на журналистику и нашу жизнь [2].

Согласно докладу за 2016 год, журналистика будет развиваться в следующих направлениях:

- 1) ускорение мобильного веба;
- 2) рост мобильных уведомлений;
- 3) рост дистрибуцированного контента в социальных сетях и агрегаторах;
- 4) разрушение ТВ-индустрии;
- 5) новые метрики для видеорекламы и перекрестные продажи на устройствах;
- 6) бум подкастов и аудио;
- 7) онлайн-реклама (возможен год рекламного апокалипсиса);
- 8) войны с блокираторами;
- 9) блокираторы выходят на мобильный рынок;
- 10) инновации в подписке и микроплатежах;
- 11) фокус на полезности и отличии от конкурентов.

Факультеты журналистики в ВУЗах стали активно приглашать действующих журналистов и специалистов в сфере СМИ для проведения мастер-классов, привлекать профессиональных журналистов для преподавания профильных дисциплин. Работа по сближению позиций теоретиков и практиков журналистики постепенно идет, но достигнуть консенсуса пока сложно, так как и те и другие, жестко отстаивая свои позиции, считают, что именно их платформа понимания журналистики в современном пространстве единственно верная, забывая при этом гениальный афоризм Александра Суворова: «Теория без практики мертва, а практика без теории – слепа».

Как результат, выходя из стен альма-матер, начинающий журналист дезориентирован и сталкивается с большими сложностями при трудоустройстве. Молодой человек понимает, что чем быстрее он освободится от излишней информации, которой его «загрузили» в ВУЗе, тем скорее он устроится на работу. Этот процесс занимает, как правило, пару лет. Причем сами редакторы, не скрывая иронии, говорят об этом начинающим журналистам.

Разобщенность журналистов-теоретиков и журналистов-практиков сегодня является проблемой не только российской высшей школы. Не лучше обстоят дела и в других странах: Англии, США, Швеции и т.д. Начинающие журналисты, приходя на работу, учатся заново, так как уровень их образования не соответствует требованиям работодателя и постоянно растущей конкуренции на рынке труда [6]. Происходит это потому, что, как правило, разработчиками обучающих программ являются так называемые журналисты-теоретики [6].

Безусловно, научная деятельность как попытка осознания происходящих в обществе процессов и стремительно меняющихся условий работы журналистов в современной действительности интересна и необходима. Классическая база знаний – опора не только журналиста, но любого образованного человека. Однако в настоящее время чис-

то теоретической подготовки журналисту недостаточно. Чтобы найти достойную и хорошо оплачиваемую работу, журналист должен понимать, что сегодня СМИ – это не гарантированный кусок хлеба, а только механизм, с помощью которого этот кусок можно заработать. И для того, чтобы воспользоваться этим механизмом, нужно обладать определенными навыками и знаниями. Прежде всего – понимать, как можно зарабатывать с помощью СМИ.

Хороший журналист всегда знает, откуда берется доход СМИ, в котором он работает, как увеличить его прибыль и, как следствие, свой процент в виде гонораров и премий. Инфантилизм здесь неуместен, ибо без понимания законов экономики СМИ журналист очень быстро останется безработным.

Как правило, основной вид заработка журналисту гарантирует знание основ рекламы и паблик-рилейшнз. Журналист, который не работает с рекламным контентом, не найдет себе работу. Между тем, высшая школа не только развела профессии журналиста и рекламщика, но даже научно обосновала такое разделение. В то время как работодателю в сфере СМИ безразлично, какой диплом предоставит претендент на должность, главное – навыки, которыми он обладает.

В октябре 2015 года в Воронеже на третьем региональном медиафоруме «Региональная пресса в условиях кризиса: как выйти победителем» советский и российский журналист, медиаменеджер, заместитель министра связи и массовых коммуникаций РФ Алексей Волин на вопрос представителей региональных СМИ: «Какими навыками должен сегодня обладать журналист?» ответил емко: «Журналист сегодня должен уметь все». На форуме также прозвучал вопрос о развитии мультимедийной журналистики и необходимости обучать студентов-журналистов ее навыкам. Алексей Константинович ответил так: «Ни одно СМИ сегодня не обходится без мультимедиа, и это главная тенденция современного медиарынка. Мы прекрасно понимаем, что газета без сайта уже не существует, но при этом сайт газеты не должен полностью копировать бумажное издание. Необходимо также понимать, что онлайн-версия должна быть адаптирована и для гаджетов. Пользователь живет в условиях переизбытка информации, поэтому нужны иллюстрации и графики, которые привлекают внимание» [1].

Помимо умения грамотно и оперативно собрать, скомпилировать информацию, написать текст, начинающий журналист должен как минимум обладать диджитал-навыками и навыками в сфере мультимедийной журналистики. Научить этому только в теории невозможно, эти знания, не подкрепленные постоянными практическими занятиями, не усвоятся, а рассказывать студенту об устаревших технологиях и демонстрировать аппаратуру позавчерашнего дня просто бессмысленно и возможно только в качестве исторического экскурса. Современный процесс обучения по направлению «Журналистика» не только зависит от постоянных обновлений теоретической базы, но и от финансовых вливаний ВУЗа и приобретения новой аппаратуры и технических средств.

Сегодня журналист должен знать азы информационных технологий и ПК, обладать навыками и выполнять функции практически всех творческих сотрудников редакции или телерадиокомпании. И если 20 лет назад творческий процесс в СМИ был коллективным, то сегодня зачастую один человек выполняет работу всей творческой бригады. А это значит, что журналист, помимо умения писать, должен знать возможности видео- и аудиозаписывающей техники, законы построения компоновки фото- и видеокadra, возможности осветительного оборудования, иметь навыки нелинейного компьютерного монтажа и размещения контента на различных файлообменниках и серверах. Занятый в печатных СМИ журналист должен обладать навыками работы в фотешопе, макетирования и верстки и многими иными. Сегодня найти работу журналиста в классическом понимании этого слова практически невозможно – такой работы просто не

осталось. В своем блоге автор и главный редактор MediaMedia.me Сергей Якупов пишет, что в Washington Post, выбирая между «классическим» журналистом и журналистом с диджитал-навыками, отдадут предпочтение второму: «Конечно, мы выберем специалиста в цифре, потому что Толстых-то много вокруг, а специалисты по цифре – в дефиците» [6].

Такая точка зрения работодателей обусловлена экономическими соображениями и, увы, существенно снижает качество и достоверность контента. Грустно понимать, что «Толстые» сегодня не нужны. Безграмотность, фрондерство и непритязательность стали нормой для современного журналиста. Безусловно, журналист должен уметь распространять контент и пользоваться системами управления контентом, понимать принципы взаимодействия пользователей с сайтом, способы отражения текста на различных устройствах и формат его подачи. Журналист обязан изучать и знать аудиторию, для которой предназначена информация, и передавать ее максимально оперативно. Однако сегодня смело можно сказать, что журналисты далеко не всегда понимают, для кого, как и что пишут. Так, 16 ноября 2017 года во всех новостных лентах г. Воронежа прошла информация об избииении участкового. Сотрудники пресс-службы ГУ МВД по Воронежской области озаглавили материал с учетом запросов самой невзыскательной публики, вероятнее всего, большинства, по их мнению: «Депутат надавал по голове лучшему участковому полиции Воронежской области» [3]. А вот заголовок в продолжение темы: «Опозорил честь». Избившего «народного участкового» Воронежской области депутата уволят». Источник Вести-Воронеж [5].

Подобное заигрывание и подход к «привлечению» внимания читателей, увы, сегодня становится нормой. Так же как и стала нормой в журналистике банальная компиляция информации из глобальных компьютерных сетей, причем самая непритязательная. Такая работа не требует особой подготовки, и ее может выполнять практически любой мало-мальски образованный человек. С таким чисто практическим и экономическим подходом к профессии журналист просто исчезнет, а понятие «профессионализм» канет в «Лету».

В апреле 2017 года на встрече с молодежью в Воронеже советский, российский и американский журналист и телеведущий, первый президент Академии российского телевидения, писатель Владимир Познер сказал: «Факультет журналистики – пустое дело. Там истории учат хуже, чем на истфаке, литературе – хуже, чем на филфаке, философии – хуже, чем на философском. Это все ерунда. Надо получить базовое образование, немного повзрослеть, понять, почему хочу быть журналистом, что за профессия такая? И только потом пойти в школу, где учат совершенно конкретным практическим приемам журналистики» [4]. Вот так, не больше и не меньше.

В то время как журналисты-теоретики научно обосновывают разделение журналистики на журналистику, рекламу и связи с общественностью, практики утверждают, что журналистике научить нельзя, можно только научиться. Чтобы профессия «журналист» не деградировала, а развивалась, журналистам-теоретикам и журналистам-практикам рано или поздно придется объединиться и устранить несоответствие теоретических выкладок с необходимыми для работы практическими навыками журналиста.

Библиографический список

1. Волин А. Современный журналист должен уметь все // «Комсомольская правда». Воронеж. 05.10.2015 [электронный ресурс]. URL: http://mediaprofi.org/community/interview/item/2906-volin_journalism (дата обращения – 20.11.2017).

2. Ларот Т. Как будет развиваться журналистика в ближайшем будущем: прогноз от института Reuters // Блог об онлайн-медиа Media Toolbox; материал впервые опубликован в журнале «Журналист», 2016 №03 [электронный ресурс]. URL: <http://mediatoolbox.ru/blog/kak-budet-razvivatsya-zhurnalistika-v-blizhayshem-budushhem-prognoz-ot-instituta-reuters/> (дата обращения - 20.11.2017).

3. Петров О. Депутат надавал по голове лучшему участковому полиции Воронежской области // Новости Воронежа. 16.11.2017 [электронный ресурс]. URL: <https://novostivoronezha.ru/2017/11/16/99633> (дата обращения - 20.11.2017).

4. Подъяблонская Т. Владимир Познер в Воронеже: «Факультет журналистики – пустое дело!» // «Комсомольская правда». Воронеж. 05.04.2017 [электронный ресурс]. URL: <https://www.vrn.kp.ru/online/news/2705867/> (дата обращения – 20.11.2017).

5. Сысоева А., Кохаров К. «Опозорил честь». Избившего «народного участкового» Воронежской области депутата уволят // Вести-Воронеж. 17.11.2017 [электронный ресурс]. URL: http://vestivrn.ru/novosti/opozoril-chest-izbivshego-narodnogo-uchastkovogo-voronezhskoy-oblasti-deputata-uvolyat_2017-11-17_22-25 (дата обращения – 20.11.2017).

6. Якупов С. Шведские медиа // Medium. 19.03.2016 [электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@yakupov/шведские-медиа-c9a1c8b047ae> (дата обращения – 20.11.2017).

References

1. Volin A. Modern journalist must be able to do everything // “The Komsomolskaya Pravda”. Voronezh. 05.10.2015 [electronic resource]. URL: http://mediaprofi.org/community/interview/item/2906-volin_journalism (date of application – 20.11.2017).

2. Larot T. How the journalism will be developed in the nearest future: forecast from Reuters institution // Media Toolbox, the blog about online-media. First published in the journal “Journalist”, 2016, iss. 3 [electronic resource]. URL: <http://mediatoolbox.ru/blog/kak-budet-razvivatsya-zhurnalistika-v-blizhayshem-budushhem-prognoz-ot-instituta-reuters/> (date of application - 20.11.2017).

3. Petrov O. The deputy has bashed the best local policeman in Voronezh region // Voronezh news. 16.11.2017 [electronic resource]. URL: <https://novostivoronezha.ru/2017/11/16/99633> (date of application - 20.11.2017).

4. Podjablonskaya T. Vladimir Pozner in Voronezh: “Department of journalism is an empty case!” // “The Komsomolskaya Pravda”. Voronezh. 05.04.2017 [electronic resource]. URL: <https://www.vrn.kp.ru/online/news/2705867/> (date of application – 20.11.2017).

5. Sysoeva A., Kokharov K. “Tarnished the honour”. The deputy who has bashed “the public local policeman” will be sacked” // Vesty-Voronezh. 17.11.2017 [electronic resource]. URL: http://vestivrn.ru/novosti/opozoril-chest-izbivshego-narodnogo-uchastkovogo-voronezhskoy-oblasti-deputata-uvolyat_2017-11-17_22-25 (date of application – 20.11.2017).

6. Yakupov S. Swedish mass media // Medium. 19.03.2016 [electronic resource]. URL: <https://medium.com/@yakupov/шведские-медиа-c9a1c8b047ae> (date of application – 20.11.2017).

УДК 070

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and intercultural communication
PhD, associate professor

Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Воронежский государственный технический университет
студентка 4 курса направления «Журналистика»

Масленникова И.А.
Россия, г. Воронеж, +7(951)861-95-35
e-mail: ir.ir.mi.mi@mail.ru

Voronezh State Technical University
The faculty of journalism
fourth-year student

Maslennikova I.A.
Russia, Voronezh, +7(951)861-95-35
e-mail: ir.ir.mi.mi@mail.ru

С.А. Скуридина, И.А. Масленникова

РЕКЛАМНЫЕ ТЕКСТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассказывается об использовании рекламных текстов и текстов объявлений в художественной литературе, указывается роль рекламной вывески – одного из жанров рекламы – в раскрытии авторского замысла. Войдя во все сферы общественной жизни, начиная с товарно-денежных отношений и заканчивая отношениями личными, объявления и реклама начинают использоваться писателями в художественных произведениях с разными целями, прежде всего как документальное свидетельство развития общественных отношений определенной эпохи. Для некоторых писателей введение рекламы в художественный текст становится нарочитой деталью, систематически возникающей то в одном, то в другом произведении. Факт чрезмерной распространенности рекламы становится поводом для писательской иронии и для выражения писательского сарказма. Многие рекламные тексты переосмысливаются художниками слова и превращаются в их произведениях в каламбуры. Особым жанром рекламы, достаточно часто встречающимся в художественной литературе, является вывеска, задача которой состоит в том, чтобы привлечь читателя к главному среди множества однородных предметов. Введение в художественный текст вывесок и различные авторские манипуляции с ними – один из давних и наиболее распространенных приемов создания комического в юмористических и сатирических произведениях.

Ключевые слова: объявление, реклама, вывеска, афиша, художественная литература.

S.A. Skuridina, I.A. Maslennikova

ADVERTISEMENTS IN ARTISTIC LITERATURE

The article considers how advertisements and announcements are used in artistic literature and points to the importance of outdoor signs as one of the advertising genre in the revelation of the author's idea. Having penetrated in all the spheres of social life, from financial relationship to personal life, announcements and advertisements are used by writers in artistic literature with different purposes, first of all as a documental evidence of

development of social relationship in a certain historical period. Some writers introduce advertisements in the artistic texts as a deliberate detail which appears systematically in this or that piece. The overspread of advertisements becomes the reason for irony and sarcasm. Many of advertising texts are reconsidered by writers and turn them into quibbles. An outdoor sign, which often appears in artistic literature, is a specific advertising genre; its aim is to attract the reader's attention to the main object among the similar ones. The introduction of outdoor signs and various manipulations with them is one of the oldest and the most wide-spread methods of achievement of comic effect in humorous and satirical literature.

Key words: announcement, advertisement, outdoor sign, poster, artistic literature.

Как указывалось нами в работе «Периодическая печать как историко-культурологический источник (на примере газетных объявлений XIX века)» [25], реклама и частные объявления получили широкое распространение в периодических изданиях XIX века. Рекламные тексты и тексты объявлений можно рассматривать как «источник, отражающий особенности социума, в определенной степени свидетельствующий о ценностях, установках, образе жизни общества» [13].

Войдя во все сферы общественной жизни, начиная с товарно-денежных отношений и заканчивая отношениями личными, объявления и реклама начинают использоваться писателями в художественных произведениях с разными целями, прежде всего как документальное свидетельство развития общественных отношений определенной эпохи. Разножанровые рекламные материалы, вторгаясь в художественный текст и представляя собой «текст в тексте», раздвигают границы литературного произведения, для интерпретации которого теперь становится важной семантика рекламного микро-текста, который не только используется для обозначения пространственно-временных координат, но и, благодаря реализуемым ассоциативным связям, позволяет читателю выйти на более глубокий уровень понимания авторского замысла.

Как указывает Л.А. Ефремычева, «газеты и журналы в XIX веке можно рассматривать как инвариант молвы, обретающей письменное закрепление. <...> Периодика создает почву для веры горожан в невероятные происшествия и пользуется повышенным вниманием к удивительным историям» [16]. Исследовательница приводит обзор томов за 1834 г. (период, когда Гоголь еще работал над отдельными повестями, вошедшими позже в третий том собрания сочинений 1842 г.) и дает представление об интересе авторов ко всему невероятному, необъяснимому или масштабному. Мы встречаем заметки о «“дивной операции” нью-йоркского доктора Мотта» (1834. Т. 4. С. 63), «необычайном действии, произведенном музыкой над одной женщиной» (1834. Т. 6. С. 54), «огненном шаре на мяче» (1834. Т. 2. С. 49), «странном способе лечения онемевших» (1834. Т. 2. С. 64), «исполинских цветах Суматры» (1834. Т. 3. С. 26), «новом огромном телескопе» (1834. Т. 4. С. 65), «кошке-естествоиспытательнице» (1834. Т. 4. С. 30), «оренбургском гомеопатическом чуде» (1834. Т. 4. С. 62), «наблюдении в желудке одного американца» (1834. Т. 4. С. 5)» [16].

Среди этой массы удивительных новостей не последнюю роль играли объявления, многие из которых были неграмотно составлены или содержали информацию о странных услугах или товарах, в связи с чем мастера пера превращают их в объект иронии и даже сатиры, что находим в произведении Н.В. Гоголя «Нос». Герой, попав в сложную ситуацию, стремится не куда-нибудь, а в редакцию газеты, не думая о неординарности ситуации, в какую он попал – ведь, если верить объявлениям, «есть такие люди, которые могут приставить какой угодно нос» [9], но, к своему удивлению, встречает отказ: «Да ведь я вам не о пуделе делаю объявление, а о собственном моем носе: стало быть, почти то же, что о самом себе». – «Нет, такого объявления я никак не могу поместить». – «Да когда у меня точно пропал нос!» [9].

Как известно, повесть «Нос» начинается с описания вывески цирюльника Ивана Яковлевича, где «изображен господин с намыленной щекой», а также содержится надпись «и кровь отворяют» [9]. По мнению Е.В. Вранчан, «такая характеристика героя подготавливает появление в его доме исчезнувшего носа» [5; с. 47]. Другая вывеска встречается в повести Н.В. Гоголя «Вий»: «За амбарами, к самым воротам, стояли треугольниками два погребца, один напротив другого, крытые также соломой. Треугольная стена каждого из них была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображениями. На одной из них нарисован был сидящий на бочке козак, державший над головою кружку с надписью: Все выпью. – На другом фляжки, сулеи и по сторонам, для красоты, лошадь, стоявшая вверх ногами, трубка, бубны и надпись: Вино козацкая потеха» [7].

Приведенные выше вывески являются одним из жанров рекламы. Тексты вывесок являются способом репрезентации языкового быта города, отражающим изменения в его жизни. В сказке Г.Х. Андерсена «О том, как буря перевесила вывески» рассказывается о том, каким важным и торжественным событием была замена вывесок в давние времена: «Что это было за великолепие, когда, скажем, сапожники меняли помещение цеха и переносили на новое место цеховую вывеску... <...> Да, вот это было веселье так веселье! А вывеска, вся в цветах и зелени, красовалась на новом месте» [1]. Хаос, воцарившийся в городе после урагана, поменявшего местами все городские вывески, вскрывает истинную сущность тех, чья деятельность была обозначена привлекательными вывесками: «Бочка бондаря очутилась под вывеской «Дамские моды». Меню, висевшее у входа в кухмистерскую, ветер перенес к подъезду театра, в который редко кто заходил. Ничего себе, забавная получилась афиша: «Суп из хрена и фаршированная капуста». Публика валом повалила в театр. <...> Доска с надписью: «Высшее учебное заведение» оказалась на бильярдном клубе, а на питейном заведении появилась вывеска детского врача: «Здесь дети приучаются к бутылочке» [1]. Как видим, уже во времена Г.Х. Андерсена использование такой детали, как вывеска, становится способом создания комического в художественном произведении.

Первые российские вывески заимствовали черты лубочных картинок. П.Г. Богатырев отмечает, что к вывескам можно отнести выкрики торговцев на рынке, так как они «выполняют ту же функцию, что и вывески магазинов и лавок, а также вывески мастерских»; соответственно, вывески могут быть оформлены в виде слов или являться «изображением предметов, продаваемых торговцами» [3; с. 38].

По мнению А.Ф. Некрыловой, «с изобразительной стороны вывески и афиши чрезвычайно близки лубку как по цвету и композиции, так и по способу подачи материала, по отношению к изображаемому, по ориентации на посетителя из народа с его фольклорным восприятием зрелищных форм ярмарки, гулянья. Цвет, рисунок, подпись – три основных компонента, с помощью которых зримая реклама выполняла на рыночной площади свою первостепенную обязанность – раскрыть содержание объекта и заинтересовать потребителя» [22].

Со временем в создании вывесок выработались определенные стереотипы: парикмахерские привлекали посетителей изображением женской головы с завитыми локонами или мужской с напояженными волосами, табачные лавки предпочитали вывески с изображением араба в чалме и с трубкой или африканца с сигарой, вывески булочных были лаконичны и изображали крендель. В стихотворении А.Блока «Незнакомка», написанном в 1906 году, читатель находит подобную вывеску:

Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной... [2].

Кондитерами и булочниками, а также держателями бакалейных лавок были зачастую немцы, что нашло отражение в романе в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина:

Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас* [24].

Позднее появляются шрифтовые вывески, которые придавали солидность предприятию, например, «Брокер и К°», «Шерер и К°». В «Мертвых душах» Н.В. Гоголя встречается вывеска, созданная с помощью приема остраниения, – «Иностранец Василий Федоров», в которой слово *иностранец* сочетается с русским двучастным антропонимом *Василий Федоров*, наталкивая читателя на размышления о нелепости происходящего в изображаемом городе. Из того же смыслового ряда надпись на вывеске портного из Петербурга: «Иностранец из Лондона и Парижа» [8]. Дополняют картину вывески, на которых изображение размыто дождем, а также вывески, не имеющие никакой эстетической ценности: вывески «с нарисованною толстою рыбою и воткнутою в нее вилкою», а также названия заведений, например: «Питейный дом» [8].

У Ч.Диккенса стереотипная вывеска используется в качестве названия романа – «Домби и сын». Полное название романа – «Торговый дом Домби и сын. Торговля оптом, в розницу и на экспорт» – демонстрирует девальвацию человеческих отношений, происходящую в мире [15].

Вывески в художественном тексте получают графическое оформление, имитирующее оформление реальной вывески, что служит ярким примером привлечения внимания читателя. Например, у братьев Стругацких находим: «Я с изумлением читал вывески. Их было три. На левой воротине строго блестя толстым стеклом солидная вывеска с серебряными буквами:

Ничаво
Изба на куриных ногах
ПАМЯТНИК СОЛОВЕЦКОЙ СТАРИНЫ

На правой воротине сверху висела ржавая жестяная табличка: «Ул. Лукоморье, д. № 13, Н.К. Горыныч», под ней красовался кусок фанеры с надписью чернилами вкривь и вкось:

КОТ НЕ РАБОТАЕТ
Администрация» [26].

С точки зрения рекламы, интересны вывески, встречающиеся в художественных текстах Н.С. Лескова, представляющие исторический обзор профессий того времени: «...а на другом окне магазина к вывеске о зонтиках выступила другая, объявлявшая, что здесь чистят и переделывают соломенные шляпы, а также берут в починку резиновые калоши и клеят разбитое стекло» [19].

Подобно Н.В. Гоголю, обращается Н.С. Лесков и к каламбуру: «Лучшая улица в городе была Московская, по которой проходило Курское шоссе, а потом Рядская, на которой были десятка два лавок, два трактирных заведения и цирюльня с надписью, буквально гласившей: «Сдеся кров пускают и стригут и бреют Козлов». Знаков препинания на этой вывеске не было, и местные зоилы находили, что так оно выходит гораздо лучше [18].

В стихотворении В.В. Маяковского «Ночь» встречается описание вывески, на которой изображен попугай:

Ударами в жезь, хохотали арапы,
Над лбом расцветивши крыло попугая [21].

Другое стихотворение В.В.Маяковского так и называется «Вывескам» и советует читателю «читать железные книги», то есть вывески города [20].

Чрезмерное распространение объявлений приводило к путанице текстов, что получило свое отражение в рассказе А.П. Чехова «Перепутанные объявления»: «1. Трехэтажный дворник ищет места гувернантки. 2. «Цветы и змеи» Л.И. Пальмина с прискорбием извещают родных и знакомых о кончине супруга и отца своего камер-юнкера А.К. Пустоквасова. 3. С дозволения начальства сбежал пудель фабрики Сиу и Ко. 4. Жеребец вороной масти, скаковой, специалист по женским и нервным болезням, дает уроки фехтования. 5. Общество пароходства «Самолет» ищет места горничной. 6. Редакция журнала «Нива» имеет для рожениц отдельные комнаты. Секрет и удобства. Дети и нижние чины платят половину. Просят не трогать руками» [30]. Рассказ А.П. Чехова, реалистично представивший картину рекламных текстов, можно рассмотреть и как историко-культурологический источник, дающий представление о профессиях, об увлечениях современников писателя, о развитии медицины того времени.

В рассказе А.П. Чехова «Крыжовник» о главном герое говорится, что «он любил читать и газеты, но читал в них только объявления о том, что продаются столько-то десятин пашни и луга с усадьбой, рекой, садом, мельницей» [29]. Подобное заявление содержит авторскую иронию, характеризующую героя не с лучшей стороны.

Многие примеры объявлений, встречающиеся в художественных текстах, как указывалось выше, носят иронический характер. Например, у М.М. Зощенко в рассказе «Сердца трех»: «Этот совет нашёл живейший отклик в измученной душе инженера, и он действительно среди отрезков драпа и велосипедов поместил своё объявление: «Маруся, вернись, я всё прощу» [17].

Уровень образования того времени не позволял малограмотным понимать все объявления, где могли использоваться многозначные слова, что вызывало негативные эмоции у читателей, например, в «Сказке» М.Горького «А Борька начал постепенно проявлять интерес к жизни: увидит в газете объявление «Ищут переводов» – и негодует: –Ищут , а на какую сумму, не указывают!» [11].

Конечно же, в работе о роли объявлений нужно упомянуть повесть М.Булгакова «Собачье сердце», в которой говорится о том, что люди с помощью объявлений могут легко решить свои проблемы: «Сегодня я помещу в газетах объявление, и, поверьте, я вам найду комнату» [6].

Особое место в рекламе занимают афиши, которые можно было увидеть не только на тумбах, но и в газетах, журналах. Например, у Д.Хармса встречаем: «Невероятное представление, новая программа. Сто коров, двести бобров, четыреста двадцать ученых комаров... На этом, друзья, представление наше кончается» [27]; а также у Д.В. Григоревича: «Ну, слушайте: Парфорсное упражнение на неоседланной лошади. Исполнит девица...»; «Эквилибристические упражнения на воздушной трапеции...» [12].

В зарубежной литературе классическим примером введения объявления в художественный текст является роман Ш.Бронте «Джейн Эйр», рисующий картину женской эмансипации: «Молодая особа, имеющая преподавательский опыт (разве я не была два года учительницей?), ищет место в частном доме к детям не старше четырнадцати лет. (Я решила, что, так как мне самой всего восемнадцать, было бы неразумно брать на себя руководство учениками почти моего возраста.) Кроме общих предметов, входящих в школьную программу, преподает также французский язык, рисование и музыку» [4].

Упомянутое в романе Д.К. Джерома объявление о продаже инструмента за полцены говорит о спросе на данный товар. «Он отказался от борьбы, совершенно отчаял-

ся, вывесил объявление о продаже инструмента за полцены «ввиду ненужности» и стал практиковаться в искусстве показывать карточные фокусы» [14].

Вероятно, существовали фирмы, которые предоставляли весьма необычные услуги: «Внимание клиентов агентства Элен Бойль. Продажа недвижимости. В объявлении сказано: Вам продали дом с приведениями? Если так, то звоните по указанному номеру и объединяйтесь с другими такими же пострадавшими, чтобы подать коллективный иск в суд» [23].

О глобальном распространении объявлений в XX веке говорит тот факт, что однажды Э.Хемингуэй заключил спор, что напишет рассказ, состоящий всего из 4 слов, способный растрогать любого читателя. Писателю удалось выиграть спор, написав трагический рассказ в форме объявления: «For sale: baby shoes, never worn» («Продаются детские ботиночки. Неношенные», или «Продаются пинетки. Неношенные») [28]. По мнению исследователей, данный рассказ – яркая иллюстрация к теории айсберга Э.Хемингуэя: «По теории айсберга, также как сам айсберг на 9/10 скрыт под водой, а над водой видна только 1/10, также и в тексте рассказа можно опустить все лишнее, при условии, что ты знаешь то, о чем пишешь досконально. Читатель сам почувствует, чего именно недостает». Таким образом, объявление – это микротекст, раскрывающий в сознании читателя свою глубину. Неслучайно самый короткий рассказ был многократно экранизирован.

Как видим, рекламные тексты и тексты частных объявлений встречаются достаточно часто в художественной литературе, а их использование полифункционально. Во-первых, они являются средством воссоздания образа той эпохи, о какой рассказывает писатель. В данном случае можно говорить о хронотопной функции вводных рекламных текстов, так как создаются они по моделям, характерным для изображаемого времени и пространства. Во-вторых, использование подобных текстов является способом привлечения читательского внимания к деталям, являющимся важным средством для раскрытия идейного содержания художественного произведения. В-третьих, тексты рекламы (в том числе и вывески) и частных объявлений используются как способ создания комического, а следовательно, помогают читателю понять истинную сущность изображаемых автором событий и явлений, проникнуть в авторскую концепцию мира.

В настоящее время наблюдается обратная тенденция: цитаты из текстов классической литературы используются создателями рекламы для привлечения аудитории. Подобные прецедентные тексты могут включаться в рекламный текст без изменений, но чаще всего они трансформируются и в результате этого переосмысливаются. Измененные цитаты, с одной стороны, являются носителями определенного культурного кода, правильная расшифровка которого напрямую зависит от тезауруса аудитории; с другой стороны, их можно отнести к элементам, из которых строится новая реальность.

Библиографический список

1. Андерсен Г.Х. О том, как буря перевесила вывески [электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/o-tom-kak-burya-perevesila-vyveski/> (дата обращения – 28.11.2017).

2. Блок А. Незнакомка [электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/1737/p.1/index.html> (дата обращения – 28.11.2017).

3. Богатырев П.Г. Выкрики разносчиков и бродячих ремесленников — знаки рекламы // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962. С. 38, 39.

4. Бронте Ш. Джейн Эйр [электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.su/read/252679-dzhejn-yejr.html> (дата обращения – 28.11.2017).

5. Вранчан Е.В. Роль рекламной вывески в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя) // Интерэкспо Гео-Сибирь, 2016, т. 6, №2. С. 46-50.
6. Булгаков М.А. Собачье сердце [электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/bulgakov_mihail_afanasevich/sobache_serdcce/read (дата обращения – 28.11.2017).
7. Гоголь Н.В. Вий [электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/1070/p.15/index.html> (дата обращения – 28.11.2017).
8. Гоголь Н.В. Мертвые души [электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/78/index.html> (дата обращения – 28.11.2017).
9. Гоголь Н.В. Нос [электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/76/index.html> (дата обращения – 28.11.2017).
10. Гоголь Н.В. Шинель [электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/980/index.html> (дата обращения – 28.11.2017).
11. Горький М. Сказка [электронный ресурс]. URL: <http://iknigi.net/avtor-maksim-gorkiy/29371-skazka-maksim-gorkiy/read/page-1.html> (дата обращения – 28.11.2017).
12. Григорович Д.В. Гуттаперчевый мальчик. М.: «Махаон», 2016. С. 9-95.
13. Грик Н.А. Рекламные объявления в томской губернской газете «Красное знамя» в 1921 – 1925 гг. и восстановление товарно-денежных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 66 - 71.
14. Джером Д. К. Трое в лодке, не считая собаки [электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/254890-troe-v-lodke-ne-schitaya-sobaki.html> (дата обращения – 28.11.2017).
15. Диккенс Ч. Торговый дом Домби и сын. Торговля оптом, в розницу и на экспорт [электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d13.txt> (дата обращения – 28.11.2017).
16. Ефремычева Л.А. Молва в петербургских повестях Гоголя: живая газета // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2015. Т. 15, вып. 1. С. 31-39.
17. Зошенко М.М. Сердца трех [электронный ресурс]. URL: http://bibliotechka.ucoz.com/publ/klassicheskaja_literatura/zoshhenko_m_m/serdca_trekh/75-1-0-870 (дата обращения – 28.11.2017).
18. Лесков Н.С. Некуда [электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1864_nekuda.shtml (дата обращения – 28.11.2017).
19. Лесков Н.С. Островитяне [электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1866_ostrovityane.shtml (дата обращения – 28.11.2017).
20. Маяковский В.В. Вывескам [электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/2120/p.1/index.html> (дата обращения – 28.11.2017).
21. Маяковский В.В. Ночь [электронный ресурс]. URL: <http://stihirus.ru/1/Mayakovskiy/28.htm> (дата обращения – 28.11.2017).
22. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII -начало XX века. СПб., 1984. С. 216.
23. Паланик Э. Колыбельная [электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/138468-kolybelnaya.html> (дата обращения – 28.11.2017).
24. Пушкин А.С. Евгений Онегин [электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (дата обращения – 28.11.2017).

25. Скуридина С.А., Масленникова И.А. Периодическая печать как историко-культурологический источник (на примере газетных объявлений XIX века) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. №3. С. 72 – 78.

26. Стругацкие А.и Б. Понедельник начинается в субботу [электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/351868-ponedelnik-nachinaetsya-v-subbotu.html> (дата обращения – 28.11.2017).

27. Хармс Д. Цирк Принтинпрам // Хармс Д. Большая книга стихов, сказок и веселых историй. М.: «Махаон», 2015. С. 52 – 57.

28. Хемингуэй Э. Продаются детские ботиночки. Неношенные [электронный ресурс]. URL: <http://hemingway-lib.ru/ekranizatsii/prodayutsya-detskie-botinochki.html> (дата обращения – 28.11.2017).

29. Чехов А.П. Крыжовник [электронный ресурс]. URL: <http://poesias.ru/proza/chehov-anton-pavlovich/chehov10250.shtml> (дата обращения – 28.11.2017).

30. Чехов А.П. Перепутанные объявления [электронный ресурс]. URL: <http://poesias.ru/proza/chehov-anton-pavlovich/chehov10395.shtml> (дата обращения – 28.11.2017).

References

1. Andersen G.C. How the storm displaced the outdoor signs [electronic resource]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/o-tom-kak-burya-perevesila-vyveski/> (date of application – 28.11.2017).

2. Blok A. A stranger [electronic resource]. URL: <http://ilibrary.ru/text/1737/p.1/index.html> (date of application – 28.11.2017).

3. Bogatyrev P.G. Shouts of peddlers and travelling salesmen as advertising signs // Symposium on structural study of sign systems. Moscow, 1962. P. 38, 39.

4. Brontë Ch. Jane Eyre [electronic resource]. URL: <http://e-libra.ru/read/252679-dzhejn-yejr.html> (date of application – 28.11.2017).

5. Vranchan E.V. The role of advertising outdoor signs in artistic text (based on N.V. Gogol's writings) // Interexpo Geo-Siberia, 2016, vol. 6, iss. 2. P. 46-50.

6. Bulgakov M.A. Dog's heart [electronic resource]. URL: http://modernlib.ru/books/bulgakov_mihail_afanasevich/sobache_serdce/read (date of application – 28.11.2017).

7. Gogol N.V. Viy [electronic resource]. URL: <http://ilibrary.ru/text/1070/p.15/index.html> (date of application – 28.11.2017).

8. Gogol N.V. Dead souls [electronic resource]. URL: <http://ilibrary.ru/text/78/index.html> (date of application – 28.11.2017).

9. Gogol N.V. The nose [electronic resource]. URL: <http://ilibrary.ru/text/76/index.html> (date of application – 28.11.2017).

10. Gogol N.V. The overcoat [electronic resource]. URL: <http://ilibrary.ru/text/980/index.html> (date of application – 28.11.2017).

11. Gorky M. The fairytale [electronic resource]. URL: <http://iknigi.net/avtor-maksim-gorkiy/29371-skazka-maksim-gorkiy/read/page-1.html> (date of application – 28.11.2017).

12. Grigorovich D.V. Gutta-percha boy. Moscow, 2016. P. 9 – 95.

13. Grik N.A. Advertisements in Tomsk regional newspaper “The Red Flag” (1921–1925) and restoration of commodity and money relationships // Bulletin of Tomsk State University. 2016. Iss. 408. P. 66 – 71.
14. Jerome K. Jerome. Three men in a boat [electronic resource]. URL: <http://e-libra.ru/read/254890-troe-v-lodke-ne-schitaya-sobaki.html> (date of application – 28.11.2017).
15. Dickens Ch. Dealings with the Firm of Dombey and Son: Wholesale, Retail and for Exportation [electronic resource]. URL: <http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d13.txt> (date of application – 28.11.2017).
16. Efremycheva L.A. Rumour in Petersburg novels by N.V. Gogol as a live newspaper // Proceedings of Saratov University. New series. Series “Philology. Journalism”. 2015. Vol. 15, iss. 1. P. 31-39.
17. Zoshchenko M.M. Hearts of three [electronic resource]. URL: http://bibliotechka.ucoz.com/publ/klassicheskaja_literatura/zoshhenko_m_m/serdca_trekh/75-1-0-870 (date of application – 28.11.2017).
18. Leskov N.S. Nowhere to go [electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1864_nekuda.shtml (date of application – 28.11.2017).
19. Leskov N.S. Islanders [electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1866_ostrovityane.shtml (date of application – 28.11.2017).
20. Mayakovsky V.V. To the outdoor signs [electronic resource]. URL: <http://ilibrary.ru/text/2120/p.1/index.html> (date of application – 28.11.2017).
21. Mayakovsky V.V. The night [electronic resource]. URL: <http://stihirus.ru/1/Mayakovskiy/28.htm> (date of application – 28.11.2017).
22. Nekrylova A.F. Russian folk city festivals, amusements and shows. The end of the 18th – the beginning of the 20th cent. St.-Petersburg, 1984. P. 216.
23. Palahniuk E. The lullaby [electronic resource]. URL: <http://e-libra.su/read/138468-kolybelnaya.html> (date of application – 28.11.2017).
24. Pushkin A.S. Eugenie Onegin [electronic resource]. URL: <http://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (date of application – 28.11.2017).
25. Skuridina S.A., Maslennikova I.A. Periodical press as the source of historical and cultural studies (based on newspaper advertisements of the 19th century) // Actual issues of modern philology and journalism. 2017. Iss. 3 (26). P. 72 –78.
26. Strugatsky A. and B. Monday starts on Saturday [electronic resource]. URL: <http://e-libra.ru/read/351868-ponedelnik-nachinaetsya-v-subbotu.html> (date of application – 28.11.2017).
27. Kharms D. Printipram circus // D. Kharms. The great book of poems, fairytales and funny stories. Moscow, 2015. P. 52 – 57.
28. Hemingway E. For sale: baby shoes, never worn [electronic resource]. URL: <http://hemingway-lib.ru/ekranizatsii/prodayutsya-detskie-botinochki.html> (date of application – 28.11.2017).
29. Chekhov A.P. The gooseberries [electronic resource]. URL: <http://poesias.ru/proza/chehov-anton-pavlovich/chehov10250.shtml> (date of application – 28.11.2017).
30. Chekhov A.P. Confused announcement [electronic resource]. URL: <http://poesias.ru/proza/chehov-anton-pavlovich/chehov10395.shtml> (date of application – 28.11.2017).

ЯЗЫК СМИ **LANGUAGE OF MASS MEDIA**

УДК 811.112.2`373.43 : 070 (430)

<i>Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко преп. кафедры романо-германской филологии Стасевич Ю.Ю. Луганск, +380660316666 e-mail: yuliya.stasevich139@gmail.com</i>	<i>Luhansk Taras Shevchenko National University The department of Roman and German Philology lecturer Stasevich Yu.Yu. Luhansk, +380660316666 e-mail: yuliya.stasevich139@gmail.com</i>
--	---

<i>Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко студентка филологического факультета, 2 курса магистратуры специальность: Язык и литература (немецкий, английский) Шульженко А.С. Луганск, +380951641651 e-mail: anuta.shulzhenko@gmail.com</i>	<i>Luhansk Taras Shevchenko National University student of philological faculty, 2nd year Master student specialty: language and literature (German, English) Shulzhenko A.S. Luhansk, +380951641651 e-mail: anuta.shulzhenko@gmail.com</i>
---	--

Ю.Ю. Стасевич, А.С. Шульженко

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ НЕОЛОГИЗМОВ В СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

В данной статье рассматривается понятие «неологизм», причины его проникновения в словарный состав языка, определяются источники заимствований новых слов, обозначаются сферы употребления неологизмов в немецкой речи. Актуальность исследования предопределена быстрым изменением современного мира под воздействием разных факторов, что становится причиной возникновения новых понятий, явлений и предметов, которые отображаются в языке. В работе представлены разные взгляды исследователей на понятие неологизма. Поясняются характерные особенности неологизмов, их цель внедрения в словарный состав языка. Определяется роль неологизмов в современных немецких средствах массовой информации, сферы их использования и основные источники заимствования. Статья содержит примеры использования неологизмов-заимствований в определенных областях человеческой жизни, полученные в ходе исследования периодических немецких изданий. Цель работы состоит в детальном рассмотрении понятия «неологизм», изучении различных мнений лингвистов о неологизмах, классификации неологизмов по сферам употребления и определения их роли в средствах массовой информации. В результате исследований было выявлено, что не существует однозначного определения понятия «неологизм». Также были установлены основные причины появления новых слов в языковом пространстве, обозначены мотивы заимствования слов с английского языка, а также названы распространенные сферы употребления неологизмов. В процессе работы были использованы следующие методы и подходы: метод сравнения при рассмотрении различных взглядов исследователей на понятие «неологизма»; метод теоретического анализа при работе с немецкими периодическими изданиями. Результаты данного исследова-

ния могут быть использованы при дальнейшем анализе функционирования неологизмов в художественных и публицистических текстах.

Ключевые слова: неологизм, заимствования, новообразования, новые лексические единицы, обновление лексики, средства массовой информации.

Yu.Yu. Stasevich, A.S. Shulzhenko

TO THE QUESTION OF THE USE OF NEOLOGISMS IN THE MASS MEDIA (ON THE MATERIAL OF GERMAN MEDIA)

In this article the concept of «neologism» and thereasons of its penetration in the vocabulary of the language are researched, the sources of borrowings are determined; the areas of use of neologisms in the German language are designated. The actuality of the research is predetermined by the rapid change of the modern world under the influence of different factors that causes appearance of the new concepts, phenomena and subjects which are reflected in the language. The article presents different views of researchers on the concept of neologism. The article explains the characteristic features of neologisms, their purpose of introduction into the vocabulary of the language. The article defines the role of neologisms in modern German media, the scope of their use and the main sources of borrowing. The article contains examples of the use of neologisms-borrowings in certain areas of human life which were obtained during the study of the German periodical publications. The aim of this article is to examine in detail the concept of «neologism», to study the different opinions of linguists on neologisms, to classify neologisms in the fields of use and determine their role in the mass media. The studies revealed that there is no clear definition of «neologism». Also the main reasons of the emergence of new words in the linguistic space were identified, the motives of borrowing words from English were determined, and also were named common areas of use of neologisms. In the process of work, the following methods and approaches were used: the method of comparison by considering the different views of researchers on the concept of «neologism»; the method of theoretical analysis by working with German periodicals. The results of this study can be used in the further analysis of the functioning of neologisms in fiction and nonfiction texts.

Key words: neologism, borrowings, new formations, new lexical part, the updating of the vocabulary, mass media.

Языкознание на разных этапах своего существования постоянно задавалось вопросом, какими средствами пользуется человек для описания окружающего мира, который находится в непрерывном движении и нуждается в новых номинациях.

В XX веке происходит расширение старых и возникновение новых сфер номинаций, чему способствует развитие науки, техники и средств массовой информации. Следует обратить внимание, что развитие номинативной функции языка находит свое отражение как в расширении и обновлении словарного состава, так и в изменениях способов номинации. В разные периоды языкового развития и в разных языках отдается предпочтение определенным моделям именительных процессов.

Изменения, которые происходят в обществе, непосредственно отображаются во всех языках мира и получают соответствующее словарное оформление в виде названий. Постоянство или недолговечность новых слов обуславливается внешними обстоятельствами. Новые слова отражают динамичность окружающего мира, отмеченную индивидуальным или коллективным сознанием.

По мнению А.А. Уфимцевой фиксация концептуального мира человека, основным источником которого является окружающий мир, происходит благодаря языку. С помощью лексических единиц человек выражает свои чувства, эмоции и ощущения по

отношению к объектам реального мира. Отношение к действительности, в первую очередь, заложено в словах как в номинативных единицах языка, что позволяет идентифицировать реальные и идеальные сущности [9; с.120].

Процесс обновления лексики происходит постоянно, однако в некоторые периоды времени он наиболее интенсивен. Как считают многие современные языковеды, вторую половину двадцатого столетия можно ознаменовать периодом «неологического бума» в языке. Это способствовало появлению абсолютно новой отрасли лингвистики – неологии – науки, которая занимается изучением неологизмов. Неология занимается выявлением новообразований, поиском причин и факторов их появления, изучением способов их образования, разработкой принципов отношения к ним, а также их лексикографической отделкой. Объектом неологии считается новое слово, у которого нет конкретного и четкого названия.

Учитывая множество работ, которые касаются вопроса дефиниции новых слов, нет единства в понимании содержания нового слова. При обозначении новообразований чаще всего в языкознании используют термин «неологизм». В словаре иностранных языков неологизм трактуется как слово или оборот речи, которые созданы для обозначения нового предмета или для описания нового явления [10; с.246]. По мнению Д. Э. Розенталь, неологизмами являются новые слова, которые еще не стали привычными и повседневными названиями соответствующих предметов и понятий [7, с.98]. В.В. Лопатин считал, что неологизмы это новые слова, которые усваиваются в языке. И каждое такое слово считается общественным явлением, так как возникло оно с потребностями общества [4; с.20]. В.В. Виноградов, в свою очередь, характеризует неологизмы, как «не просто новые, а очень новые, новенькие, совсем недавно появившиеся слова, новизна и свежесть которых ощущается говорящими. Пребывание слова в «неологизмах» обычно непродолжительно. Если слово образовано удачно, а явление, которое им обозначается, прочно вошло в язык, название этого явления перестает быть неологизмом, становясь обычным словом языка» [1; с.205].

Неологизмы возникают в разных сферах человеческой жизни, из-за чего они могут использоваться во всех функционально-речевых стилях, а также в языке современной художественной литературы. Неологизмы обусловлены общественными изменениями и необходимостью обозначения новых аспектов и сторон жизни человека. Актуальными могут стать как новообразования, заимствования из других языков, так и уже существующие языковые единицы, подогнанные под позицию новых реалий.

Процесс появления новых слов выражает приспособление языка к повседневной жизни и является необходимым для дальнейшего функционирования языка как средства общения и взаимопонимания между людьми. Обновление языкового состава любого языка является непрерывным процессом, который связан с изменениями, происходящими в различных отраслях: в технике, науке, политике, медицине, спорте, экономики и в повседневной жизни.

Для наглядного примера обратимся к немецкому обществу и рассмотрим основные сферы использования неологизмов. Ежегодные обзоры Общества немецкого языка, которые осуществляются в течение многих лет и каждый раз вызывают большой интерес общества и всех ученых, заинтересованных развитием и обогащением современного немецкого языка, позволяют выявить популярные сферы использования неологизмов. Отобранная лексика, в результате ежегодного анализа периодических изданий то-

го или иного года, является предметом всеобщего внимания с точки зрения языка. С ее помощью определяются актуальные темы, которые существуют в обществе в конкретный период времени. Соглашаясь с мнением Е.В. Розен, рассматривая актуальную лексику немецкого языка, ориентируясь на ее понятийное содержание, можно составить своего рода социологический диагноз современного немецкоязычного общества [6; с.150].

Изменение тысячелетий (1999 и 2000) привлекло к себе всеобщее общественное внимание и актуализировало в немецком языке слово *Jahrtausend* с его производными *Jahrtausendwende*, *Jahrtausendfieber*, *Jahrtausenddrummel*, *Jahrtausendbaby*. Серьезную конкуренцию этим немецким лексическим единицам составило иноязычное слово *Millennium* или *Millenniumswende* с его производным впечатляющим разнообразием слов, от торговых предложений: *Millenniumangebote und -Sonderangebote*, *-Sekt*, *-Salami*, *-Konfitüre*, *-Schokolade*, *-Krawatten und-Socken* [11; с.18-21].

Политические изменения в стране, такие как смена правительства или власти, вызывают оживление в обществе, а также неоднозначную реакцию. Эти события требуют от вещания создания специальных терминов и выражений, наиболее часто они выступают в роли окказионализмов. Несмотря на кратковременность своего существования, они соотносятся с языком, соответствуют законам, правилам и тенденциям словообразования. Так слово «канцлер» часто становится основой для создания неологизмов, представляя характеристику определенному стилю руководства главы правительства Германии.

Оценивая продолжительное или наоборот непродолжительное пребывание политика у власти, можно услышать такие слова: *Noch-Kanzler*, *Bald-Kanzler*. По отношению к Гельмуту Колю использовались следующие понятия: *Anderkanzler*, *Bargeldkanzler*, *Ewigkeitskanzler*, *Nachkohlzeit*, *Nach-Kohl-Ära*. Имя и фамилия высокого чиновника Герхарда Шредера стали основами для следующих новообразований: *Es hat geschrödert im Schröderland*, *Schröderrausch*, *Schröder-Effekt* или *die Schröder / Fischer-Ära* [11; с.23-25].

Избрание федеральным канцлером Германии женщины Ангелы Меркель вызвало появление слова *Bundeskanzlerin*, которое стало словом 2005 года по версии Общества немецкого языка [11; с.1-3]. Также в языковом пространстве возникает вопрос о форме обращения к канцлеру-женщине. По аналогии с обращением к министру-женщине: *Frau Minister*, это должно выглядеть как: *Frau Bundeskanzler*. Так, во внутригосударственном протоколе используется обращения *Frau Bundeskanzlerin*, а официальное обращение на межгосударственном уровне предполагает нейтральное *Exzellenz (Ihrer Exzellenz Bundeskanzlerin der Bundesrepublik Deutschland Frau Dr. Angela Merkel)*. А учитывая государственные и международные инициативы нынешнего канцлера ФРГ, направленные на поддержку глобализационных процессов, ее называют в прессе *Globalisierungsgestalterin*, *Aussenkanzlerin* или *Auswärts-Kanzlerin* [3; с.53-57].

В последние годы США и Англия активно влияют на различные области жизни других стран, в том числе и Германии. Английский язык по праву считается международным, с его помощью в любой стране достигается взаимопонимание между людьми. На английском языке ведутся переговоры, публикуются доклады, проходят научные конференции, производится обучение во многих странах мира. В связи с этим в немец-

кой речи появилось большое количество англицизмов, которые также считаются неологизмами.

В современном мире ведущую роль занимает информация и пути ее распространения. Самым быстрым и популярным способом распространения информации являются средства массовой информации. Лексическая система языка средств массовой информации – это динамическая система любого языка. Известным фактом является то, что в сфере СМИ находят свое отражение процессы жизни языкового организма общества, именно в этой области сосредоточены все инновации, ведь основными функциями средств массовой информации является информативность и новизна. Проанализировав два периодических издания «Neue Welt» и «Lisa», можно сказать, что большинство неологизмов, в основном неологизмов-заимствований из английского языка, появляется в таких сферах человеческой деятельности [12, 13]:

- Здоровье, медицина, косметика: *Aids, Conditioner, Body Lotion, Make-up, relaxen*;
- Информационные технологии: *Bit, Provider, Know-How, Jostick, Hacker*;
- Культура и образование, литература и искусство: *Bestseller, Essay, Love-Story, Promoter*;
- Продукты питания: *Coke, Brandy, Chips, Cream, grillen*;
- Окружающий мир: *Greenpeace, Smog*;
- Свободное время, спорт: *Fan, Beach-Volleyball, Airbag, Match, Jogging, Start*;
- Политика и история: *Holocaust, killen, Law and Order*;
- Молодежный сленг: *cool, Punk, Fail, Trouble*;

Язык является основным средством, инструментом, орудием для реализации намерений и целей в процессе познания мира и общей коммуникации. Именно понимание языка как динамической системы, находящейся в постоянном развитии, составляет теоретическую основу функционализма [8; с.112].

Газета является средством коммуникации, в связи с чем она реагирует на все изменения и потребности читателей и принимает участие в культурном развитии. Каждый текст печатных изданий содержит неологизмы-заимствования. Некоторые из них помогают читателям понять основную мысль написанного, вызвать чувство уверенности и осознанности, поскольку эти слова являются общеупотребительными и известными большому количеству людей. Другие, наоборот, могут запутать и сбить с толку даже носителя языка, и поэтому существует потребность в дальнейшем объяснении автором этого заимствования. Употребление заимствованных слов удовлетворяет коммерческие интересы газеты. Применение совершенно новой лексики вместо простой и эмоционально нейтральной лексики усиливает внимание и заинтересованность читателя.

Заглавие имеет особое влияние на читателя, когда после ознакомления с текстом происходит сравнение изложенной информации с названием статьи. Поэтому можно считать, что заглавие настраивает читателя на определенный смысл, понимание которого чаще всего возможно только после полного ознакомления с содержанием текста, а целостное раскрытие происходит посредством связи текста с заголовком.

Так как газетные заглавия в целом выполняют номинативно-информативную, графическую, рекламную и в первую очередь функцию убеждения и агитации, основной особенностью выразительных средств в газете является их социально-оценочные качества и возможности целенаправленного воздействия на аудиторию. Таким образом,

неологизмы являются наиболее подходящим инструментом воздействия на социум из-за их экспрессивно-эмоциональной окраски, а также современного образования. Часто журналисты собственноручно изобретают новые слова с помощью уже существующих форм. Такие неологизмы можно считать окказиональными (авторскими). Неологизмы могут создаваться в результате естественного стремления говорящего к новизне, когда образуются так называемые языковые излишки [5; с.215], например: *Superduperities* (Forbes, 15.03.93) – новообразования *super-duper* – очень красивый, высшего сорта.

Газетная речь склонна к внедрению «модных слов». К таким словам относятся экспрессивно-эмоциональные слова и выражения, стереотипные, стандартные обороты речи – языковые штампы, выражения, словосочетания, клише, являются популярными в определенный период времени как в языке, так и в прессе.

Подводя итог, можно сделать вывод, что обновление словарного состава языка – это непрерывный процесс, происходящий под воздействием общих изменений настоящего времени. В современном обществе происходит постоянное развитие разнообразных сфер человеческой жизни. В первую очередь это касается современной информационной культуры, экономической и политической жизни человечества. Таким образом, неологизмы являются неотъемлемой частью языка современных средств массовой информации. Прежде всего, это связано с тем, что новые слова придают динамичности и новизны. С течением времени лексика меняется, словарный запас языка пополняется новыми наименованиями, а маловажные реалии уходят в запас пассивной лексики. Интересно, что данный процесс невозможно контролировать.

Новые общественно-важные реалии немецкого языка активизировали процесс заимствования, что уверенно демонстрирует лексика средств массовой информации. В ней функционирует большое количество лексических единиц иноязычного происхождения из разных сфер жизни человека, которые находятся в постоянном движении. Именно это позволяет СМИ полностью освещать новые изменения общества.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография // В.В. Виноградов. М.: Наука, 1977. 310 с.
2. Кубрякова Е. С. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа // Принципы и методы семантических исследований. /Е.С. Кубрякова, З.А. Харитончик. М.: Наука, 1976. С. 202–233.
3. Кириллук М.А. Инновации в лексикологии немецкого языка начала XXI ст. // Научные записки. Серия: филологические науки (языкознание). Кировоград, 2010. С. 53–57.
4. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 408 с.
6. Розен Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е.В. Розен. М.: Менеджер, 2000. 192 с.

7. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. М.: Высшая школа, 1991. 560 с.
8. Сербенська В.А. Актуальное интервью с языковедом: 140 вопросов и ответов. / В.А. Сербенська, М.И. Волощак. К.: Просвещение, 2001. 204 с.
9. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1968. 272 с.
10. Словарь иностранных слов. / Под. ред. И.В. Лехин, С.М. Локшина, Ф.Н. Петров. М.: Русский язык, 1979. 341 с.
11. Kuntsch L. AktuelleLexik. М.: Gotika, 2000. 80 s.
12. ZeitschriftNeueWelt. URL: <http://www.123lesespass.de/neue-welt/abo/>
13. Zeitschrift Lisa. URL: <http://lisa.de/>

References

1. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. L`eksikologiya i l`eksikografiya // V.V. Vinogradov. М.: Nauka, 1977. 310 s.
2. Kubryakova E.S. O slovoobrazovatelnom znachenii i opisaniі smyslovoi struktury proizvodnykh sufiksalnogotipa // Printsipi i metody semanticheskikh issledovaniy // E.S. Kubryakova, Z.A. Kharitonchik. М.: Nauka, 1976. S. 202–233.
3. Kiriluk M.A. Innovatsii v leksikologii nemetskogo yazyka nachala XXI st. // Nauchnye zapiski. Seriya: filologicheskie nauki (yazykoznanie). Kirovograd, 2010. S. 53–57.
4. Lopatin V.V. Rozhdenie slova. Neologizmy i okkazionalnye obrazovaniya. М.: Nauka, 1973. 152 s.
5. Popova Z.D., Sternin I.A. Obshchee yazykoznanie. Uchebnoe posobie / Z.D. Popova, I.A. Sternin. М.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 408 s.
6. Rozen E.V. Na poroge XXI veka. Novye slova i slovosochetaniya v nemetskom yasyke / E.V. Rosen. М.: Menedzher, 2000. 192 s.
7. Rozental` D. E. Sovremennyy russkiy yazyk / D.E. Rozental`, I.B. Golub, M.A. Telenkova. М.: Visshaya Shkola, 1991. 560 s.
8. Serbens`ka V.A. Aktual`noe interv`u s yazykovedom: 140 voprosv i otvetov/ V.A. Serbens`ka, M.I. Voloshchak. К.: Prosveshchenie, 2001. 204 s.
9. Ufimtseva A.A. Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka / A.A. Ufimtseva. М.: Nauka, 1968. 272 s.
10. Slovar` inostrannykh slov / Pod red. I.V. Lekhin, S.M. Lokshin, F.N. Petrov. М.: Russkiy yazyk, 1979. 341 s.
11. Kuntsch L. Aktuelle Lexik. М.: Gotika, 2000. 80 s.
12. Zeitschrift Neue Welt. URL: <http://www.123lesespass.de/neue-welt/abo/>
13. Zeitschrift Lisa. URL: <http://lisa.de/>

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это не содержание статьи, а ее характеристика. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег.....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

.....

.....

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый*

снег в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узואльным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал, / Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал* (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Никулюкин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колочим снегом /*

Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля (А. Жигулин), На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой! (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «первый снег как объект, обладающий определенными признаками», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «первый снег как объект, обладающий определенными признаками», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек (Л. Пальмин), Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток (С. Есенин), Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село (К. Ваншенкин), Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег... (Р. Рождественский), Пусть падают листки календаря, / пусть будет долог жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было... (О. Берггольц), Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок (А. Жигулин), Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе (Б. Поплавский), О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна (Л. Мочалов).*

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил (С. Есенин), Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду (К. Ваншенкин), А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша (Н. Браун), По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] <...> Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для*

пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя! (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обусловливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой.* Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстурными семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразными поэтическими индивидуально-авторскими системами.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвевает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина),

в конце XIX в. при описании небесного тела: <...> *светлая лазури высота / Горит незбылемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И тает первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *тает первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *тает*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первоначальная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега первого белее*. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при

виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научный журнал

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 4(27) 2017

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год.

Подписано в печать 19.12.2017. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 8,8. Усл.-печ. л. 13,9. Тираж 500 экз. Заказ № _____
Выход в свет 29.12.2017. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14
Отдел оперативной полиграфии ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84